

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

К вопросу о взаимоотношении объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана <i>Гайко Г.Г., Бойко А.А.</i>	5	On relations of objects in Graham Harman's object-oriented ontology <i>Georgiy G. Gaïko, Alina A. Boyko</i>
Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма <i>Мусаелян Л.А.</i>	14	Marx's theoretical heritage and modernity. Part 2. Theory and practice of Marxism <i>Lyeva A. Musayelyan</i>
Возвращаясь к тезисам Ильенкова и Коровикова, или о смысле споров «гносеологов» с «онтологами» <i>Шрейбер В.К.</i>	29	The theses of Ilyenkov and Korovikov revisited, or what's the use of the polemic between «gnoseologists» and «ontologists» <i>Viktor K. Shreiber</i>
О двух подходах к анализу общественно-политических движений как проявлениях современного цивилизационного кризиса <i>Мельников В.О.</i>	42	Two approaches to analyzing sociopolitical movements as a manifestation of the modern civilization crisis <i>Viktor O. Melnikov</i>
История и время: проблема нового начала в философии В. Бенямина <i>Савина М.А.</i>	55	History and time: the problem of the new beginning in Walter Benjamin's philosophy <i>Mariya A. Savina</i>
К характеристике отечественного технологического хронотопа 70–80-х гг. XX столетия <i>Политов А.В.</i>	65	On the Soviet technological chronotope of the 1970s–1980s <i>Andrey V. Politov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Формально-динамические свойства индивидуальности во взаимосвязи с проявлениями ценностно-смысловой сферы личности <i>Калугин А.Ю., Вихман А.А.</i>	76	Formal-dynamic characteristics of individuality in relation to the manifestations of the value-semantic sphere of personality <i>Alexey Yu. Kalugin, Aleksandr A. Vikhman</i>
Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) <i>Контева Н.В.</i>	92	Psychological effects of information technology use in relation to ontological security and embodied Self (based on the study of undergraduates of humanitarian faculties) <i>Nataliya V. Kopteva</i>

Роль когнитивных стилей в процессе социальной перцепции конкретного и безличного Другого <i>Балева М.В.</i>	106	The role of cognitive styles in social perception of the specified and impersonal Other <i>Milena V. Baleva</i>
Стили делового общения: пространство деятельности и профессиональная реализация личности. Часть 2 <i>Вильчес-Ногерол В.В., Сизова Л.А., Чумакова О.В.</i>	118	Styles of business communication: space of activity and individual professional realization. Part 2 <i>Veronika V. Vilches-NogeroI, Larisa A. Sizova, Olga V. Chumakova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Представления о социальной реальности: коммуникационные аспекты формирования в условиях информационной сингулярности <i>Захаркин Р.А., Панфилова А.О.</i>	130	Representations of social reality: communicative aspects of their construction under the information singularity conditions <i>Roman A. Zakharkin, Anna O. Panfilova</i>
Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе <i>Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Жуков П.С.</i>	139	State and dynamics of protest activity in modern Russian society <i>Tatyana N. Yudina, Yuriy N. Mazaev, Tatyana M. Bormotova, Pavel S. Zhukov</i>
Управленческая деятельность актора, как потенциал конфликта интересов: конвергентный подход <i>Шумкин Е.М.</i>	152	An actor's management activity as a potential for the conflict of interests: the convergent approach <i>Evgeniy M. Shumkin</i>
Влияние брака на психическое здоровье: обзор социологических исследований <i>Гордеева С.С.</i>	162	Influence of marriage on mental health: sociological studies review <i>Svetlana S. Gordeeva</i>
Информация для авторов	169	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-5-13

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ
В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ****ГРЭМА ХАРМАНА***Гайко Георгий Геннадьевич**Бойко Алина Александровна**Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Анализируются взаимоотношения объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана. Считается, что концепция Хармана представляет собой одно из главных достижений современной философии, т.к. именно она позволяет преодолеть проблему объективности как таковой, получить доступ к объекту, некоррелированному субъектом познания. На основе представляемой схемы объекта постулируется отсутствие субъекта и субъект-объектных отношений, строящихся на корреляциях, тем самым решается радикальным способом проблема объективности. Однако объектно-ориентированная онтология Хармана не объясняет, каким образом происходит взаимодействие некоррелированных объектов. Для разрешения данной проблемы необходимо найти такое описание механизма взаимодействия объектов, при котором объект остается реальным, т.е. некоррелированным, и в то же время чувственным — доступным для восприятия и взаимодействия. Для описания механизма взаимодействия объектов целесообразно обратиться к понятию деконструкции Жака Деррида. Применение деконструкции к анализу взаимоотношений объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана позволило деабсолютизировать корреляционизм в его статусе единственно возможного способа отношений между объектами и в то же время сохранить его в качестве способа взаимодействия объектов. Логическое объяснение характера взаимоотношений объектов можно найти в философии Альбера Камю, соединив его метод познания с принципом деконструкции. Данный метод позволил прийти к выводу о том, что корреляции необходимо возникают при взаимодействии объектов, что позволяет им проявлять себя как доступным, но в то же время существование объектов самих по себе осуществляется без корреляций. Корреляции являются условием появления чувственного объекта, но при существовании реальных объектов самих по себе корреляции невозможны. Предлагаемый метод показывает, что взаимоотношения объектов представляют собой неразрывную двойственность чувственного и реального объекта, что проявляется в их познаваемо-непознаваемой природе. Использование данного метода в исследовании характера взаимодействия объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана дает возможность более глубокого понимания проблемы объективности как таковой.

Ключевые слова: онтология, метафизика, Грэм Харман, объектно-ориентированная онтология, корреляционизм, спекулятивный реализм, недвойственность, объект, деконструкция, метод, Жак Деррида, философия, эпистемология, отношения.

ON RELATIONS OF OBJECTS IN GRAHAM HARMAN'S
OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY

Georgiy G. Gaiko

Alina A. Boyko

Orel State University named after I.S. Turgenev

The article aims to analyze the relations between objects in the object-oriented ontology of Graham Harman. The authors consider Harman's concept to be one of the main achievements of modern philosophy. This concept makes it possible to overcome the problem of objectivity as such and to gain access to the object uncorrelated by the subject of knowledge. Using the presented scheme of the object, the authors postulate the absence of the subject and subject-object relations based on correlations. Thus, the problem of objectivity is solved in a radical way. However, Harman's object-oriented ontology does not explain how the relations between uncorrelated objects occur. It is essential to find the way to describe the mechanism of interaction between objects in which the object remains real, i.e. uncorrelated, and at the same time sensual, accessible for perception and interaction. That is why the authors turn to Jacques Derrida's concept of deconstruction. Its application to the analysis of relations between objects in Graham Harman's object-oriented ontology allows the authors to deabsolutize correlationism as the only possible way of relations between objects, and at the same time to preserve it as a way of interaction between objects. The nature of the relations between objects can be logically explained by the philosophy of Albert Camus, through combining his method of cognition with the principle of deconstruction. Using this method, the authors come to a conclusion that correlations necessarily arise when objects interact, which allows them to manifest themselves as accessible. However, the existence of objects by themselves takes place without correlations. They are a condition for the appearance of a sensory object, but they are not possible with the existence of real objects on their own. The method proposed shows that the relations of objects represent an inextricable duality of the sensual and the real object, which is manifested in their knowable-unknowable nature. Studying the nature of interaction between objects in Graham Harman's object-oriented ontology with the help of this method allows better understanding of the problem of objectivity as such. This issue requires further, more extensive, study and discussion.

Keywords: ontology, metaphysics, Graham Harman, object-oriented ontology, correlationism, speculative realism, nonduality, object, deconstruction, method, Jacques Derrida, philosophy, epistemology, relations.

На прошедшей в 2007 г. в Голдсмитском университете конференции было обозначено рождение нового философского течения — спекулятивного реализма. Представителей данного течения объединяет стремление к достижению объективности как таковой, к знанию, которое предполагает непосредственный доступ к объекту, для чего необходимо преодолеть корреляционизм.

Корреляционизм подразумевает, что всякое знание об объекте вырабатывается посредством соотнесения с некой субъективной предзаданностью представлений об исследуемом. Фактически речь идет о том, что мы не имеем прямого доступа к реальности и изучаем наше представление о ней. Общая цель представителей спекулятивного реализма — попытаться понять, как возможен доступ к «некоррелированному».

Среди представленных на семинаре концепций ближе всего к обозначенной цели оказалась объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана. Автор стремился построить свою концепцию на принципах абсолютной объективности. В рамках исследуемой концепции объект представляется как абсолютно независимый от чего-либо. Любые первопричины и первоосновы априори исключены из ОО. «Единственный способ учредить объектно-ориентированную онтологию — не переключаться на процесс, поток, генезис, динамизм или протекание, а вместо этого учредить новую модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих личных вакуумах» [Харман Г., 2017, с. 13].

Дабы построение независимой модели объекта было возможно, необходимо добиться того, чтобы ни субъект, ни другие объекты не являлись условием существования объекта как

такового. Но и сам объект не будет являться условием существования других объектов. Каждый объект в ООО является центром, он лишь один из бесчисленного множества равных объектов. Такой подход приводит к тому, что ООО считает объектами «...любую единичную реальность — будь то атомы, овощи, нации или песни, — подвергающиеся изменениям или поддерживающие множество представлений, оставаясь при этом той же» [Харман Г., 2017, с. 4].

Схема объекта, представленная Харманом, предполагает, что каждый объект будет сам для себя сущностью, за которой не стоят первичные принципы или идеи. Объект может быть материальным или идеальным, это не имеет значения: дело не в том, что все объекты в равной степени реальны, а в том, что они в равной степени объекты [Харман Г., 2015].

Многие объекты могут состоять из ряда других объектов, низшего порядка. Так, объекты «дом» или «общество» будут состоять из множества объектов низшего уровня, таких как, например, элементарные частицы, из которых состоят материальные объекты. При этом сущностной разницы между элементарными частицами и домом, который из них состоит, нет. Харман помещает машины или международные банки, на тот же уровень, что и растения, животных или атомы [Harman G., 2009, p. 13–14]. В статье «О сургуче и капусте» Д. Кралечкин отмечает, что мир, который описывает ООО, — «бесконечно глубокий мир, в котором каждый объект более высокого уровня сложен из объектов более низкого уровня» [Кралечкин Д., 2014, с. 317]. Между объектами высшего и низшего уровня нет никакой разницы, т.к. в ООО все объекты равны по своей природе. ООО предполагает отсутствие иерархичности объектов [Harman G., 2010].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что ООО постулирует отсутствие субъекта и субъект-объектных отношений, тем самым решая проблему объективности радикальным способом — в схеме отсутствует субъект, следовательно, корреляционизм невозможен. Возможны только объект-объектные отношения, и только такие отношения могут рассматриваться в рамках ООО.

Сам по себе объект имеет двойственную природу: он предстает как «реальный объект»

(РО) и как «чувственный объект» (ЧО). В книге «Четвероякий объект» Грэм Харман отмечает, что любое взаимодействие происходит только между ЧО и РО [Харман Г., 2015]. Харман объясняет это тем, что реальный объект всегда оказывается недоступен. В этом его природа. ЧО, напротив, всегда доступен — это то, как РО проявляется при взаимодействии. ЧО — это видимая сторона объекта как такового.

Так происходит потому, что сама сущность объект-объектных отношений состоит в том, что объекты друг для друга оказываются доступно-недоступны, т.к. изменяется набор качеств этих объектов. Д. Вяткин также отмечает важность того, что эти изменения происходят постоянно [Вяткин Д., 2017]. Объект предстает как доступный, потому что это все тот же объект, и как недоступный, потому что он все время изменяется, а это делает невозможным его четкую фиксацию. Такое действие предполагало бы, что мы рассматриваем уже не объект, а его идеализированную статичную модель. То есть некий образ, коррелированный нашим сознанием, что неправомерно в рамках ООО. Таким образом, ООО постулирует доступно-недоступную природу объектов [Harman G., 2011]. Главная проблема ООО состоит в том, что в ней не дается четкого описания механизма взаимодействия данных объектов. Заметим, что речь идет как о внешнем взаимодействии объектов, так и о взаимодействии внутри объекта, т.к. эта двойственность предполагается концепцией Хармана.

Для объяснения взаимодействия Харман обращается к термину «интенциональность»; это особая взаимная направленность объектов друг на друга. Автор пишет: «...интенциональность кажется отношением между мной и чувственно воспринимаемой сосной, это просто ее внутреннее содержание» [Харман Г., 2012, с. 81].

Далее Харман пишет, что интенция возникает из «необъяснимого замещающего слияния меня с реальной сосной или с чем-то еще, что возбуждает во мне иллюзию восприятия» [Харман Г., 2012, с. 82]. Замещающее слияние Харман называет «замещающей причиной» [Харман Г., 2012]. Как мы видим, интенция приводит к появлению иллюзии, т.е. познанию не объекта как такового (РО), а его явления (ЧО). Может показаться, что «необъяснимое замещающее слияние» является примером

корреляционизма, от которого избавляется ООО. Но «замещающее слияние» не может выступать коррелятом, т.к. для этого нужно, чтобы постулировалась наличность интенциональности как атрибута бытия. Как отмечают многие исследователи, в частности Дмитрий Кралечкин, такое признание бы означало, что в основу логики построения ООО положен некий принцип, являющийся результатом взаимодействия. Это является нарушением логики, т.к. следствие не может быть причиной [Кралечкин Д. 2014, с. 313]. Иными словами, признание наличности интенциональности как атрибута превратило бы ее в коррелят, что отрицается природой объектов.

Таким образом, ООО не дает четких ответов на вопрос о том, как возникает и как функционирует интенциональность. Харман отмечает, что его теория не может до конца объяснить природу взаимоотношений между объектами. Это самая крупная проблема ООО, а ее решение предполагает расширение представлений об объектах: «Но остается вопрос, почему реальный объект вообще касается чувственного объекта: что нам это дает относительно знания структуры космоса и объектов?» [Харман Г., 2015, с. 135]. При этом Харман стремится найти описание данного взаимодействия при помощи эстетики и ее методов. Он называет эстетику «будущим философией» [Harman G., 2018, p. 184]. Причина проблемы в том, что традиционные методы отношений предполагают завершенность взаимодействия между объектами. Это предполагает доступность объектов друг для друга, что не согласуется с представлениями о природе объекта в рамках ООО.

Очевидно, что эстетика действительно способна помочь понять некоторые стороны объекта, когда разум оказывается неспособен постичь их. Один из критиков ООО Стивен Шавиро отмечает: «Эстетика предполагает ощущение объекта как его самого — помимо тех его аспектов, которые могут быть поняты или использованы... Лишь эстетически, за пределами понимания и воли, я могу оценить акт (actus) бытия вещи тем, что она есть» [Шавиро С., 2017, с. 137]. Харман называет это «чистой искренностью существования» [Harman G., 2005].

С одной стороны, обращение к эстетике может показаться интуитивной догадкой, способной привести к заблуждениям. Видный критик ООО Питер Вульфендейл считает, что, опираясь на эстетику, Харман отходит от реализма [Wolfendale P., 2014]. Но, с другой стороны, обращение к эстетике инспирировано природой объектов: реальность всегда ускользает, и поэтому ее нельзя выразить ни словами, ни формулами. Сам Харман считает, что пока метафорический доступ к реальности — это лучшее, что мы имеем [Harman G., 2018, p. 184–185]. Природа реальности диктует поиск новых методов ее понимания.

Очевидно, что необходимо найти такое описание механизма взаимодействия объектов, которое могло бы показать, каким образом возможна одновременно доступная и недоступная природа объекта. В основании такого метода не должно быть корреляций, т.к. их наличие заставило бы метод исследовать конечный, т.е. полностью доступный объект, что противоречит природе объекта в ООО.

Для разработки данного метода обратимся к понятию «деконструкция» Жака Деррида [Деррида Ж., 2000]. Деконструкция предполагает идентичное с ООО представление об объектах как о доступно-недоступных и независимых от любых первопричин. Деконструкция — это не метод и не принцип, это не явление и не сущность. У деконструкции нет границ ни идеальных, ни материальных. Это сама сущность неконкретности, не отрицающая ни доступность, ни недоступность.

Деконструкцию можно определить как преодоление абсолютизации чего-либо, т.е. централизации какого-либо элемента. Сущность централизации состоит в том, что в бинарной паре объектов всегда выделяется главный (центральный) и подчиненный элемент [Деррида Ж., 1999]. Специфика отношений между такими объектами приводит к созданию первооснов, т.е. того, с чем происходит корреляция. Корреляционизм — это следствие централизации чего-либо. Деконструкция уравнивает метафизический статус элементов бинарной пары, что делает невозможным абсолютизацию централизации как таковую, т.к. абсолютизация как таковая является логическим заблуждением.

Однако корреляционизм как таковой не отменяется. Преодолевается его абсолютный статус как единственного механизма взаимоотношения между объектами. Полный отказ от него означал бы абсолютизацию отсутствия корреляционизма, что также неправомерно в рамках деконструкции, т.к. деконструкция отменяет всякую абсолютность. Поэтому мы только деабсолютизуем его статус единственно возможного способа отношений. Следовательно, мы не можем избавиться от корреляционизма полностью. Это означает, что он должен иметь место в отношениях между объектами и, следовательно, без корреляций нельзя описать их взаимодействия. Заметим, что, возвращая корреляционизм в дискурс, мы не выходим за рамки спекулятивного реализма. Известно, что, хотя все представители течения согласны с тем, что корреляционизм необходимо преодолеть [Мейясу К., 2013], их стратегии предполагают разные пути. Радикальнее всех по этому вопросу настроен Грэм Харман, в то время как Квентин Мейясу не считает, что отказ от него должен быть полным [Meillassoux Q., 2009].

Необходимо найти метод исследования взаимодействия, постулирующего одновременную доступность и недоступность объекта, который, с одной стороны, покажет, каким образом происходит централизация, приводящая к корреляциям, а с другой — что корреляции не являются абсолютными в рамках отношений между РО и ЧО. Наш метод покажет, что корреляционизм является необходимой частью любой взаимосвязи объектов. В то же время должен быть и другой способ взаимосвязи. Логическое основание нашего метода мы находим в философии великого французского мыслителя и драматурга Альбера Камю. Его творчество и мировоззрение строится на базовых философских принципах, которые он изложил в работе «Миф о Сизифе».

При построении своего метода Камю исходил из той же предпосылки, что и представители спекулятивного реализма. По его мнению, истинное знание невозможно в силу того, что мы постигаем мир не напрямую, а посредством соотнесения с внутренними предположениями субъекта: «Я могу понимать [что-либо. — Г.Г., А.Б.] не иначе, как с помощью человеческих понятий» [Камю А., 1990, с. 62].

Автор считает, что избавиться от корреляций невозможно, но такой способ познания не приводит к истине. Корреляции часто «маскируются» под базовые идеи и принципы. В качестве примера Камю приводит утверждение Гуссерля: «То, что истинно, истинно абсолютно, в себе» [Камю А., 1990, с. 59]. Для Камю это утверждение является не чем иным, как необходимой предварительной установкой для размышления, в соответствии с которой происходит коррелирование мысли.

В книге «Миф о Сизифе» Камю пишет, что ничто в мире не может убедить его в правдивости чего-либо. Философ отрицает всякую истину и любое завершённое знание. Камю, как и герои его произведений, не может сказать «ни „да“ ни „нет“», он оказывается посреди враждебной неопределённости. Нам кажется, что автор несколько сгущает краски, считая такое мировосприятие бременем. Он подмечает, что такой способ понимания мира противится стремлению разума человека к «конкретности» [Камю А., 1990] и законченности знаний и поэтому воспринимается как абсурдный. Абсурд, по Камю, состоит в том, что, получая завершённые ответы, разум наталкивается на ещё большую неизвестность, если он достаточно последователен в собственной логике.

В своих работах автор показывает, что человек не может определять свое знание о мире. В подтверждение этого Камю пишет: «...Метод, определяемый мною здесь, откровенно признается в том, что он исходит из послышки о невозможности истинного познания. Возможно лишь перебрать видимости и ощутить климат» [Камю А., 1990, с. 36].

Камю смог избежать важной и по сей день актуальной эпистемологической проблемы — антропоцентричности: «Одним из проблематичных последствий господства эпистемологии в нынешней философии является то, что она обрекает философию на сугубо антропоцентричную ориентацию» [Брайант Л.Р., 2014, с. 281]. Это позволило Камю создать свой метод, не зависящий от корреляций с субъектом познания, что сделало его максимально объективным.

Свой метод познания Камю демонстрирует на одной из апорий Аристотеля: «...тот, кто утверждает, что все истинно, делает истинным и утверждение, противоположное его соб-

ственному, и тем самым делает свое утверждение неистинным (ибо противоположное утверждение отрицает его истинность); а тот, кто утверждает, что все ложно, делает и это свое утверждение ложным. Если же они будут делать исключение — в первом случае для противоположного утверждения, заявляя, что только одно оно не истинно, а во втором — для собственного утверждения, заявляя, что только оно одно не ложно, — то приходится предполагать бесчисленное множество истинных и ложных утверждений, ибо утверждение о том, что истинное утверждение истинно, само истинно, и это может быть продолжено до бесконечности» [Камю А., 1990, с. 39].

В этой апории показано, что корреляции, с одной стороны, необходимы для того, чтобы объект (например, объект «все верно») существовал. С другой стороны, апория показывает, что природа таких отношений не может дать истинного знания о самом объекте. Для того чтобы просто «быть», объект должен коррелировать, но тогда он перестает быть самим собой. Именно так происходит взаимодействие объектов (РО и ЧО) в ООО.

Рассмотрим категории из апории Аристотеля как объекты. Когда объект «все верно» ввиду своей природы начинает утверждать отсутствие противоположного РО, он неизбежно должен занимать эту нишу («все ложно»), но это приводит к противоречию: объект не может являть собой свою противоположность. Объект «все ложно» также отрицает отсутствие противоположного «все верно» тем фактом, что он не предполагает его существования. Любой РО подразумевает отсутствие других реальных объектов как их противоположностей, где противоположностью любого РО будет любой другой РО. РО не может допустить существование другого РО вместе с самим собой.

Следовательно, оба реальных объекта всегда будут ускользать друг от друга или будут невозможны. Эти объекты исчезают из-за их завершенной природы, которая не позволяет им существовать вместе с другими объектами. Метод показывает, что завершенность утверждений, как и завершенность РО, просто не может существовать без каких-либо предположений. На уровне объектов это работает как появление ЧО путем замены или изменения

определенной части качеств РО в момент столкновения с другим РО.

Приведем пример применения данного метода относительно классических философских объектов исследования. Возьмем в качестве РО объекты «бытие» и «ничто». Если есть бытие, то все, что не есть бытие (то есть другие объекты), также будет являться бытием. Если есть ничто, то все, что не есть ничто, будет являться ничто. Эти объекты опровергли бы сами себя, если бы вступили в отношения напрямую друг с другом. Мы видим, что взаимодействие РО напрямую невозможно. Метод подсказывает, что, для того чтобы «бытие» было возможно без внутреннего отрицания в виде «все, что не есть бытие, есть бытие», нам необходимо сделать допущение, которое будет выглядеть так: «Есть бытие, а все, что не есть бытие, будет являться бытием, кроме ничто».

Метод показывает невозможность завершенного знания об объекте, что означает недоступность РО. Совместное существование РО как непосредственно данных объектов невозможно, т.к. они необходимо должны быть опосредованы чем-либо. В данном случае РО «бытие» опосредуется допущением «все, что не есть бытие, будет являться бытием, кроме ничто».

Это значит, что РО «бытие» должен быть коррелирован с чем-то, чтобы существовать. Как и «ничто» или любому другому РО, ему также необходим коррелят. Мы показали, что РО необходимо не существует в опыте. Таким образом, мы можем сделать вывод, что РО не может появиться в мире вне корреляций.

Отметим, что в качестве бинарной пары реальных объектов мы можем взять любой РО. Можно рассмотреть пару «все ложно» – «колесо автомобиля», и мы увидим ту же схему. Важно не то, какого рода объект мы рассматриваем. Важно то, что мы рассматриваем объект.

РО «бытие» получает возможность появиться в мире в тот момент, когда мы допускаем, что «все бытие, кроме того, что не есть бытие». Без этого допущения РО «бытие» не способен существовать в мире, полном других объектов. Но тогда он уже не является РО. Он становится чувственным объектом, т.к. опосредован чем-то. Сталкиваясь друг с другом, два РО вынуждены допускать существование друг друга, т.е. коррелировать. Так появляется

ЧО — результат корреляций между РО. Таким образом, благодаря феномену корреляционизма возможно появление ЧО.

Мы показали половину искомого взаимодействия. Мы прояснили, как РО недоступен в опыте, как ЧО возможен и почему необходимы корреляции. Здесь легко попасть в логическую ловушку, сделав РО лишь логической первопричиной, а не реальной онтологической сущностью, что противоречит ООО. Мы должны пройти вторую половину пути от ЧО до РО.

При изучении объектов, которые коррелированы чем-либо, применение логики приводит к правильным выводам. Но если исследовать то, что недоступно, но необходимо, т.е. РО, — возникают затруднения. Приведем пример: разум стремится обосновать невозможность абсолютного знания, абсолютизируя абсолютность невозможности. Это верно для метода, не выходящего за пределы корреляции, но в отношении РО это означает, что если РО невозможен т.к. достижим, то он невозможен, т.к. не будет являться РО, будучи достижимым. Это неверно, т.к. тогда абсолютизируется невозможность его существования, невозможность РО быть РО, что противоречит деконструкции, поскольку в этом случае произойдет абсолютизация.

Следовательно, РО должен существовать и должен быть постижим, но «как-то иначе». Еще раз отметим, что проблема в том, что абсолютизируется невозможность «невозможного», чем теория сама себе противоречит, т.к. происходит абсолютизация чего-либо. Следовательно, РО необходимо существует, т.к. абсолютизация его невозможности неверна. Мы получаем обоснование невозможности невозможности реального объекта. Иными словами, он необходим. Наш метод показал, что РО становится ЧО благодаря корреляциям. Одновременно с этим корреляции устраняются, т.к. они тоже не могут быть абсолютными, что возвращает нас к РО. Это означает, что рассматривать реальный объект как непостижимый можно только с учетом его постижимости в виде чувственного объекта. Фактически речь идет о единстве в двух проявлениях. Для разума, привыкшего фокусироваться только на одной стороне объекта, трудно принять двойственность. Это абсурд, о котором писал Камю. Однако такой способ миропонимания не

несет в себе противоречий, в отличие от способа миропонимания, основанного только на корреляциях. Мы делаем парадоксальный вывод, что объекты, с одной стороны, недостижимы, а с другой — достижимы, как подсказывает наш метод, основанный на ООО, деконструкции и логике абсурда Камю. Тем самым тезис Хармана о том, что реальность вещи не сводится к тому, что в ней воспринято [Harman G., 2005, p. 187], находит в нашей работе логико-методологическое подтверждение. Фактически вся наша схема взаимодействия описывает двойственность отношений РО–ЧО как процесс внутреннего установления и преодоления корреляций.

С помощью нашего метода мы рассмотрели проблему взаимоотношения объектов. Согласно полученным результатам, при взаимодействии объектов необходимо возникают корреляции, которые делают объект доступным, но в то же время существование объектов самих по себе осуществляется без корреляций. Корреляции являются условием возникновения ЧО, это замещающая причинность, благодаря которой РО предстает как ЧО. При существовании РО самих по себе корреляции невозможны.

Благодаря корреляциям объект оказывается доступен в некоторой степени в качестве ЧО, однако эта доступность представляет собой статичный образ объекта, запечатленный в той форме и с тем набором качеств, что были замечены при помощи корреляций. Но метод показывает, что вместе с этим корреляции не являются единственным и абсолютным способом взаимодействия объектов. Это означает, что часть объекта все же остается недоступной. Предлагаемый нами метод показывает, что как бы близко объекты ни «подбирались» друг к другу, они никогда не смогут быть открыты друг для друга до конца и некая часть объекта неизбежно будет оставаться сокрытой. Таким образом, подтверждается тезис Хармана о том, что объект всегда шире наших представлений о нем. Объекты действительно оказываются неисчерпаемы, но при этом — вполне достижимы. Взаимоотношения объектов представляют собой неразрывную двойственность чувственного и реального объекта, что проявляется в их познаваемо-непознаваемой природе.

Использование данного метода в исследовании характера взаимодействия между объек-

тами в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана дает возможность более глубокого понимания проблемы объективности как таковой.

Список литературы

Брайант Л.Р. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4(100). С. 275–292.

Вяткин Д. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией // Логос. 2017. Т. 27, № 3(118). С. 57–82. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-57-80>

Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вст. ст. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4(100). С. 293–318.

Камю А. Миф о Сизифе / пер. с фр. В. Великовского // Камю А. Творчество и свобода: сб. М.: Радуга, 1990. С. 29–109.

Мейясу К. Время без становления // Гефтер. 2013. 14 фев. URL: <http://gefeter.ru/archive/7657> (дата обращения: 10.10.2019).

Харман Г. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2(114). С. 75–90.

Харман Г. Сети и ассамбляжи: Возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3(118). С. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>

Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

Шавиро С. Вселенная вещей // Логос. 2017. Т. 27, № 3(118). С. 127–152. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-127-150>

Harman G. Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things. Peru, IL: Open Court, 2005. 283 p.

Harman G. I Am Also of the Opinion That Materialism Must Be Destroyed // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28, iss. 5. P. 772–790. DOI: <https://doi.org/10.1068/d5210>

Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: Re.press, 2009. 248 p.

Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 256 p.

Harman G. Speculative Realism: An Introduction. Cambridge: Polity Press, 2018. 190 p.

Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. L., UK: Continuum, 2009. 148 p.

Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumen's New Clothes. Falmouth, UK: Urbanomic, 2014. 458 p.

Получено 29.10.2019

References

Bryant L. (2014). *Na puti k okonchatel'nomu osvobozhdeniyu ob'ekta ot sub'ekta* [Towards a finally subjectless object]. *Logos*. No. 4(100), pp. 275–292.

Camus, A. (1990). *Mif o Sizife* [The myth of Sisyphus]. *Tvorchestvo i svoboda, per. s fr.* [On Creativity and Liberalism. Trans. from French]. Moscow: Raduga Publ., pp. 29–109.

Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen i drugie raboti po teorii znaka Gusserlya* [Speech and phenomena: and other essays on Husserl's theory of signs, or voice and phenomenon]. Saint-Petersburg: Aleteya Publ., 208 p.

Derrida, J. (2000). *O grammatologii*. [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.

Harman, G. (2015). *Chetveroyakiy ob'ekt. Metafizika veschey posle Heideggera*. [The quadruple object. The metaphysics of the objects after Heidegger]. Perm: HylePress Publ., 152 p.

Harman, G. (2005). *Guerrilla metaphysics: Phenomenology and the carpentry of things*. Peru, IL: Open Court Publ., 283 p.

Harman, G. (2010). I am also of the opinion that materialism must be destroyed. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 28, iss. 5, pp. 772–790. DOI: <https://doi.org/10.1068/d5210>

Harman, G. (2012). *O zameschayschey prichinnosti* [On vicarious causation]. *Novoye literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. No. 2(114), pp. 75–90.

Harman, G. (2009). *Prince of networks: Bruno Latour and metaphysics*. Melbourne: Re.press Publ., 248 p.

Harman, G. (2011). *Quentin Meillassoux: philosophy in the making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 256 p.

Harman, G. (2017). *Seti i assablyazhy: vozrozhdenie veschey u Latura i Delanda* [Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and DeLan-

da]. *Logos*. Vol. 27, no. 3(118), pp. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>

Harman, G. (2018). *Speculative realism: an introduction*. Cambridge: Polity Press, 190 p.

Kralechkin, D. (2014). *O surguche i kapuste* [Of sealing wax and cabbage]. *Logos*. No. 4(100), pp. 293–318.

Meillassoux, Q. (2009). *After finitude: an essay on the necessity of contingency*. London: Continuum Publ., 148 p.

Meillassoux, Q. (2013). *Vremya bez stanovleniya* [Time without becoming]. *Gefter*. Feb. 14. Available at: <http://gefter.ru/archive/7657> (accessed 10.10.2019).

Shaviro, S. (2017). *Vselennaya veschey* [Universe of the objects]. *Logos*. Vol. 27, no. 3(118), pp. 127–152. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-127-150>

Viatkin, D. (2017). *Plazma v sebe: mezhdue ontologiy i epistemologiy* [Plasma in itself. Between ontology and epistemology]. *Logos*. Vol. 27, no. 3(118), pp. 57–82. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-57-80>

Wolfendale, P. (2014). *Object-oriented philosophy: the noumenon's new clothes*. Falmouth, UK: Urbanomic Publ., 458 p.

Received 29.10.2019

Об авторах

Гайко Георгий Геннадьевич
независимый исследователь

302028, Орел;
e-mail: dominiquesandrelli@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1771-6211>

Бойко Алина Александровна
старший преподаватель кафедры логики,
философии и методологии науки

Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95;
e-mail: al_iina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5041-8654>

About the authors

Georgiy G. Gaiko
Independent Researcher

Orel, 302028, Russia;
e-mail: dominiquesandrelli@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1771-6211>

Alina A. Boyko
Senior Lecturer of the Department
of Logic, Philosophy and Methodology of Science

Orel State University named after I.S. Turgenev
95, Komsomolskaya st., Orel, 302026, Russia;
e-mail: al_iina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5041-8654>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайко Г.Г., Бойко А.А. К вопросу о взаимоотношении объектов в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 5–13. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-5-13

For citation:

Gaiko G.G., Boyko A.A. [On relations of objects in Graham Harman's object-oriented ontology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 5–13 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-5-13

УДК 141.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья является продолжением предыдущей, опубликованной автором в предшествующем выпуске журнала. Показывается, что любая философская теория и разработанная на ее основе концепция социального идеала так или иначе обусловлены проблемами существующей социальной реальности. И в то же время различные модели социализма, существовавшие в прошлом столетии, согласно заявлениям политических лидеров этих стран, представляли собой практическую реализацию учения Маркса. Определенно, Советский Союз был результатом революционной созидательной деятельности Ленина и его соратников, которые являлись преданными сторонниками марксизма. Почему же не состоялся социалистический проект в России? Анализируется проблема соотношения социального идеала, разработанного основоположниками марксизма, и той социальной реальности, которая возникла в результате его реализации. Выявляется различие между утопией и научно обоснованным социальным идеалом, рассматриваются трудности реализации любого социального идеала (теории). Показывается, что, несмотря на то что построенный в Советском Союзе социализм вызывает у многих исследователей вопросы, касающиеся природы этого общества, Ленин и его соратники при строительстве социализма опирались на идеи основоположников марксизма. Исследуются причины возникших различий между реальным социализмом и социальным идеалом Маркса, раскрываются факторы, способствовавшие распаду Советского Союза, среди которых немаловажное значение имело упрощенное, поверхностное понимание диалектики межформационного перехода и критериев выделения различных типов обществ.

Ключевые слова: теория и практика, социальный идеал, утопия, реальный социализм, «грубый коммунизм», «коренная задача советской власти», Советский Союз, формация, «загадка истории».

MARX'S THEORETICAL HERITAGE AND MODERNITY.

PART 2. THEORY AND PRACTICE OF MARXISM

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University

The article is a continuation of previous one, published in the preceding issue of this journal. It shows that any philosophical theory and a concept of the social ideal developed on its basis are somehow conditioned by the problems of the existing social reality. According to political leaders, the various models of socialism that existed in the last century represented the practical implementation of Marx's teachings. Certainly, the Soviet Union appeared as a result of revolutionary activities of Lenin and his associates, who were devoted supporters of Marxism. Why did the socialist project fail in Russia? The article analyzes the problem of correlation between the social ideal developed by the founders of Marxism and the social reality that arose as a result of its implementation. The difference between utopia and a scientifically based social ideal is revealed, the difficulties of implementing any social ideal (theory) are considered. Socialism built in the Soviet Union causes many questions concerning the nature of this society; however, in the process of its construction Lenin and his associates relied on the ideas of the founders of Marxism. The paper studies the reasons for the differences between real socialism and Marx's social ideal and identifies the factors that contributed to the collapse of the Soviet Union. According to the author's position,

among those factors, of great importance was the superficial understanding of both the dialectics of inter-formational transition and criteria for distinguishing various types of society.

Keywords: theory and practice, social ideal, utopia, real socialism, «crude communism», «fundamental task of Soviet power», Soviet Union, formation, «mystery of history».

Социальная философия и социальная реальность

Любая социальная теория так или иначе связана с практикой, обусловлена ею. Теория идеального государства Платона была разработана в связи с угрозой распада античного полиса. «Левиафан» Гоббс написал под влиянием гражданской войны в Англии. Марксизм, как уже отмечалось, возник как теоретическая рефлексия масштабных кризисов капитализма и осознание необходимого поиска научно обоснованных путей выхода из этого кризиса. Платон, Аристотель, Сенека, а на Востоке — Будда, Конфуций, Шан Ян, нередко рискуя жизнью, пытались реализовать свои учения в социальной действительности. Практическая ориентированность — важнейшая особенность учения Маркса, о чем мыслитель недвусмысленно заявлял уже в своих ранних работах. Почти за три тысячи лет истории философии был впервые реализован социальный проект немецкого мыслителя, что свидетельствует о востребованности этого учения. Но именно способ реализации социального проекта Маркса и его результаты, как уже отмечалось, вызывают острые дискуссии.

Любая социальная практика так или иначе опирается на какие-то принципы, нормы, смыслонесущие ценности, которые, в свою очередь, фундируются какой-то идеологией, примитивной или тщательно разработанной. По этим формальным и официально декларируемым признакам в 60–70-х гг. прошлого столетия между социалистическими странами не было существенных различий. Руководители этих стран позиционировали себя в качестве марксистов и официально заявляли о своих намерениях реализовать социальный проект Маркса. Но если сравнить реально существующие в этих странах общества, например, корпоративный социализм, построенный И.Б. Тито в Югославии, с развитым социализмом в Советском Союзе эпохи Л.И. Брежнева и социализмом КНР в период правления Мао Цзедуна, то различия между странами окажутся значительны-

ми. Речь идет не только об уровне жизни людей, но и о политическом режиме, степени обеспечения прав и свобод индивидов и других важных показателях. «Красные кхмеры» тоже использовали марксистскую лексику и заявляли о своих намерениях построить в Камбодже «стоцентное коммунистическое общество». Как помнится, руководители кхмерских революционеров даже хвастались тем, что в продвижении к бесклассовому обществу они опередили своих старших китайских товарищей. Это и понятно: в стране были фактически уничтожены вся интеллигенция и все этнические меньшинства, городское население согнано в сельские районы для выращивания риса, ликвидирована не только частная, но и личная собственность. Чем не бесклассовое общество? За 1975–1979 гг. в стране из семимиллионного населения было уничтожено около трех миллионов человек. Имеет ли отношение эта политическая практика камбоджийских псевдореволюционеров к коммунистическому проекту Маркса, в котором предполагалось отсутствие частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком? Очевидно, нет. Согласуется ли беззаконие, творимое у нас в стране в 30–40-е гг. прошлого столетия карательными органами государства, с принципами свободы, справедливости, гуманизма, отстаиваемыми Марксом? А ведь руководители страны считали себя последовательными марксистами-ленинцами.

Заметим: отход от теории Маркса, как уже отмечалось, был осуществлен уже Лениным. Более того, этот отход был условием осуществления социалистической революции в не очень развитой, периферийной, преимущественно аграрной стране, находящейся в начале капиталистической индустриализации. Эти особенности России, по мнению Ю.В. Олейникова, и были факторами, определившими незрелость российского пролетариата как субъекта, неспособного овладеть революционной теорией и обеспечить переход человечества от предыстории к подлинной истории [Олейников Ю.В., 2018, с. 27–28].

Теория и практика, безусловно, взаимосвязаны, но они отнюдь не совпадают. «Ценность теории, — пишет К. Кумар, — заключается в ее отдаленности от практической действительности, в их несоотнесенности» [Кумар К., 1992]. Отчасти можно согласиться с этим суждением английского историка, поскольку любая глубокая теория разрабатывается на основе анализа большого фактологического материала, который выходит за пределы существующей социальной реальности и социальной практики. Кроме того, теория описывает, объясняет и, что особенно важно отметить, предсказывает будущее на уровне общего (или всеобщего). Общий (абстрактный) характер теории и прогноза, на базе которых формируется социальный идеал, является, как это ни парадоксально, необходимым условием их практической реализации. Социальный идеал с подробным описанием его конкретных признаков не реализуем по определению, даже если он разработан применительно к конкретной социальной реальности. В таком случае социальный концепт, не обладая достоинством общности, представляет собой конкретно реализуемый проект. Но в любой практической деятельности, как отмечал Гегель, встречаются два противоположных мира: «...один мир есть царство субъективности в чистых пространствах прозрачной мысли, другой мир — царство объективности в стихии некоторой внешней многообразной действительности, которое есть неотомкнутое, нераскрытое царство тьмы» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 91]. Попытка людей перестроить «нераскрытое царство тьмы» в соответствии с принятым проектом наталкивается на сопротивление преобразуемой действительности, обусловленное ее неожиданной сложностью. Необходимость реализации проекта диктует его творческое изменение, отказ от тех или иных конкретных признаков. Поэтому практически воплощенный концепт может заметно отличаться от заранее разработанного проекта. Словом, социальный идеал не может иметь подробное описание конкретных признаков будущей социальной организации. В связи с этим вполне объяснима мысль Маркса о том, что он не сочиняет рецептов для кухни будущего [Маркс К., 1960, с. 19]. Не менее категоричен на этот счет Ф. Энгельс: «Мудрствовать о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведет прямо в область

утопии» [Энгельс Ф., 1961b, с. 282]. «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас» [Энгельс Ф., 1962, с. 563]. Основовоположники марксизма ограничились формулированием лишь некоторых общих принципов организации будущего общества, которое должно прийти на смену капитализму. Однако несоответствие теории и практики ее реализации не может быть основанием для объявления любой социальной концепции утопией, как это делает К. Кумар.

Чем отличается утопия от научной теории? Утопия конструируется как антитеза существующему обществу с подробным описанием социального идеала. Но этот «идеал не выражает реально существующие тенденции изменения отражаемого им объекта» [Калашников М.Ф., 2006, с. 27]. Поэтому он не описывает, не объясняет способы достижения цели, ввиду чего остается принципиально не реализуемым на практике проектом.

Социальный идеал, разработанный на основе научной теории, также является противоположностью существующего общества. Это обусловлено тем, что базовые принципы грядущего общества (общественная собственность, централизованное управление общественным производством, диктатура пролетариата и т.д.) призваны устранить факторы, определяющие глубинные противоречия и несправедливый характер буржуазного общества. Сама эта теория является результатом критического научного анализа реально существующего общества. Она описывает, объясняет, предсказывает будущее наличной социальной реальности на основе выявления и познания ее сущностных тенденций. Поэтому описываемая в социальном идеале реальность является не фантазией философа, а более или менее точным предсказанием будущего социального организма, закономерно возникшего в результате развития и самоотрицания актуально существующего общества. Отметим, что это общество представляет собой развитый капитализм. Тем не менее реализованный в СССР и некоторых других странах социальный проект социализма заметно отличается от социального идеала, представленного в трудах Маркса и Энгельса. В связи с этим возникают как минимум два вопроса. Первый — является ли общество, построенное в СССР (и других странах), дей-

ствительно социалистическим? Второй — чем обусловлено расхождение между обществом, возникшим в результате реализации социального идеала Маркса, и самим социальным идеалом? Является ли это естественным результатом столкновения двух «миров», о которых писал Гегель («царства субъективности» абстрактных идей философа и «царства объективности» непознанного «царства тьмы»), или же это расхождение имеет другую природу? Ответ на последний вопрос дает возможность уяснить причину развала СССР (и социалистической системы) и потому имеет не только чисто теоретическое значение.

Итак, был ли в Советском Союзе социализм? Представляется уместным здесь присоединиться к авторитетному мнению Т.И. Ойзермана. «...Расхождение между тем образом социализма, который предстает перед нами в трудах Маркса и Энгельса, и “реальным социализмом”, — отмечает академик, — не дает каких-либо оснований для отрицания действительного существования социалистического строя в СССР и ряде других стран. Во всех этих странах была упразднена капиталистическая собственность на средства производства, а следовательно, и класс капиталистов. Средства производства стали общественной, точнее, государственной собственностью, как это и предвидел Энгельс. И констатируя это коренное отличие советского общества от капиталистического строя, нельзя избежать вывода: в СССР был построен социализм» [Ойзерман Т.И., 2002, с. 17].

В аналитике можно обнаружить самые разные характеристики общества, которое существовало в Советском Союзе и других социалистических странах. Одни признают существование в СССР социализма, но, как и Т.И. Ойзерман, выражают свое категорическое неприятие этой социальной организации, ассоциируя ее с репрессиями, убогим бытом и дефицитом. Другие признают Советский Союз социалистической страной, где существовало гарантированное государством право на труд, на бесплатное жилье, образование, здравоохранение, возможность простых людей влиять на принятие производственных и социально-политических решений, и ностальгируют по нему. Третьи признают СССР разновидностью буржуазного общества [Бузгалин А.В., Линке П., 2013].

О некоторых причинах несовпадения социального идеала и созданной на ее основе социальной реальности

Различие оценок одного и того же общества, существовавшего в Советском Союзе и других социалистических странах, обусловлено не только разными идеологическими и политическими предпочтениями исследователей, но и сложной, даже противоречивой социально-политической реальностью, ставшей предметом анализа ученых. Ниже попытаемся ответить на вопрос о том, чем вызваны различия между существовавшим в Советском Союзе социализмом и социальным идеалом, разработанным Марксом.

Здесь можно отметить следующие обстоятельства. Необходимо отличать общественно-экономическую формацию как таковую (типологическая характеристика общества — научный концепт) от конкретной общественно-экономической формации (особого исторического типа общества), а эту последнюю — от конкретного общества, через которое она существует. Общее, особенное, единичное существуют через отдельное и в отдельном. Конкретная общественно-экономическая формация существует через отдельное и в отдельном. Конкретный социор (отдельное) ввиду неравномерности и противоречивости исторического процесса сложнее особого типа общества, поскольку он помимо сущностных признаков особого исторического типа общества — конкретной общественно-экономической формации — может включать «чужеродные» элементы, не свойственные этому социальному идеалу. Руководствуясь концепцией исторического процесса Ю.И. Семенова, можно сказать, что конкретный социор может нести в себе черты параформаций или праформаций [Семенов Ю.И., 1997; Семенов Ю.И., 1998]. Такие «вкрапления» в советской системе дают основание некоторым исследователям утверждать, что в СССР была построена особая социально-антагонистическая формация, не совпадающая ни с капитализмом, ни с социализмом [Бузгалин А.В., Линке П., 2013]. Подобная характеристика советского общества оказывается возможной, когда в центре внимания исследователя оказываются исключительно особенности конкретного социора, не укладывающиеся в при-

знаки социального идеала, но при этом игнорируются наличествующие сущностные черты социализма, как то: общественная собственность на средства производства, плановое централизованное управление общественным хозяйством, социальный характер государства и т.д.

Исторический процесс обладает ярко выраженной преемственностью. Поэтому помимо сущностных признаков, свойственных социальному идеалу, общество несет в себе элементы предыдущих формаций. Это дает основание ассоциировать советское общество с госкапитализмом и даже феодализмом. В новейшей истории смещение исторических эпох далеко не редкость. В XX в. в Великобритании и США зрелый капитализм не только сосуществовал с рабовладением, но и включал этот чужеродный реликт в свою систему [Шаинян К., 2015]. Отчуждение между властью и народом, усилившееся в 70–80-е гг., в эпоху кризиса в СССР, дает основание проводить параллель между советским социализмом и госкапитализмом.

Значимым фактором, определившим возникновение различий между реальным социализмом и социальным идеалом, является низкий уровень социально-экономического развития общества, в котором реализовывался социальный проект Маркса. Ученый разработал свой социальный идеал на основе изучения зрелого капитализма. Социализм, по Марксу, возникает в результате развития и закономерного самоотрицания буржуазного общества. Исторический опыт строительства социализма в XX в. в разных странах свидетельствует о том, что чем ниже стартовые позиции общества, в котором осуществляются революционные преобразования, тем больше различий между социальным идеалом и полученным результатом. Отсталым, преимущественно крестьянским странам за несколько десятилетий преодолеть путь, пройденный другими народами за несколько столетий, трудно, если вообще возможно. Конечно, люди сами делают свою историю, «но они, — как отмечал Маркс, — делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо или перешли им от прошлого» [Маркс К., 1957а, с. 119]. И среди этих обстоятельств «экономические условия являются в конечном счете решающими» [Энгельс Ф., 1965, с. 395]. Вполне

объяснимо желание революционеров быстро ошастливать свой народ, построив бесклассовое, справедливое общество свободных граждан. Но возможно ли реализовать вековечную мечту человечества путем простой отмены частной собственности и введения централизованного управления всем общественным хозяйством в стране периферийного капитализма, какой была Россия накануне революции? Этот вопрос тем более уместен по отношению к странам формирующегося капитализма: Монголии, Вьетнаму, Китаю и др. В таких странах мог быть создан, если использовать определение Маркса, лишь «грубый коммунизм». По мнению философа, «грубый коммунизм» является результатом абстрактного отрицания частной собственности, а не подлинного ее освоения. «Для такого рода коммунизма, — писал Маркс, — общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом...» [Маркс К., 1974, с. 115]. Есть основания полагать, что идеи о «грубом капитализме» у ученого возникли после осмысления социальной концепции Руссо. Однако нельзя не заметить, что эти мысли предсказывали результаты первых лет революционной практики в России и некоторых других странах. Очевидец революционных событий А.А. Богданов характеризовал политику большевиков в области труда и заработной платы («всем поровну») как проявление «донаучного ребяческого коммунизма» [Богданов А.А., 1990, с. 348]. Размышляя относительно «грубого коммунизма», Маркс отмечал, что абстрактное отрицание частной собственности дополняется таким же «отрицанием всего мира культуры и цивилизации» [Маркс К., 1974, с. 115]. Уместно отметить, что революции в России и особенно в Китае и Камбодже подтвердили эти прогнозы Маркса.

Действительно, смену собственности сопровождали масштабные драматические процессы «зряшного» (по Ленину) отрицания предыдущего (буржуазного) мира культуры и цивилизации. Оценивая происходящие в стране события, А.А. Богданов писал: «Нам предлагают теперь “узнавать” грядущий социализм в отвратительной карикатуре на него, порожденной войной и старым строем» [Богданов А.А., 1990, с. 350]. Необходимо отметить, что чрезвычайные меры, введенные большевиками после ре-

волюции, дискредитирующие, согласно современникам, идею социализма, были обусловлены реальными внутренними и внешними угрозами существованию советской власти [Ойзерман Т.И., 2002, с. 19]. Однако нельзя не согласиться с предположением Т.И. Ойзермана о том, что экономическая разруха, гражданская война и прочие негативные процессы, поставившие под вопрос власть большевиков, были следствием упразднения частной собственности, товарно-денежных отношений, введения коммунистического распределения, т.е. политики поспешной реализации в России коммунистического проекта Маркса. Формально политика большевиков соответствовала идеям основоположников марксизма. «Раз общество возьмет во владение средства производства, — писал Энгельс, — то будет устранено и товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителем» [Энгельс Ф., 1961а, с. 227]. Но, как отмечалось ранее, социальный проект нового типа общества основоположники марксизма разрабатывали на основе исследования зрелого капитализма. Возможно, поэтому они четко не разграничивали низшую и высшую ступени коммунистической формации.

Социалистическая революция в такой стране, как Россия, могла быть и была революцией политической. В экономике новая власть осуществила революцию собственности. Но быстрое упразднение частной собственности вовсе не означает формирования нового способа производства, который, по Марксу, является основанием и индикатором нового типа общества. Революция собственности была примером «абстрактного отрицания», свойственного, если следовать оценке Маркса, «грубому капитализму». Такое отрицание, как отмечал Маркс, возвращает общество «к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже не дорос еще до нее» [Маркс К., 1974, с. 115]. Введение производственных отношений, не соответствующих уровню производительных сил, поставило страну на грань экономической катастрофы, создало реальную угрозу завоевания революции. Ленин, нарушив принципы построения нового типа общества, сформулированные основоположниками марксизма, переходит к

новой экономической политике. Результаты не заставили себя ждать. За 10 лет страна не только преодолела голод, разруху и другие негативные последствия гражданской войны, но и превзошла экономические показатели России 1913 г. Политика ускоренного перехода к социализму в Китае и Камбодже также свидетельствует о том, что волонтаристский подход к историческому процессу оборачивается колоссальными экономическими, социальными, политическими и нравственными потерями. Строительство карикатурных форм социализма не только дискредитирует идеи социализма, но и отбрасывает общество на десятки лет назад.

Реформы в Китае, начатые в конце 70-х гг. прошлого века Дэн Сяопином, на наш взгляд, являются китайским вариантом новой экономической политики. В результате ее реализации КНР из мировой периферии за исторически короткий срок переместилась в ядро мир-истории, став второй экономической державой на планете. Осознавали ли лидеры большевиков, что они совершили революцию в стране периферийного капитализма, где отсутствует должная экономическая база для реализации социального проекта Маркса? Конечно, да. Но, похоже, поначалу не было полного понимания всей сложности решения стоявшей перед новой властью задачи создания более высокого, сопоставимого с капитализмом общественного уклада и, соответственно, более высокой производительности труда. В 1918 г. в «Очередных задачах советской власти» Ленин пишет, что на это потребуется несколько лет [Ленин В.И., 1974, с. 187]. Через год в работе «Великий почин» он указывает на то, что «капитализм может быть окончательно побежден и будет побежден тем, что социализм создаст новую гораздо более высокую производительность труда» [Ленин В.И., 1970, с. 21]. Ленин уже более осторожен в определении сроков решения «коренной задачи советской власти». «Это дело очень трудное и очень долгое» [Ленин В.И., 1970, с. 21], — замечает руководитель Советского государства. Для осуществления социализма он призывал перенять все ценные завоевания капитализма в науке, технике и организации труда.

Проблемы догоняющего развития

Идея догоняющего развития оказалась весьма притягательной. Однако при ее реализации, как свидетельствует исторический опыт Советского Союза и постсоветской России, страна сталкивается с двумя трудноразрешимыми проблемами. Первая проблема обусловлена тем, что передовые достижения науки, техники, технологии, организации труда возникают в иной социально-экономической среде, при функционировании иных социальных институтов. Перенимаемые достижения являются неотъемлемым элементом иной системы, иного культурно-исторического опыта. Поэтому заимствование даже отдельных достижений в развитии техники, технологии, организации производства требуют перестройки всей цепочки производственного процесса, а модернизация экономики — перестройки фактически всех основных сфер общественной жизни. Причем слабым звеном в этой модернизации оказывается сам человек. Это признавал и Ленин. «Русский человек, — писал руководитель молодого Советского государства, — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного строя» [Ленин В.И., 1974, с. 189]. В признании Ленина нет ничего антирусского, оно выражает лишь эмпирически фиксируемую общую закономерность развития человечества. В обществе нет ничего, что не было бы результатом реализации человеческих сущностных сил. Наука, техника, технологии, организация производства, институты, государство и т.д. являются результатом объективации сущностных сил человека. Поэтому они оказываются индикатором уровня развития человеческой сущности. Качественным показателем развития сущности человека выступают технологический уклад и обусловленные им производственные технологии. Производительность труда выступает количественной характеристикой развития сущности социальных индивидов, из которых состоит данное общество. И если уровень развития личностного элемента производительных сил не соответствует уровню развития заимствованной зарубежной высокопроизводительной техники, то она вскоре превратится в груду мертвого металла. Соответствен-

но, и приобретенная дорогостоящая технология не дает нужного результата.

Вторая проблема обусловлена внешними (геополитическими) факторами. Все вышеуказанные трудности со временем могут быть преодолены, если народ, реализующий программу догоняющего развития, при модернизации своей экономики получит всестороннюю поддержку со стороны развитых капиталистических стран. Как известно, Маркс допускал победу социалистической революции в отсталой стране при условии ее поддержки со стороны передовых стран, где уже победил социализм. Но чем могло быть мотивировано руководство развитых капиталистических стран, чтобы охотно делиться своими достижениями с молодой советской республикой, власти которой национализировали частную собственность и грезят мировой пролетарской революцией? Революция задела кровные интересы не только национального, но и иностранного капитала. На нефтяных промыслах в Баку в начале XX в. добывалась половина мировой нефти. Крупнейшими экспортёрами и акционерами Бакинской нефти были иностранцы. Причем две трети иностранных инноваций поступало от крупнейших компаний Великобритании [Митчелл Т., 2014, с. 91–92]. В 1913 г. 70 % высокотехнологичных отраслей промышленности России принадлежали западным компаниям [Алферов Ж., 2018]. Понятно, что существование и расцвет социалистического государства не соответствовали долгосрочным экономическим, идеологическим, политическим и, как стало очевидно позже, геополитическим интересам развитых стран Запада. «Все нынешние санкции, инициированные против нас Америкой, — отмечал Ж. Алферов, — это бледная тень от тех санкций, которые были организованы капиталистическим миром против первой в мире социалистической страны. Потому что капитализм понимал, что это общество в советской России погубит их» [Алферов Ж., 2018]. Поэтому развитые западные страны в 30-е гг. прошлого века сознательно канализировали агрессивные устремления Гитлера на восток, на Советский Союз. А во время Второй мировой войны абсолютное большинство европейских государств стали союзниками гитлеровской Германии и воевали против СССР. В отличие от европейской буржуазии, проявившей соли-

дарность с господствующим классом Германии, установившим у себя и в оккупированных странах реакционный тоталитарный режим, рабочий класс этих стран не продемонстрировал пролетарский интернационализм, не встал на защиту завоеваний социалистической революции в России, напротив, под знаменами своих государств он принял массовое участие в войне на уничтожение «родины мирового пролетариата». Война показала, что вероятность мировой пролетарской революции является абстрактной возможностью. Похоже, в этом была одна из причин роспуска в 1943 г. И. Сталиным Коминтерна. Необходимо отметить, что Сталина обвиняют в разных прегрешениях, но не в отсутствии у него стратегического мышления. Осознание враждебного капиталистического окружения и потенциальной опасности новой интервенции буржуазных государств побудило советское руководство перейти от НЭПа к мобилизационной экономике.

Масштабная индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства были нацелены на преодоление существовавшего экономического и технологического разрыва между СССР и развитыми странами капитализма. В результате целенаправленной организаторской деятельности властей и героических трудовых усилий народа Советский Союз перед Второй мировой войной стал второй промышленной державой мира и обрел экономическую и военную независимость. В предвоенный 1940 г. производительность труда в промышленности сопоставимо с 1928 г. возросла в 3,4 раза, в строительстве — в 2,5 раза, на железнодорожном транспорте — в 2,7 раза [Экономическая история СССР, 2007]. Предприятия, построенные в годы первых пятилеток, стали основой военной экономики и послевоенного развития. Многие из них, уцелевшие в 90-е гг., позволили государству и бизнесу бывших советских республик существовать и получать прибыли, не вкладывая больших средств.

Темпы прироста производительности труда в послевоенные годы вплоть до 70-х гг. оставались высокими (более 6 % в год). Однако с начала 70-х гг. в силу ряда причин, в том числе субъективных (ошибки в управлении экономикой, недостаточное внимание, уделяемое научно-технической политике и т.д.), темпы прироста производительности труда стали неуклонно

снижаться. В последней пятилетке (1986–1990 гг.) этот показатель составил 1,5 % [Экономическая история СССР, 2007]. По росту производительности труда Советский Союз стал значительно отставать от развитых капиталистических стран. Между тем решение «ключевой задачи» советской власти было определяющим фактором победы в холодной войне.

Среди объективных причин, повлиявших в значительной мере на исход холодной войны, следует назвать возникшую после Второй мировой войны геополитическую асимметрию между США и СССР, которая усилила и укрепила экономический, научно-технический и технологический дисбаланс между социалистическими странами во главе с СССР и глобальным капитализмом, управляемым США. У Советского Союза было мало шансов выиграть холодную войну у глобализирующегося капитализма [Мусаелян Л.А., 2016, с. 33–34]. Указанное неравенство было историческим эхом Октябрьской политической революции 1917 г. в стране периферийного капитализма.

Из контекста изложенного напрашивается вывод: в России, преимущественно крестьянской стране, социалистическая (пролетарская) революция была преждевременным явлением. В свое время эту идею высказал Г.В. Плеханов. В современной аналитике есть немало сторонников такого взгляда на нашу историю. С их точки зрения, России, прежде чем перейти к строительству социализма, надо было дойти до уровня зрелого (западного) капитализма. По этой логике, Октябрьская революция — это не закономерный результат предшествующего развития общества, а скорее волюнтаристский акт политического насилия, прервавший естественный ход истории. Отсюда и оценка этой революции, даваемая в либеральных кругах российской интеллигенции, как политического переворота, осуществленного большевиками.

В 1915 г. Ленин сформулировал идею о существовании законов социальных революций [Ленин В.И., 1969, с. 218–219]. Согласно Ленину, революции происходят лишь тогда, когда наличествуют объективные и субъективные факторы радикальных системных преобразований в обществе. С этой точки зрения Октябрьская революция, произошедшая в «слабом звене капитализма», была, несомненно, закономерным явлением. Она не могла не произой-

ти, поскольку для этого существовали объективные и субъективные факторы. Как тогда объяснить развал СССР и распад мировой социалистической системы? В определенной мере ответ на этот вопрос был дан нами выше. Но речь идет не о феноменологическом описании событий, а о теоретическом осмыслении причин несостоявшегося социального проекта Маркса. Кроме того, остается открытым вопрос о перспективах этого проекта, политической теории Маркса. По мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, «уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка привели к возникновению в Советском Союзе мутантного социализма» [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291]. Поскольку технология созидания социализма в СССР была своеобразной калькой для строительства нового общества в других странах, то «мутантный социализм», с точки зрения авторов, был характерной чертой мировой системы социализма. Особенностью этого общества, согласно исследователям, является господство бюрократического централизованного планирования, позволяющего «жить и расти в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав...», но не сумевшего «дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века» [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291–292]. Среди недостатков реального социализма, подмеченных учеными, представляется важным их замечание о том, что это общество не смогло развить присущий ему потенциал прогресса производительных сил и человека как Личности [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 291]. Поэтому «мутантный социализм» понимается как «тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы», который находится в начале общественного перехода от капитализма к коммунизму, но, не будучи устойчивой моделью, не может быть основанием для последующего движения к коммунизму [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2007, с. 290]. Словом, перед странами периферийного капитализма, решившими реализовать

социальный проект Маркса, в перспективе маячит неустойчивая тупиковая система «мутантного социализма». Не лучше участь народов, оставшихся на орбите глобального капитализма и реализующих модель догоняющего развития, как это было в дореволюционной России и происходит после крушения Советского Союза. Их перспектива — исторический тупик и возможность потери государственности, поскольку разрыв между ядром мир-истории и периферией в современную информационную эпоху имеет тенденцию к возрастанию.

К какой идее Маркса надо было бы вернуться

Критически оценивая европоцентристские воззрения ученых, признающих возможность реализации социального проекта Маркса исключительно через западный развитый капитализм, В.Н. Шевченко выдвигает идею интеграции формационного подхода к истории с цивилизационным. По мнению ученого, страны периферийного капитализма — это незападные страны, обладающие своими цивилизационными особенностями, и их путь к социализму будет «сильно отличаться от европейского пути к европейскому социализму!» [Шевченко В.Н., 2016, с. 43]. В качестве примера он приводит опыт Китая, строящего социализм с китайской спецификой. «И чем дальше он развивается, — отмечает автор, — тем больше он “вспоминает”, воспроизводит многовековые китайские именно цивилизационные традиции» [Шевченко В.Н., 2016, с. 43]. Изучение особенностей современного западного социализма, в том числе с российской спецификой, как отмечает В.Н. Шевченко, должно стать одной из задач современного марксизма. Учет цивилизационных особенностей незападных стран, по мысли российского философа, не отменяет логику формационного учения Маркса, но позволяет учесть сложность, многомерность исторического процесса. Нельзя не согласиться с автором в том, что нужно разрабатывать «современную марксистскую философию истории, которая должна дать объяснение, почему эти государства-цивилизации никогда не были и не станут капиталистическими по западному образцу, почему они шли и будут идти своим собственным путем», выбирая «для себя свои социалистические цели и идеалы» [Шевченко В.Н., 2016,

с. 43]. И если эти цели и идеалы будут совпадать с общечеловеческой социалистической перспективой, то они могут дать мощный импульс социалистическим преобразованиям, совсем непохожим на те, которые имели место в XX в. Понимание природы этих преобразований и является главной задачей творческого марксизма XXI в.

Итак, согласно В.Н. Шевченко, развитие политической философии Маркса в настоящее время предполагает изучение опыта социалистических преобразований в западных странах. Несомненно, теоретическое осмысление социалистического строительства с «национальной спецификой» имеет большое значение. Но ценность теории не только в том, что она описывает и объясняет некие социальные процессы, но и в том, что она служит научным обоснованием и методологией созидания новой социальной реальности. Кроме того, поскольку о социалистической перспективе развитых стран капитализма ученый ничего не говорит, получается, что социализм находится на исторической траектории исключительно западных обществ. Однако формационная теория Маркса не имеет цивилизационных ограничений, она отражает общую логику развития человечества. Аутентичная трактовка этой теории позволяет выявить допущенные в прошлом теоретические ошибки, которые не могли не сказаться на результатах практического воплощения социального идеала Маркса в СССР и других странах Восточной Европы. Представляется, что в марксистской литературе уделялось недостаточное внимание проблеме критерия выделения общественно-экономических формаций.

Сегодня фактически общепринятой является точка зрения, согласно которой Маркс выделял типы общества по способу производства. Однако это не совсем так. В ряде работ философа в качестве основания выделения формаций выступают производственные отношения [Маркс К., 1957b, с. 442]. Подобный подход демонстрирует и Ленин в своих ранних произведениях [Ленин В.И., 1967, с. 137–139]. Похоже, эти воззрения и определили логику осуществления Октябрьской революции, что давало основание А.А. Богданову иронизировать над вождями революции, которые сначала заявили о победе социалистической революции, а

затем стали строить социализм. По разным причинам в прошлом выделение типов общества по производственным отношениям было достаточно распространенным среди отечественных исследователей. Так, один из авторов, придерживающийся подобной точки зрения, писал, что «выдвижение на первый план при характеристике формации производительных сил, техники означает отход от марксистско-ленинского понимания формации, переход на позиции “теории стадий” У. Ростоу» [Фурман А.Е., 1970, с. 92]. Выделение производственных отношений в качестве критерия определения формаций, несомненно, имело и идеологическую мотивацию. По логике формационной теории, социалистическое общество представляет собой более высокую ступень развития человечества, нежели буржуазное. Определение социалистического типа общества по производственным отношениям давало формальное основание говорить о преимуществах социализма по сравнению с капитализмом. Но если при сопоставлении, скажем, США и СССР, ФРГ и ГДР, Великобритании и Югославии можно было еще как-то отстаивать такую точку зрения, при этом скромно умалчивая о заметных различиях между этими странами в уровне развития техники, технологии и в конечном счете производительности труда, то сравнение Китайской республики (Тайвань) и КНР, Южной Кореи и КНДР, Японии и Монголии (или Вьетнама) давало основание для вывода о том, что страны, относимые к социалистическим, вовсе не являются таковыми, а если они по формальным признакам относятся к социалистическим, то социализм не есть более высокая ступень развития человечества. Было очевидно, что, несмотря на то что революции в странах, относимых к социалистическим, начались с радикальных изменений производственных отношений, признание последних в качестве определяющего признака нового типа общества не является корректным.

Учитывая отмеченные трудности, в 60-х гг. прошлого столетия профессор МГУ К.М. Бостанджян выдвинул идею о существовании закона соответствия производительных сил способу производства [Бостанджян К.М., 1967]. «Новые производственные отношения, — отмечал ученый, — могут возникать только при таком уровне развития производительных сил, чтобы

первые имели возможность выполнять свою важнейшую функцию — быть необходимой формой дальнейшего прогресса» [Бостанджян К.М., 1986, с. 29]. Приведенная мысль московского экономиста невольно напоминает известную формулу «отца» китайских экономических реформ Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». В конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века существовавшие у нас в стране производственные отношения явно не способствовали развитию производительных сил, что вызвало резкое снижение темпов роста производительности труда, обострение социально-экономических противоречий, создавших условия для распада государства. Несмотря на то что выделение общественно-экономических формаций по способу производства в последние полвека среди исследователей стало фактически общепризнанным, инерция мышления, заданная логикой преобразований Октябрьской революции, дает о себе знать и по сей день.

В годы перестройки один достаточно известный автор, являющийся непрофессиональным философом, призывал в целях успешного строительства социализма освоить глубинные пласты теоретического наследия Маркса [Платонов С., 1990, с. 238]. К таким пластам, имеющим важное методологическое значение для созидания нового типа общества, можно отнести марксистскую идею выделения формаций по способу производства. Как представляется, глубинный (сущностный) смысл этого концепта не был понят исследователями. Формальная, поверхностная трактовка этого концепта сводится к конкретно-историческому единству производительных сил и производственных отношений. Однако аутентичное прочтение Маркса дает основание для вывода о том, что производительные силы и производственные отношения с разных сторон характеризуют уровень развития социальных индивидов, из которых состоит общество [Маркс К., 1969, с. 214]. Поэтому, по Марксу, основанием выделения формаций является степень целостного развития человека (человеческой сущности). Это важнейшая идея Маркса была в нашей литературе недооценена. Теоретический анализ способа производства редко доводился до сущностного уровня, что нередко приводило, как было показано выше, к отрыву производствен-

ных отношений от производительных сил, социальных функций (свойств) от социального субстрата. Маркс был очень последователен в реализации субстанциального подхода. В его философии человек — субъект, предмет, результат, цель исторического процесса и критерий периодизации истории. Целостное развитие человека в соответствии с его универсальной природой является основополагающей идеей философии истории немецкого мыслителя. Поэтому эта идея не может не быть базовым принципом его политической философии, нацеленной на созидание нового общества. Нельзя не согласиться с Э. Фроммом в том, что в социалистических странах марксистскую формулу о социализации средств производства превратили в ритуальное заклинание при полном пренебрежении человеком [Фромм Э., 1991, с. 38]. Нарушение базового принципа политической философии Маркса при строительстве социализма привело к дегуманизации идеи социализма, разочарованию населения в исторических перспективах, угасанию их творческого созидательного потенциала, усилению отчуждения между народом и властью. Отсюда и удивительное безразличие большей части населения Советского Союза к обострившейся в начале 90-х гг. борьбе политических элит за власть, завершившейся развалом государства. Вырождение понятия социализма, по мнению Э. Фромма, происходило и в западном марксизме, где социализм ассоциировался исключительно с экономическим благополучием (высокой заработной платой) рабочего. Идея социализма перестала нести в себе «обращенность к самым глубоким устремлениям и потребностям человека» [Фромм Э., 1991, с. 38].

Вырождение идеи социализма в западном марксизме и отчасти в современной России, как представляется, явилось результатом его идеологического и политического приспособления к социальной реальности потребительского общества, где деньги и потребление становятся индикатором успеха и смыслом жизни человека — человека экономического (*homo economicus*). Последний есть крайний случай человека частичного (*einen Teilmenschen*, согласно Марксу), возникшего в результате общественного разделения труда и расщепления единой неразвитой универсальной сущности человека на индивидуальную и родовую. Последующее

развитие общества, сопровождаемое накоплением богатства на одном полюсе и бедности на другом, усиливает отчуждение между индивидуальной и родовой сущностью человека, которое приобретает новые более сложные формы, проявляющиеся фактически во всех основных сферах общественной жизни. Указанное отчуждение, порождающее частичного человека, свою предельную форму приобретает в условиях развитого товарного производства.

Выводы

Социалистическая революция, ограничивающаяся национализацией средств производства, не достигает положительного упразднения частной собственности и различных форм отчуждения. Ввиду неразвитости человеческой сущности новые производственные отношения могут породить новую форму частной собственности [Кржевов В.С., 2018, с. 53], новую разновидность частичных индивидов и формы отчуждения. Согласно Марксу, человек в отличие от животного — существо не частичное, а универсальное, и как универсальное родовое существо человек — существо свободное [Маркс К., 1974, с. 92–94]. Политический способ социализации собственности есть в лучшем случае исторически необходимое, но недостаточное условие для реализации социального проекта Маркса. Целенаправленная последовательная работа властей по созданию условий для целостного развития человека в соответствии с его универсальной природой есть единственно возможный способ преодоления противоречия между человеческой сущностью и его существованием, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Это и есть, по Марксу, решение «загадки истории», есть торжество реального гуманизма [Маркс К., 1974, с. 116]. Решение этой задачи есть условие полной победы социалистической революции, если она началась с революции политической, а в условиях современной России это единственный способ стабилизации экономической и политической ситуации. Таким образом, решение «загадки истории» является одной из важнейших теоретически и политически значимых проблем творческого наследия Маркса, над которой должны работать современные ученые-марксисты.

Список литературы

- Алферов Ж.* И все-таки почему социализм? // Российская газета. 2018. № 220. 2 окт. URL: <https://rg.ru/2018/10/02/chto-pisal-o-kapitalizme-albert-ejnshtejn.html> (дата обращения: 12.09.2019).
- Богданов А.А.* Вопросы социализма // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 295–351.
- Бостанджян К.М.* Диалектика становления коммунистического способа производства. М.: Мысль, 1967. 301 с.
- Бостанджян К.М.* Экономический и социальный прогресс при социализме. М.: Экономика, 1986. 183 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС, 2007. 512 с.
- Бузгалин А.В., Линке П.* СССР. Незавершенный проект. М.: Ленанд, 2013. 528 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
- Калашников М.Ф.* Социальный идеал. Теория и современность. Опыт социально-философского анализа. Пермь: ПГПУ, 2006. 279 с.
- Кржевов В.С.* Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002583-6>
- Кумар К.* Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 125–135. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).
- Ленин В.И.* Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 1–29.
- Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 209–265.
- Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 165–208.
- Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 125–346.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 920 с.
- Маркс К.* Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 6. С. 428–459.

- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. II. 626 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014. 408 с.
- Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.
- Ойзерман Т.И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 16–31.
- Олейников Ю.В. Верификация революционных прозрений Маркса // Философские науки. 2018. № 4. С. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-27-44>
- Платонов С. После коммунизма: книга не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990. 255 с.
- Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. 1997. № 1. С. 156–217.
- Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 190–233.
- Фромм Э. Социализм // Коммунист. 1991. № 11. С. 27–38.
- Фурман А.Е. Исторический материализм: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 371 с.
- Шаинян К. Империя хлопка: малоизвестная кровавая история капитализма // Republic. 2015. 16 янв. URL: <https://republic.ru/posts/1533> (дата обращения: 12.03.2015).
- Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.
- Экономическая история СССР / под ред. Л. И. Абалкина. М.: Инфра-М, 2007. 496 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 5–338.
- Энгельс Ф. Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. С. 559–564.
- Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.

- Энгельс Ф. Письмо Й. Блоху, 21–22 сент. 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.

Получено 03.10.2019

References

- Abalkin, L.I. (ed.) (2007). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR* [Economic history of the USSR]. Moscow: P'fa-M Publ., 496 p.
- Alferov, Zh. (2018). *I vse-taki pochemu sotsializm?* [And yet, why socialism?]. *Rossiyskaya gazeta*. No. 220, oct. 2. Available at: <https://rg.ru/2018/10/02/chto-pisal-o-kapitalizme-albert-ejnshtejn.html> (accessed 12.09.2019).
- Bogdanov, A. (1990). *Voprosy sotsializma* [Socialism issues]. *Bogdanov A. Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Bogdanov A. Socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 295–351.
- Bostandzhyan, K.M. (1967). *Dialektika stanovleniya kommunisticheskogo sposoba proizvodstva* [Dialectics of the formation of the communist mode of production]. Moscow: Mysl' Publ., 301 p.
- Bostandzhyan, K.M. (1986). *Ekonomicheskii i sotsial'nyy progress pri sotsializme* [Economic and social progress under socialism]. Moscow: Ekonomika Publ., 183 p.
- Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2007). *Global'nyy kapital* [Global capital]. Moscow: Editorial URSS Publ., 512 p.
- Buzgalin, A.V. and Linke, P. (2013). *SSSR. Nezavershennyy proekt* [The USSR. Incomplete project]. Moscow: Lenand Publ., 528 p.
- Engels, F. (1961). *Anti-Dyuring* [Anti-During]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 5–338.
- Engels, F. (1962). *Interv'yu F. Engel'sa korrespondentu frantsuzskoy gazety «Le Figaro» 11 maya 1893 goda* [Le Figaro interviews Engels]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 22, pp. 559–564.
- Engels, F. (1961). *K zhilishnomu voprosu* [The housing question]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 18, pp. 203–284.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo J. Blokhу, 21–22 sent. 1880 g.* [Letter to J. Bloch, September 21–22, 1880]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 393–397.

- Fromm, E. (1991). *Sotsializm* [Socialism]. *Kommunist* [Communist]. No 11, pp. 27–38.
- Furman, A.E. (1970). *Istoricheskiy materializm: kurs lektsiy* [Historical materialism: a course of lectures]. Moscow: MSU Publ., 371 p.
- Hegel, G.W.F. (1974). *Nauka logiki* [Science of logic]. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the philosophical sciences]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, 452 p.
- Kalashnikov, M.F. (2006). *Sotsial'nyy ideal. Teoriya i sovremennost'*. *Opyt sotsial'no-filosofskogo analiza* [The social ideal. Theory and modernity. The experience of socio-philosophical analysis.]. Perm: PSPU Publ., 279 p.
- Krzhevov, V.S. (2018). *Teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i programma sotsialisticheskoy revolyutsii v Rossii* [Theory of social formations and the socialist revolution program in Russia]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 12, pp. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002583-6>
- Kumar, K. (1992). *Marksizm i utopiya* [Marxism and utopia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world]. No. 3, pp. 125–135. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/260/925/1219/12-Kumar.pdf> (accessed 11.10.2018).
- Lenin, V.I. (1967). *Chto takoe druž'ya naroda i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov* [What the friends of the people are and how they fight the Social Democrats]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 1, pp. 125–346.
- Lenin, V.I. (1969). *Krakh II Internatsionala* [The collapse of the Second International]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26, pp. 209–265.
- Lenin, V.I. (1970). *Velikiy pochin* [The great initiative]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 39, pp. 1–29.
- Lenin, V.I. (1974). *Ocherednye zadachi sovetskoy vlasti* [The immediate tasks of the Soviet government]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Collected works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 36, pp. 165–208.
- Marx, K. (1969). *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg.* [Economic manuscripts 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, pt. 2, 626 p.
- Marx, K. (1974). *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.
- Marx, K. (1960). *Kapital T. 1* [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 920 p.
- Marx, K. (1957). *Naemnyy trud i kapital* [Wage labour and capital]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 6, pp. 428–459.
- Marx, K. (1957). *Vosemnadsatoye bryumera Lui Bonaparta* [The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 8, pp. 115–217.
- Mitchell, T. (2014). *Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v epokhu nefi* [Carbon democracy. Political power in the oil age]. Moscow: Delo Publ., 408 p.
- Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.
- Oleynikov, Yu.V. (2018). *Verifikatsiya revolyutsionnykh prozreniy Marksa* [Verification of Karl Mark's revolutionary insights]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 4, pp. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-27-44>
- Oyzerman, T.I. (2002). *Marksistskaya kontseptsiya sotsializma i real'nyy sotsializm* [The marxist concept of socialism and real socialism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 3, pp. 16–31.
- Platonov, S. (1990). *Posle kommunizma: kniga ne prednaznachennaya dlya pechati* [After communism: a book not for print]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 255 p.
- Semenov, Yu.I. (1997). *Vsemirnaya istoriya kak edinyy protsess razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve* [World history as a single process of human development in time and space]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1, pp. 156–217.
- Semenov, Yu.I. (1998). *Marksova teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's theory of socio-economic formations and modernity]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3, pp. 190–233.
- Shainyan, K. (2015). *Imperiya hlopka: maloizvestnaya krovavaya istoriya kapitalizma* [The

empire of cotton: a little-known bloody history of capitalism]. *Republic*. Jan. 16. Available at: <https://republic.ru/posts/1533> (accessed 12.03.2015).

Shevchenko, V.N. (2016). *Tsivilizatsionnyu podkhod pod ognem kritiki* [Civilization approach under

the fire of criticism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 2, pp. 33–44.

Received 03.10.2019

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 14–28.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-14-28](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-14-28)

For citation:

Musayelyan L.A. [Marx's theoretical heritage and modernity. Part 2. Theory and practice of Marxism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 14–28 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-14-28](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-14-28)

УДК 111.1:141.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-29-41

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕЗИСАМ ИЛЬЕНКОВА И КОРОВИКОВА,
ИЛИ О СМЫСЛЕ СПОРОВ «ГНОСЕОЛОГОВ» С «ОНТОЛОГАМИ»¹***Шрейбер Виктор Константинович**Челябинский государственный университет*

Когда появились вызвавшие массу толков тезисы Ильенкова и Коровикова о предмете философии, до хрущевской «оттепели» оставались долгие месяцы, и авторов тезисов подвергли остракизму. Однако Ильенков стал основоположником «гносеологизма», и антитеза «гносеология versus онтология» не одно десятилетие занимала умы ведущих теоретиков в области диалектического материализма. Обе партии считали себя аутентичными выразителями взглядов Энгельса. Тем не менее при более тесном знакомстве с рецензией Энгельса на книгу Штарке обнаруживается односторонность обеих позиций. Дополнительным свидетельством в пользу взаимоположения онтологического и гносеологического подходов к осмыслению места человека в мире служит эволюция идеи первоначала от милетцев до Парменида. Ее анализ предложен в третьем разделе статьи, где подчеркивается, что введение понятия бытия опиралось на разграничение «знания по-мнению» и «знания по-истине». Далее показывается, что при описании дорефлексивных представлений о душе Энгельс работает в феноменологической манере, и выдвигается предположение о наличии у философии собственного эмпирического базиса. В разделе «Как возможен основной вопрос философии?» отмечается, что отказ от структурирования философского знания ведет к подмене философских вопросов вопросами философов. Статья завершается обсуждением значения полемики онтологов и гносеологов для вычленения картины мира и ценностей как компонентов мировоззренческой структуры.

Ключевые слова: Ильенков, историзм, основной вопрос философии, Энгельс как феноменолог, Парменид и бытие, антитеза онтологизма и гносеологизма, ценности, структура мировоззрения.

**THE THESES OF ILYENKOV AND KOROVIKOV REVISITED,
OR WHAT'S THE USE OF THE POLEMIC
BETWEEN «GNOSEOLOGISTS» AND «ONTOLOGISTS»***Viktor K. Shreiber**Chelyabinsk State University*

Ilyenkov and Korovikov presented their sensational theses on the subject of philosophy long before the Khrushchev Thaw. Although the authors of the theses were ostracized, Ilyenkov became the founder of the so-called «gnoseologism», and the dispute between «gnoseologists» and «ontologists» occupied the minds of leading theorists in the field of dialectical materialism for two decades. The point is that both parties considered themselves authentic spokesmen for Engels's position. However, a close scrutiny of his construction of the «great basic question of all philosophy» shows one-sidedness of both approaches. Additional evidence in favor of the mutual but hidden relationship of the ontological and the epistemological in philosophical disputes can be obtained through analyzing the evolution of the idea of substance

¹ В данной публикации раскрывается замысел, которой возник у автора после его выступления на XXI «Ильенковских чтениях» (апрель, 2019 г.), проводится различие между гносеологом как исследователем в области теории познания и «гносеологизмом» как сведением философской проблематики к эпистемологии. В случае, если речь идет о стороннике этого направления, соответствующее слово ставится в кавычки.

from Milesians to Parmenides. The concept of *being*, introduced by the head of the Elean school, had the distinction between knowledge-in-opinion and knowledge-in-truth as its premise. In the fourth section of the article, the author proposes that philosophy has its own empirical basis and tries to show it with the help of Engels's description of pre-reflective ideas about the soul-and-body relationship. It is observed that in this thinking Engels opted for the phenomenological manner. This approach gets its development in the section «How is the basic question of philosophy possible». Here the author argues that such a question exists and its current form is the relationship of the subjective and the objective. This conclusion is supported, firstly, by peculiarities of the philosophical question *as such*, analysis of which was performed by Floridi. Another thought-provoking point is Russell's proposal to differentiate between questions of philosophy and questions posed by philosophers. Finally, the article discusses the importance of the polemic under study for clarifying the structure of the worldview.

Keywords: Pyenkov, historicism, basic question of philosophy, Engels as a phenomenologist, Parmenides and being, antithesis of «ontologism» and «gnoseologism», values, structure of worldview.

1. Интродукция

После защиты кандидатских диссертаций В.И. Коровиков и Э.В. Ильенков были приняты на кафедру истории зарубежной философии Московского университета. Когда в 1970-е гг. я из провинции приехал к А. Богомолу, кафедра считалась одной из самых квалифицированных на философском факультете, и надо полагать, что в начале 1950-х гг. ситуация обстояла примерно так же хотя бы в силу профессиональных требований, предъявляемых к членам такого подразделения. Весной 1954 г. в «Новом мире» вышла повесть Эренбурга. Хотя до хрущевской «оттепели» оставались месяцы, в воздухе витали флюиды перемен. Время требовало пересмотра идейного багажа, которым руководствовало советское общество. Выражением этой потребности явились нашумевшие в 1954–55 гг. тезисы Коровикова–Ильенкова о предмете философии. Тезисы, вошедшие в решения партийных органов под названием «О взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития», были посвящены проблеме, важной в плане профессиональной подготовки философов. Не касаясь пока содержательной стороны тезисов, отметим, что факультетские «молодцы» превратили их обсуждение в «идейно-воспитательное» мероприятие с персональными выводами. Коровиков был уволен из университета, состоявшись позднее в качестве журналиста-международника. Ильенкову удалось частично избежать административных санкций, поскольку основным местом его работы был Институт философии АН.

Авторы тезисов понимали, что лишь в абстракции истина может воссиять в полной и абсолютной чистоте и на пути к ней девиации неизбежны. Но увидеть, в чем состоит требуемое уточнение, можно только после того, как эта новая точка зрения будет усвоена и преодолена. Не случайно Ильенков, неоднократно заявляя, что тезисы «содержат в себе массу ошибок», так и не дал конкретизации этого тезиса. Тут не было никакой неискренности, в которой его обвиняли бдительные хранители чистоты марксистского учения. И вмняемый авторам уклон в меньшевистствующий идеализм ничего, кроме горькой усмешки, сегодня не вызывает. Что же касается не «молодцов», а подготовленных исследователей, то здесь ситуацию общего недоумения отобразил вопрос П. Федосеева: «Если противопоставить учение о мышлении, о познании учению о законах объективного мира, что же остается от нашей философии?» [Ильенков Э.В., Коровиков В.И., 2016, с. 134]. Критики ответа не нашли! Более того, как отметил один из участников партийного собрания Института философии (ноябрь, 1955 г.), никто из «претендовавших на научное, доказательное марксистское опровержение» ошибочности взглядов Ильенкова так и не сумел этого сделать [Ильенков Э.В., Коровиков В.И., 2016, с. 133]. Такова событийная сторона дела, зафиксированная документально.

Чтобы уточнить границы истинности тезисов, т.е. предложить критику в кантовском понимании этого слова, следовало, как отмечалось выше, принять ту точку зрения, которую авторы прокламировали заголовком своих тезисов, а именно точку зрения историзма. Применительно к нашей теме историзм можно по-

нимать в трех значениях: 1) как эволюцию отношений между наукой и философией; 2) как становление и развитие всеобщих форм познавательной активности; 3) как исследование процессов развития исторических типов мировоззрений. Третий аспект понимания историзма можно разделить на эволюцию (3.1) типов мировоззрения и (3.2) представлений о структуре мировоззрения.

Но в любом своем толковании историзм требует рассмотрения вещей в развитии и в связи с условиями. Эти два требования могут в какой-то мере противоречить друг другу. Потому что условия в качестве внешней стороны придают процессу феноменальную преходящую окраску, а развитие, напротив, детерминировано внутренними противоречиями, которые определяют динамику данного целого (в нашем случае — философии) на протяжении достаточно продолжительного периода. Феноменальная сторона споров о предмете, связанная с судьбами конкретных людей, их социальным статусом, привилегиями, жизненным опытом и перспективами, делила участников этого действия на довольных своей жизнью консерваторов и молодых «романтиков», желающих работать свободно и по-новому.

Межпоколенческие противоречия относятся к общеисторическим, и они особенно обостряются, когда общество попадает в ситуацию бифуркации и ценность прошлого опыта по крайней мере ставится под вопрос. Правда, в нашем случае в рамках этой феноменальной стороны был еще один план. По воспоминаниям Т.И. Ойзермана, авторы тезисов и поддерживавшие их студенты оказались втянутыми в тайную интригу декана факультета В.С. Молодцова («хорошего человека, но слабого в философском отношении») против другого номенклатурщика — заведующего кафедрой диалектического материализма З.Я. Белецкого. За последним, кроме того, что он был выпускником Института красной профессуры и, как сказал Сталин, обладал политическим «чутьем», никаких научных заслуг не числилось. Ирония ситуации состояла в том, что Белецкий, человек, по оценке Ойзермана, весьма неглупый, к этому времени пришел к мысли, что предметом философии марксизма должно стать изучение сознания, т.е. примерно к тем же положениям, что и авторы тезисов. В целях проработки этого вари-

анта на кафедре диамата был устроен симпозиум «Что такое философия?». Стараниями декана стенограмма этого мероприятия с запиской, из которой вытекало, что Белецкий отрицает мировоззренческую функцию философии, попала в отдел науки ЦК [Митрохин Л., 2004, с. 56].

Однако за перипетиями авторских судеб и групповыми конфликтами обычно стоит то, что Гегель называл «хитростью мирового разума», когда «благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают» [Гегель Г.Ф., 1935, с. 27] и тем самым пролагается дорога к долгосрочной исторической тенденции. Эвальд Васильевич стал культовой фигурой для сторонников так называемого гносеологизма. Poleмика между «гносеологами» и «онтологами» на протяжении двух десятилетий занимала умы ведущих представителей советской философии. При этом и те и другие претендовали на аутентичное истолкование взглядов Энгельса.

Цель статьи состоит в показе односторонности обеих позиций и вместе с тем в попытке обозначить позитивные аспекты этой полемики в плане как развития нашей философии в целом, так и понимания структуры мировоззрения. Для этого, во-первых, мы проведем семантический анализ энгельсовской характеристики основного философского вопроса. Затем мы постараемся показать, что — и это второй наш тезис — взаимоположенность онтологического и гносеологического подходов явилась решающим фактором выработки Парменидом категории бытия. В четвертом разделе при обсуждении того, как соотносятся начало философии и мировоззренческая проблематика, будет показано, что при описании перехода от непосредственностей «жизненного мира» к мировоззренческой рефлексии Энгельс пользовался элементами феноменологического метода. Заключительные замечания будут посвящены эволюции основного философского вопроса и влиянию полемики онтологов и гносеологов на понимание структуры мировоззрения.

2. Методологический урок Энгельса

Преимущественным интересом авторов тезисов был, как уже говорилось, первый аспект историзма. Развитие теоретического знания мыслилось ими как процесс отпочкования от филосо-

фии наук о природе и обществе. Обратной стороной институционализации специальных наук Ильенков и Коровиков считали предметное самоопределение философии, обретение ей своей собственной проблематики. Тем самым они по существу солидаризировались с точкой зрения позднего Энгельса: «Когда, — пишет Энгельс, — естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб — за исключением чистого учения о мышлении — станет излишним, исчезнет в положительной науке» [Энгельс Ф., 1961a, с. 525].

Основоположник марксистской философской традиции выдвинул эту гипотезу где-то в 70-х гг. XIX в. Через семьдесят с лишком лет аспирант философского факультета МГУ изменил модальность и написал: «Предметом марксистской философии остается проблема теории познания, проблема отношения сознания и бытия *во всем богатстве* [курсив наш. — В.Ш.] этого отношения» [Ильенков Э.В., Коровиков В.И., 2016, с. 177]. Заметим, что если опираться на первую смысловую часть этого тезиса, то обнаруживается параллель не только с Энгельсом, но и с его младшим современником Махом. Но эта ремарка требует специального обоснования, а для нас — применительно к задачам данного исследования — интереснее заключительная часть утверждения Ильенкова.

Вопрос, который встает в связи с последней смысловой частью этой фразы и на который, думается, не обратили внимания ни авторы тезисов, ни их критики, касается прояснения того, что же такое отношение «*во всем своем богатстве*». Аспирант Ильенков интерпретировал его в аспекте взаимодействия философии и науки. Позднее Эвальд Васильевич несколько расширил перспективу и рассмотрел его в плане отношения бытия и познания. Но и тогда «фишку» его взгляда на диалектику восхождения от абстрактного к конкретному составила идея «*сращения*», то есть тождества. В категориях абстрактного и конкретного, — подчеркивает Ильенков, — «запечатлена не специфика мышления по сравнению с действительностью и не специфика действительности по отношению к мышлению, а как раз наоборот — момент единства (*тождества*. — курсив наш. — В.Ш.) в движении этих противоположностей» [Ильенков Э.В., 1991, с. 276].

Возникающая здесь трудность — в том, что в рамках такой перспективы собственно философский план принимает несколько сжатую форму. Чтобы увидеть, как это проявляется, обратимся к методологической стороне энгельсовой экспликации основного философского вопроса.

Энгельс — не первый, кто отметил фундаментальную значимость вопроса об отношении мышления к бытию для философской работы. Об этом писали и материалист Гельвеций и его старший современник идеалист Беркли. Однако в своей рецензии на работу Штарке он не только предложил классическую по своей прозрачности характеристику этого отношения, но и при внешней простоте описания насытил ее мощным методологическим смыслом. Напомним: в том, что Энгельс называет великим основным вопросом всей — и далее следует весьма примечательная вставка «в особенности новейшей» — философии, выделяется два аспекта. Согласно первому, все разделились на идеалистов, так или иначе признающих сотворение мира, и материалистов, «которые основным началом считали природу» [Энгельс Ф., 1961b, с. 283] (Энгельс здесь не проводит различия между материализмом и натурализмом). Вторым аспектом отношения между мышлением и бытием, продолжает Энгельс, является проблема познаваемости: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? И далее он предлагает несколько формулировок этой — второй — проблемы.

Все это хорошо известно и, если угодно, даже «замылено».

Интригующе звучит последняя фраза авторского парафраза. «На философском языке, — замечает Энгельс, — этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия» [Энгельс Ф., 1961b, с. 283]. Понятие тождества относится к техническому «сленгу» метафизиков. Оно входит в состав профессионального философского языка. Можно ли найти соответствующий философский термин для обозначения проблемы первичности? Ведь «первичное» и «вторичное» — слова естественного языка, порядковые числительные. Каков же их категориальный смысл? Самым очевидным образом «первичное» и «вторичное» репрезентируют идею порядка или количества. Но понятия количества или пространства не находятся во внутреннем соотношении с идеей познаваемости.

Для вычленения внутреннего — диалектического — отношения между первичностью и познаваемостью надо задаться вопросом: а чем, собственно, похожи материалистический и идеалистический подходы, если их общей антитезой является идея тождества? Если поставить этот вопрос, то мы быстро придем к заключению, что общим для обеих партий является акцент на различиях: для одних дух первичен, для других он вторичен. Поиск различий объединяет оба лагеря. В общем плане! Когда мы исследуем некоторое диадическое отношение, надо сначала разобраться, чем различаются между собой стороны данного отношения, а затем посмотреть, что же в них общего. Именно такой путь и ведет к целостному осмыслению предмета анализа.

Если учесть, что первая сторона основного философского вопроса лежит в центре онтологических штудий, а вторая — традиционный предмет эпистемологов, то односторонность обеих исследовательских программ обнаруживается сама собой. Ведь различие и тождество — самые общие определения сторон движущего противоречия, которые меняют свое содержание или свою роль в зависимости от состава данной целостности и ее взаимодействия со средой. Иными словами, хотя на авансцену философской драмы в зависимости от познавательной ситуации выходят то эпистемологи, то онтологи, на заднем плане постоянно маячит диалектика как выражение единства тождества и различия. Это обстоятельство позволяет предположить, что противостояние онтологистов и гносеологистов является относительным. Диалектика обеспечивает концептуальную возможность перехода от одного типа познавательных задач к другому. Но ни одну из этих исследовательских задач не удастся свести к другой.

Учтем, что внутренняя взаимосвязь, взаимоположенность онтологии и гносеологии обнаруживаются в философии с самого ее возникновения. И в следующем разделе мы надеемся показать, что ясное и сознательное принятие этого единства в качестве предпосылки теоретической рефлексии явилось условием качественного скачка от натуралистических поползновений античных «физиков» к собственно философскому взгляду на мир.

3. Начало философии: миф и первичная философская абстракция

Миф как первичная мировоззренческая форма характеризуется антропоморфизмом и образностью, даже художественной образностью. Одна из особенностей художественного образа состоит в его способности вызывать в реципиенте определенное идейно-эмоциональное отношение к тому, что он отображает. Художник не может обзирать реалии внешнего мира глазами стороннего наблюдателя. Он их, конечно, видит, но всегда к ним относится. Эта особенность художественного образа послужила основой для долгих споров между приверженцами миметической и экспрессиvistской природы искусства. В аспекте же мировоззренческой функции мифа эта особенность оборачивалась слиянностью картины мира и ценностей, что крайне ограничивало возможности мировоззренческой рефлексии.

В свою очередь, антропоморфизм означал, что основным логическим инструментом, применяющимся в мифологической картине мира, являлась аналогия, то есть перенос знаний, полученных из рассмотрения одного — как правило, практически освоенного, — объекта, на другой, менее изученный и менее наглядный объект. Аналогия бывает весьма правдоподобной и полезной, но в качестве объяснения она не всегда годится. Для утверждения нового типа мировоззрения следовало избавиться от образности и заменить аналогию силлогизмом. Этим, собственно, и определяются границы процесса становления философии.

Применительно к отношению «человек–мир» возможны два пути построения аналогий: антропоморфные и натуралистические. Миф, как мы уже сказали, пользовался антропоморфными аналогиями. Чтобы строить натуралистические аналогии, надо было признать, что природа есть нечто принципиально иное, нежели мир человеческий. Тогда можно ставить вопрос о том, что такое мир сам по себе. Полемика вокруг этого вопроса объединила всех «физиков». Язык ионийских мудрецов, насколько можно судить по дошедшим фрагментам, был заимствован из обычной речи, сохранял образность и в лучшем случае предлагал слушателю «смыслообразы». Но за философами милетцев стоит допущение, что мир и мир человеческий — это не одно

и то же. Вопрос о природе первоначала, которым озабочены «физики», является превращенной формой этого допущения.

Историческая последовательность ответов на этот вопрос в милетской школе более или менее стройно демонстрирует восхождение от представления к понятию. «Вода» Фалеса и «апейрон» Анаксимандра устанавливают границы колебаний между чувственным образом и его полным отрицанием. Анаксимен предлагает «воздух» для обозначения того, что менее наглядно, чем вода, и вместе с тем значимо для всех существ. Следующий шаг в обобщении идеи начала требовал, во-первых, фиксации итогов предыдущих рефлексий милетцев и, во-вторых, поиска образа, который включил бы в объем своего мыслимого содержания неживую природу и подчеркивал единство всех сущих, возможность их взаимопереходов. Эту задачу выполнил Гераклит.

Знаменитый фрагмент из его сочинения «О природе» в передаче Климента гласит: «Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим» [Антология мировой философии..., 1969, с. 275]. Первая часть фрагмента подытоживает достижения предшественников. Милетцы по-разному трактовали природу первоначала, но одинаково сходились на том, что мир существует сам по себе. Во второй части он предлагает свою версию субстанции, отождествляя ее с огнем.

Вода бывает стоячей, огонь, напротив, — символ, метафора динамики. Чтобы существовать, огонь должен перемалывать, уничтожать все новые и новые горючие материалы. Развертывание скрытых в этой метафоре смыслов превратило эфесца в основоположника диалектики. Но что такое «возгорание» и «угасание»? Это появление и исчезновение. Но откуда нечто может возникать и куда оно исчезает? Этим вопросом задается элеец Парменид. Если мир един и, кроме мира, ничего не существует, то феномен возникновения и, соответственно, исчезновения есть не что иное, как видимость, выраженная «звуками обманчивых слов». Иначе говоря, в рассуждении Гераклита скрыта непоследовательность. Он из тех, кто «о двух го-

ловах», из тех, кто «бытие и небытие тем же самым и не тем же самым зовут».

Не возникает оно, [бытие],
и не подчиняется смерти.
Цельное все, без конца,
не движется и однородно.
Не было в прошлом оно,
не будет, но все — в настоящем.
Без перерыва, одно.
Ему ли разыщешь начало?
Как и откуда расти?

[Антология мировой философии..., 1969, с. 295].

Хайдеггер в лекциях о становлении философии, уделяя внимание Анаксагору и Гераклиту, особо выделяет Парменида. Он определяет поэму главы элейской школы как «дидактическую» и пишет, что в его стихах «много такого, что называют абстрактным» [Хайдеггер М., 2009, с. 17]. Хайдеггер прав. Форма остается образной и нарративной, но по своим гносеологическим характеристикам бытие, или *esti*, равно как и другое используемое элеатом понятие — «истина», приближается к категории. В содержании *esti* мыслится только один признак — признак существования: «сверх бытия ничего». Зато по объему оно охватывает все, что угодно, как в пространстве, так и во времени; иными словами, «бытие» целостно и похоже на шар. Таким образом, видно, что в рамках концептуального движения от Фалеса до элеатов исходное представление бледнеет и как бы испаряется путем отрицания или замены отдельных его характеристик, и на выходе мы получаем ряд тощих абстрактных определений.

Арнольд Герман высказывает предположение, что лидер элеатов мог быть законодателем, и находит в дискурсе Парменида следы юридической аргументации. По Германау, *esti* выражает «факт бытия» любой вещи, которая может быть познана не чувствами, а разумом [Герман А., 2004, р. 193–194, 216]. Более того, он отводит Пармениду роль одного из изобретателей логики. Парменид уверовал, что условия достоверности дискурса можно обеспечить, если следовать законам достаточного основания и непротиворечия: «Мечутся, глухи и слепы равно, невнятные толпы, коими “быть и не быть” одним признаются и тем же, и не тем же, <...> как может “быть потом” то, что есть, как могло бы “быть в прошлом”?». Свои рефлексии автор

монографии о Пифагоре и Пармениде обобщает «триа важнейшими уроками Парменида»: запретом на логическое противоречие, значимостью фальсификации и признанием эпистемической противоположности разума и чувства [Hermann A., 2004, p. 252–253].

Завершая раздел, приведем еще одно — весьма тонкое — наблюдение Хайдеггера. Он обратил внимание на то, что богиню, с которой по сюжету поэмы встречается Парменид, зовут Истиной. Тут что-то новое и необычное! Артемиды любит охоту и покровительствует охотникам, Гефест покровительствует кузнецам, Афина благоволит мудрости и искусству прядения, но Гефест не является кузнечным делом, а Артемиды — охотой. Однако богиня Пармениды не служит истине: она сама есть *Истина* [Хайдеггер М., 2009, с. 21–23]. Добавим к этому, что первая часть поэмы Пармениды называлась «Видимость» (Seeming), а вторая — «Путь Истины».

Разграничение «знания по-мнению» и «знания по-истине» для Пармениды является принципиальным, оно вводится в структуру поэмы. Этим была подготовлена почва для двух вопросов: «каковы самые устойчивые скрытые характеристики бытия?» и «как их выявить?». Мы знаем, что ответы на эти вопросы будут искать Демокрит, Платон и Аристотель.

4. Начало философии: Энгельс и феноменология

Работы Ильенкова и Зиновьева по диалектике абстрактного и конкретного вкупе с результатами западной философии науки создали методологическую базу для реконструкции того, как строятся и функционируют дисциплинарные теоретические модели, каким образом и при каких условиях происходил переход от элементарных теоретических понятий к построению сложных теоретических схем, описываемых языком законов и математических формул. Все это так! Однако процессу восхождения предшествует период выделения этих самых первичных абстракций. Своеобразие финальных стадий этого периода выражается в сосуществовании двух различающихся по языку описаний одного и того же изучаемого феномена. Так, у Адама Смита наивным образом сосуществуют два описания стоимости: одно дано естественным языком, «как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и <...> пред-

ставляется чуждой науке». Другое же, напротив, претендует на раскрытие «структуры буржуазной экономической системы», т.е. на теоретическую всеобщность [Маркс К., 1963, с. 177]. Работает ли эта самая механика в рамках философского знания? Или же философия, будучи квинтэссенцией теоретического знания и не имея собственного эмпирического базиса, сразу же начинает с теоретического уровня познания?

Ильенков, утверждая в третьем тезисе, что «философия в своем возникновении выступает непосредственно как теоретическое мышление» [Ильенков Э.В., Коровиков В.И., 2016, с. 144], кажется, склонился к последнему варианту. Однако первый тезис, гласящий, что «необходимость возникновения философии совпадает целиком и полностью с необходимостью научного познания вообще», может быть интерпретирован в соответствии с общей логикой становления теоретического знания, т.е. как признание, что философия, хотя и на своем материале, подчиняется той же самой логике становления, что и специальные (частные) науки.

По существу это вопрос о когнитивном или социокультурном субстрате, который при соответствующих условиях явился непосредственной питательной почвой для первых философских рефлексий. Сегодня в связи с расширяющимся движением в пользу «философии для детей» у этого вопроса есть практический, точнее, педагогический аспект. Вопрос этот по своему своему характеру ратует за обращение к методам феноменологии. Ибо, — в терминах Хайдеггера, — «онтически ближайшее и известное есть онтологически самое далекое, неузнанное», и в своем онтологическом значении оно постоянно упускается из виду; оно, иными словами, существует в дорефлексивной форме.

Именно эту дорефлексивную форму подразумевал Гуссерль, призывая «вернуться к вещам». Пафос его речей направлялся против неокантианской «тирании чистого разума», которая — особенно в марбургском варианте — трактовала смыслы в контексте одной «нормативной отнесенности к истине» и подменяла «действительно данное в восприятии, познанное и познаваемое в опыте мира — нашего повседневного жизненного мира — математически конструируемым миром идеальностей» [Гуссерль Э., 2004, с. 74]. По мысли Гуссерля, обращение к «жизненному миру» позволит

снять «одеяние идей» с «первых очевидностей» и выведет к «донаучно созерцаемой природе». Очевидности даны сознанию до всякого рефлексивного обращения к себе, как «нечто бесспорное и само собой разумеющееся». Недостатком прежней философии, подчеркивает Гуссерль, было то, что в качестве такого «всегда находящегося в нашем распоряжении» мир никогда прежде не был должным образом «распрошен» [Гуссерль Э., 2004, с. 152]. Марксистская критика отмечала, что за этой «чистотой» и якобы «очевидностью» скрывается объективная видимость. Тем не менее идея слоистости сознания оказалась перспективной, и разработка способов отыскать такие базовые очевидности, исторические «гештальты» сознания обеспечила феноменологическому движению кредит доверия вплоть до наших дней.

Я напомнил эти моменты из истории новейшей философии, потому что с обращения к таким очевидностям начинается очерк генезиса основного философского вопроса во второй главе работы о Фейербахе. «Уже с того весьма отдаленного времени, когда, — пишет Энгельс, — люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру» [Энгельс Ф., 1961b, с. 282]. Энгельс работает в феноменологической манере. Он не объясняет, но описывает предрефлексивную установку (интенцию) на различение души и тела, Вопрос о том, соответствуют ли этим различиям какие-то объективные корреляты, не обсуждается; различие принято как интенциональная данность, не заслоненная «идеальными очевидностями» науки. Отметим еще, что архаическим сознанием это различие фиксируется в форме представления, т.е. до понятия. Но пойдем дальше. Если душа «в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии, которое на той ступени развития казалось отнюдь не утешением, а неотвратимой судьбой <...> Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к <...> вымыслу о

личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признав существование души, люди в силу всеобщей ограниченности никак не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти тела. Совершенно подобным же образом вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги <...>» [Энгельс Ф., 1961b, с. 282].

Идея бессмертия души вытекает из признания различия души и тела и факта смерти тела. Ее послышки вписаны в «жизненный мир» тогдашнего человека; они лежат перед его глазами, и в этом смысле бессмертие является как бы само собой разумеющимся. Таким образом соратник Маркса продолжает свой феноменологический дискурс. Признание души и ее бессмертия не только предваряет рефлекссию, но и допускает два пути рационализации: один философский и другой — религиозный. Первый — авангардистский, он построен на отрицании; другой — более консервативный, и он предполагает использование элементов предшествующего состояния.

Но независимо от способа рационализации, ее результаты ведут к определенным практическим последствиям. Так, если вы пришли к выводу, что существование в форме вот этого брэнного тела есть только одно из множественных (и даже бесконечных) перевоплощений, то самым рациональным отношением к постаревшему и утратившему всякую привлекательность телу будет радикальное уничтожение этой оболочки с помощью, скажем, сожжения. Напротив, если вы придерживаетесь того взгляда, что тело является уникальной и даже атрибутивной принадлежностью души, то его никак нельзя кремировать. Его следует бальзамировать и снабдить всем необходимым для жизни, чтобы оно не портило настроения душе, а душа — до своего будущего воссоединения с телом — другим душам.

Оба этих варианта вырабатываются в лоне религиозного мирозерцания; они опираются на ту или иную картину мира и побуждают к определенным действиям, задают им программу. Само собой разумеется, что философская рационализация сильно отличалась от религиозных вариантов и, как отмечал тот же Энгельс, меняла свою историческую форму с каждым крупным научным открытием.

5. Как возможен основной вопрос философии?

Как эти сдвиги сказывались на структуре философствования? Сохраняет ли вопрос об отношении мышления к бытию свою классическую форму и свой статус? Эта проблема стимулировала интеллектуальные усилия авторов тезисов. Сегодня проблемная ситуация повторяется, — по крайней мере, в наших пенатах. И отечественные авторы демонстрируют широкий спектр позиций от признания его принципиальной значимости до ее отрицания и промежуточного предложения заменить один основной вопрос несколькими [Ерахтин А.В., 2016]. Большинство же выносит этот сюжет за скобки, предпочитая не вступать в «схоластические» дискуссии.

Феноменологически суть проблемы, выросшей на самом деле до европейских масштабов, выражена автором «Мифа о Сизифе». Как, спрашивает Камю, определить меру неотложности того или иного вопроса? Конечно же, по тем действиям, которые следуют за ответом. Никто не умирал за онтологический аргумент. Но были те, кто сводил счеты с жизнью, решив, что она не имеет смысла. Следовательно, вопрос о смысле жизни есть самый неотложный [Камю А., 1990, с. 25].

Таким образом, в экзистенциализме базисной является жизнесмысловая проблематика. Адепт этого учения, казалось бы, радикально меняет структуру философствования. Однако заглянув в пособия по истории этики, мы обнаружим, что все ответы по вопросу о природе смысла жизни разделяются на две группы. Одни считают, что смысл жизни задан, по мнению других, он создается. Первые склоняются к объективистской или трансценденталистской трактовке смысла жизни. Вторые настаивают, что смысл жизни зависит только от самого человеческого индивида: «Человек, — заявляет Сартр, — не может быть то свободным, то рабом». Как следствие, дискурс соскальзывает в плоскость отношения между объективной и субъективной сторонами нашей жизни. Проблема не только не исчезает, но, размываясь, охватывает все аспекты человеческого существования и при этом утрачивает признаки своей внутренней организации. Отсюда для дальнейшего продвижения резонно разобратся в особенностях философского вопроса

как такового, поскольку последний составляет одну из элементарных структур философского дискурса.

Несколько лет назад к этой теме обратился нынешний гуру IT философии Лучиано Флорида. Он вслед за Расселом различает философские вопросы и вопросы философов. Последние представляют собой вырожденные случаи первых. По отношению к вопросам задача философии двояка: вначале — анализ вопросов, затем — синтез ответов. В связи с этим Флорида формулирует почти афоризм: «Без ясных вопросов философия является недоноском (is an abortion), но без убедительных ответов она вообще бесплодна» [Floridi L., 2013, p. 196]. Кембриджский профессор справедливо настаивает на обязательности синтеза, ибо присоединение к уже означенной позиции лишь увеличивает число аргументов. Впрочем, это требование не является прерогативой философского поиска: оно значимо для всех наук.

Примечательной чертой философского вопроса по сравнению с эмпирическим и логикоматематическим Флорида считает его открытость. Если, скажем, вы нашли все необходимые средства и методы для решения эмпирического вопроса и получили ответ, то вопрос закрыт и копящиеся разногласия по поводу этого ответа будут ярко характеризовать спорящие партии, но они ничего не скажут о самом ответе. С философским вопросом ситуация складывается иначе. Он в принципе остается открытым для «информированного, рационального и честного» (honest) спора даже после того, как все релевантные расчеты и наблюдения стали доступными и ответы были сформулированы [Floridi L., 2013, p. 201]. Тем самым открытость философского вопроса оборачивается его субъектной, ценностной нагруженностью.

Отметим и другой момент. Если философия остается «рациональным и честным» занятием и ее адепты действительно озабочены формулировкой ясных и логически корректных вопросов, то позволительно спросить: а нет ли в их взаимоотношениях некоего интересубъективного порядка? Или же они представляют собой лишь философов и как таковые подчиняются исключительно субъективным пристрастиям философствующих? Если верно последнее, то наша философия будет функционировать совсем по Флориде, т.е. в режиме abortion.

Однако для идейной системы, которая долгое время претендовала на концептуальное лидерство в философии, это было бы позорной перспективой.

Так возникает резон обратиться к методологическим, — а не моральным, местечковым, «криптографическим» и прочим набившим оскомину — аспектам споров между «онтологами» и «гносеологами». Ибо отсюда ведет начало движение, которое в конце концов привело к конструированию той модели мировоззрения, которую обозначила М.С. Козлова и которую мы пытаемся интерпретировать как схему принятия решений.

6. От гносеологизма к структуре мировоззрения

Начнем с того, что онтологи делали акцент на изучении наиболее общих законов бытия, общества и мышления. Поскольку законы диалектики присущи природе внутренне, они верили, что диалектический материализм способен помочь ученому предсказать результаты исследования. «Гносеологов» волновала теоретико-познавательная проблематика. Они, как и Витгенштейн, склонялись к тому, что в условиях развитой науки философия занимается не поиском или объяснением фактов, а устройством знания, его динамикой, формами связи с практикой и т.п. Споры между партиями, начавшись в 60-е гг., тянулись с переменным успехом, и последний подъем дискуссии пришелся на 1982 г., когда в ней участвовали более 70 авторов.

Могло ли более внимательное прочтение Энгельса направить интеллектуальные усилия в более плодотворное русло? Позиция классика двойственна. Он допускает, что по мере перехода науки к изучению процессов философия трансформируется в теорию познания. Вместе с тем его интерпретация структуры основного вопроса подсказывает, что это не совсем так. И дело не в интеллектуальной слабости Энгельса.

Корни двойственности уходят в античность. Напомним, что ученик Парменида вошел в историю изобретением апорий, смысл которых заключался в том, чтобы показать нетождественность уверенностей здравого смысла и понятия. Зенон строит апории на противопоставлении истины и видимости. Все они являются экспликациями предпосылки Парменида.

По логике элеатов, метафизика есть единство онтологии и эпистемологии. Гераклит тоже упоминает о противоречии «темного» и «светлого» знания, но не слишком вразумительно и как бы вскользь. Для эфесца оно является одним из видов противоречий, в лучшем случае оно представляет собой нечто особенное. Особенное несамостоятельно и всегда указывает на различие. Теория противоречий Гераклита не требует опоры в виде разграничения «знания по-мнению» и «знания по-истине». Диалектика остается теорией развития как единства всеобщего, особенного и единичного, — и без одного; разграничение можно вынести за скобки. В этом смысле Гераклит — предтеча основоположника Пермской философской школы В.В. Орлова.

В. Лекторский отмечает мнимость спора «онтологов» и «гносеологов» (различия, по его мысли, носили скорее тематический характер) [Ильенков Э.В., Коровиков В.И., 2016, с. 245]. В принципе это понятно, потому что главенствующий статус отношения мышления и бытия ни теми, ни другими не отрицался, оба лагеря строили свои заключения по марксистским лекалам и даже в период пика споров не отказывались от материализма. В связи с этим противоборствующие стороны порой демонстрируют слабость своих критических инструментов. Когда, к примеру, «эпистемолог» упрекает «онтолога» в «телеологизме» и неявно возврате к натурфилософии, он игнорирует проблематику антропного принципа и диалектику онтологических различий между сознанием и материей. Объяснение и того и другого выходит за пределы задач конкретных наук и предполагает обращение к метанаучным идеям и подходам. И в данном случае также не поможет и анализ семантики научных высказываний. Тут необходимы исследования уровней бытия, реактивация классических понятий субстанции и субстрата, переосмысление идей Энгельса о формах движения и т.д.

В целом же видно, что споры онтологов и гносеологов были плодотворными. Они развили мысль и поспособствовали уточнению структуры мировоззрения. В обоснование приведем два примера, на которых каждый убедится, что дело обстояло именно так. Один взят из истории российской философии науки. С конца 60-х гг. у нас складывается коалиция методоло-

гов со специалистами в теории познания, и 70-е гг. ознаменовались серьезными достижениями в изучении структуры и динамики научного знания. На материале истории физики была показана правильность ряда заключений западных коллег. В частности, они правы, утверждая, что теория видит факты через призму своих допущений, она, иными словами, подгоняет фактуру под себя. Встал вопрос о каналах, которые обеспечивают соответствие теоретических выводов сущностным связям исследуемой реальности. Критерий практики здесь недостаточен, так как абстрактные объекты теории создаются, чтобы опережать наличную практику. Поиск соответствующих методологических механизмов вывел на понятие научной картины мира. Картина мира относится к основаниям научного знания и функционирует как обобщенный образ изучаемого фрагмента реальности, то есть как онтология. Как следствие, возникло подозрение, что мировоззрение есть нечто большее, нежели картина мира.

Другое свидетельство продуктивности споров «онтологов» и «гносеологов» связано с учреждением аксиологии в качестве особого компонента философии марксизма. Идея марксистской теории ценностей предложена В.П. Тугариновым в небольшой монографии 1960 г. «О ценностях жизни и культуры». Как на последней конференции по онтологии сознания и бессознательного заявил питерский профессор П.М. Колычев, «онтология — это различия», т.е. смысл онтологических изысканий заключается в поиске и прояснении всех общезначимых различий. По этой колее и двигался Тугаринов, когда высказал свои соображения перед коллективом новообразованной кафедры этики ЛГУ. Однако в его рассуждениях присутствовали положения, которые выходили за рамки этических интересов и получили развитие в его позднейшей работе. Во-первых, он указал на многообразие ценностей («Ценности имеются во всех областях действительности») и предложил ряд оснований для их классификации [Тугаринов В.П., 1968, с. 27–36]. Здесь особый интерес представляет его замечание об экзистенциальных ценностях.

Во-вторых, Тугаринов — в противовес своему оппоненту О.Г. Дробницкому — настаивает на различии между познанием и оценкой [Тугаринов В.П., 1968, с. 108, 116]. Дробницкий

же полагал, что с поднятием общественной сознательности до научного уровня произойдет «снятие» ценностных форм и в индивидуальном сознании [Дробницкий О.Г., 1970, с. 463]. Тугаринов не оспаривает, что в проблеме природы ценностей есть гносеологический аспект, но продолжает стоять на том, что в структуре ценностного отношения надо различать три компонента: познание, оценку и практику [Тугаринов В.П., 1968, с. 19]. Перенесенные в план мировоззрения и трансформированные там, они превратились в трехчленную конструкцию, которую и предложила Козлова в последнем советском учебнике по философии. Согласно ее схеме, гносеологически, то есть с точки зрения своего предмета, мировоззрение состоит из картины мира как образа общих условий и наличных возможностей, набора ценностей как критериев, санкционирующих трансформацию избранной возможности в цель, и программ поведения как алгоритмов действий, необходимых для реализации данной цели [Козлова М.С., 1989, с. 24].

И в завершение очерка о событиях, начало которому положили тезисы Ильенкова и Коровикова, хочется привести одну метафору. Ее еще до Ньютона изобрел кто-то из трубадуров. Этот средневековый бард, сравнив свое поколение с пигмеями, добавил, что оно стоит на плечах титанов и потому может видеть дальше. Представляется, что авторы тезисов занимают заметное место в среде тех, кто подставил нам свои плечи.

Список литературы

- Антология* мировой философии: в 4 т. Т. 1: Философия древности и средневековья. Ч. 1 / под ред. В.В. Соколова и др. М.: Мысль, 1969. 576 с.
- Гегель Г.Ф.* Философия истории // Гегель Г.Ф. Соч.: в 14 т. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. Т. 8. 470 с.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
- Дробницкий О.Г.* Ценность // Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 462–463.
- Ерахтин А.В.* Основной или основные вопросы философии // Философия и общество. 2016. № 1(78). С. 57–67.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

Ильенков Э.В., Коровиков В.И. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон-плюс, 2016. 272 с.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.

Козлова М.С. Мировоззрение // Введение в философию: учеб. для вузов: в 2 ч. / под общ. ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1989. Ч. 1. С. 21–29.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1963. Т. 26, ч. II. 704 с.

Митрохин Л.Н. Из бесед с академиком Ойзерманом // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 33–77.

Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 124 с.

Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 269–317.

Floridi L. What is a philosophical question? // *Metaphilosophy*. 2013. Vol. 44, iss. 3. P. 195–221. DOI: <https://doi.org/10.1111/meta.12035>

Hermann A. To Think like God: Pythagoras and Parmenides: the origins of philosophy. Las Vegas, NV: Parmenidas Publishing, 2004. 335 p.

Получено 04.10.2019

References

Camus, A. (1990). *Mif o Sizife* [The myth of Sisyphus]. *Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo. Per. s fr.* [A rebellious man. Philosophy. Politics. Art. Trans. from French]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 23–100.

Drobnitskiy, O.G. (1970). *Tsennost'* [Values]. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t., pod red. F.V. Konstantinova* [Encyclopedia of philosophy: in 5 vols, ed. by F.V. Konstantinov]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., vol. 5, pp. 462–463.

Engels, F. (1961). *Dialektika prirody* [Dialectics of nature]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 339–626.

Engels, F. (1961). *Ludvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii* [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 21, pp. 269–317.

Erakhtin, A.V. (2016). *Osnovnoy ili osnovnyye voprosy filosofii* [Basic or basics issues of philosophy]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1(78), pp. 57–67.

Floridi, L. (2013). What is a philosophical question? *Metaphilosophy*. Vol. 44, iss. 3, pp. 195–221. DOI: <https://doi.org/10.1111/meta.12035>

Hegel, G.F. (1935). *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. *Sochineniya: v 14 t.* [Works: in 14 vols]. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz Publ., vol. 8, 470 p.

Heidegger, M. (2009). *Parmenid* [Parmenides]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 384 p.

Hermann, A. (2004). *To think like God: Pythagoras and Parmenides: the origins of philosophy*. Las Vegas, NV: Parmenidas Publ., 335 p.

Husserl, E. (2004). *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 400 p.

Il'enkov, E.V. (1991). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo* [Dialectics of the abstract and concrete]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ., 464 p.

Il'enkov, E. and Korovikov, V. (2016). *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions for theses on the subject of philosophy (1954–1955)]. Moscow: Kanon+ Publ., 272 p.

Kozlova, M. S. (1989). *Mirovozzrenie* [Worldview]. *Vvedenie v filosofiyu: v 2 ch., pod red. I.T. Frolova* [Introduction to philosophy: in 2 parts, ed. by I.T. Frolov]. Moscow: Politizdat Publ., pt. 1, pp. 21–29.

Marx, K. (1963). *Teorii pribavochnoy stoimosti. Ch. II* [Theories of surplus value. Pt. 2]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26, pt. 2, 704 p.

Mitrokhin, L.N. (2004). *Iz besed s akademikom Oizermanom* [From conversations with academician Oizerman]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 5, pp. 33–77.

Sokolov, V.V. (ed.) (1969). *Antologiya mirovoy filosofii: v 4 t. T. 1: Filosofiya drevnosti i sred-nevekov'ya. Ch. 1* [Anthology of world philosophy: in 4 vols. Vol. 1: Philosophy of antiquity and the middle ages. Pt. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 576 p.

Tugarinov, V.P. (1968). *Teoriya tsennostey v marksizme* [Value theory in Marxism]. Leningrad: LSU Publ., 124 p.

Received 04.10.2019

Об авторе

Шрейбер Виктор Константинович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shreiber@csu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5947-1689>

About the author

Viktor K. Shreiber

Ph.D. in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers st., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: shreiber@csu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5947-1689>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шрейбер В.К. Возвращаясь к тезисам Ильенкова и Коровикова, или о смысле споров «гносеологов» с «онтологами» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 29–41.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-29-41

For citation:

Shreiber V.K. [The theses of Ilyenkov and Korovikov revisited, or what's the use of the polemic between «gnoseologists» and «ontologists»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 29–41 (in Russian).
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-29-41

УДК [111.62:329]:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54

О ДВУХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Мельников Виктор Олегович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В современной научной литературе распространены два подхода к анализу общественно-политических движений как проявлений современного цивилизационного кризиса. Данные подходы отличаются друг от друга пониманием процесса развития человечества: если субстанциальный подход ищет и находит некое единое основание в историческом процессе, из которого затем можно было бы вывести все феномены общественной жизни, то несубстанциальный подход считает, что такого основания (субстанции, сущности) не существует и поэтому его поиск бессмысленен. Из таких различных методологических позиций представителей данных подходов вытекают и их различные объяснения феноменов социальной реальности. В частности, с позиций несубстанциального подхода современный цивилизационный кризис объявляется следствием набора случайных факторов: технологических изменений, победы того или иного дискурса, смены гегмона в центр-периферийных отношениях и т.д.; отсюда кризис становится принципиально необъяснимым. Изменения, произошедшие в характере организации, формах деятельности и идеологии общественно-политических движений в таком случае также становятся случайными и, как следствие, не до конца объяснимыми. Субстанциальный же подход, который для автора данной работы выражается прежде всего в историческом материализме, считает современный кризис результатом объективных процессов, протекающих в самом фундаменте общества (в первую очередь имея в виду развитие всеобщего труда). Следовательно, общественно-политические движения являются одной из форм проявления этого кризиса, несут в себе его отпечаток. Подчеркивается, что различия данных подходов имеют не только теоретический характер, т.к. речь идет о выработке стратегии преодоления текущего кризиса цивилизации, т.е. о будущем человечества.

Ключевые слова: субстанциальный подход, несубстанциальный подход, марксизм, капитализм, человек, кризис цивилизации, общественно-политические движения.

TWO APPROACHES TO ANALYZING SOCIOPOLITICAL MOVEMENTS AS A MANIFESTATION OF THE MODERN CIVILIZATION CRISIS

Viktor O. Melnikov

Perm State University

In social science, there are two approaches to analyzing sociopolitical movements as a manifestation of the modern civilization crisis. The difference between them lies in understanding of the human development process. The substantial approach seeks and finds a single basis in the historical process, and then deduces all social life phenomena from it. The non-substantial approach, on the contrary, considers that such a foundation (substance, essence) does not exist and, therefore, its search is meaningless. Following opposite methodological positions, the representatives of these two approaches variously explain the phenomena of social reality. For instance, from the standpoint of the non-substantial approach, the modern civilization crisis is declared to result from a combination of random factors: technological changes, the

hegemony of one or another discourse, the change of the world hegemon in the core-peripheral relations, etc. Hence, from this point of view, the crisis becomes fundamentally inexplicable. Changes that have occurred in the nature of the organization, the forms of activity and the ideology of sociopolitical movements in this case also become random and, as a result, cannot be comprehensively explained. The substantial approach considers the modern crisis to be a result of objective processes taking place in the very foundation of society (primarily in the development of universal labor). Consequently, sociopolitical movements are a form of manifestation of this crisis. The paper emphasizes that differences of these approaches do not have a purely theoretical character, because it is about developing a strategy to overcome the current crisis of civilization, i.e. about the future of mankind.

Keywords: substantial approach, non-substantial approach, Marxism, capitalism, human, civilization crisis, sociopolitical movements.

Введение

Тот факт, что современная цивилизация находится в кризисном состоянии, не вызывает сомнений. С разной степенью осознанности об этом обстоятельстве говорят как на серьезных научных конференциях и общественных форумах, так и в домашней обстановке. Черты, проявления этой кризисности выделяют самые различные в зависимости от интересов и мировоззрения выделяющего: это и т.н. глобальные проблемы (ядерная война, экология, неравенство и т.д.), и экономические кризисы, и проблема взаимодействия человека и техники, и моральное разложение общества, и т.д. Современное общество как будто достигло некоторых пределов и стоит на исторической развилке: куда двигаться дальше? По всей видимости, немаловажную роль в разрешении этой задачи будут играть общественно-политические движения, активность которых значительно возросла за последнее (кризисное) время. Однако осмысление данного феномена, а также самого цивилизационного кризиса в современной социальной философии и социальной теории выглядит пока что неоднозначным. Представляется, что сегодня, в век чрезвычайного усложнения общества и всех входящих в него элементов, как никогда ранее важно четкое, последовательное, внутренне непротиворечивое описание и объяснение окружающей действительности. По-видимому, с такой задачей можно справиться только в том случае, если начинать анализ с неких «элементарных клеточек» социальной реальности: с того, из чего она состоит и в чем находится источник ее развития. Это нечто можно назвать субстанцией социальной реальности, исторического процесса становления общества, и именно с ее изучения нужно

начинать для объяснения любого социального феномена (который в конечном счете всегда ею опосредован). Так вкратце выглядит исследовательская позиция первого подхода к анализу социальной реальности, ее современного кризиса и роли общественно-политических движений во всем этом. Данный подход можно назвать субстанциальным.

Однако с середины XIX в. в философской литературе распространился и стал даже более популярным второй подход, сутью которого является отрицание общего в действительности, признание тезисов о сущностях и субстанциях как чистых спекуляций. От детерминизма данный подход идет к плюралистическому толкованию социальной реальности, многофакторности исторического процесса. Данный подход, следовательно, можно назвать несубстанциальным. О различиях между этими подходами написан уже ряд работ [см., напр., Корякин В.В., 2008], целью же данной статьи является рассмотрение разницы между ними в понимании и объяснении современного цивилизационного кризиса и общественно-политических движений как его проявления.

Несубстанциальный подход

В рамках несубстанциального подхода можно выделить очень много философских (и не только) направлений, а также отдельных авторов. Однако в данном случае нас интересует, каким образом они подходят к анализу общества. Как мы уже отметили, общим для них является ориентация на анализ явлений, — а не сущностей, на анализ отношений между предметами, — а не на сами предметы, на внешнем по отношению к человеку, — а не на самом человеке.

Ярким свидетельством этого могут быть работы т.н. постиндустриалистов: как непосред-

ственно теоретиков постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и др.), так и их современных идейных потомков, например: представителей концепции четвертой промышленной революции (К. Шваб и др.), акселерационистов (Н. Ланд, Н. Срничич и др.). Авторы данных направлений пытались объяснить ускоряющиеся изменения в общественной жизни, а также ее кризис, делая акцент в своих исследованиях на анализе развития техники и технологий.

Так, например, М. Кастельс, выделив информационные технологии в качестве атрибута современного общества, определив его как информационное, выдвинул сетевой принцип его организации. «В условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [Кастельс М., 1999, с. 494]. Таким образом, сетевые общества «организованы вокруг процессов человеческой деятельности, структурированных и исторически детерминированных в отношениях производства, опыта и власти» [Кастельс М., 2000, с. 37]. Технологии пронизывают все три вида отношений, и в этом смысле Кастельс говорит о взаимообусловленности технологий и общества: люди создают технологии, используют их как инструменты для усложнения своей деятельности, однако и человеческая деятельность становится зависимой от технологий. Так Кастельс выходит на проблему кризиса современной цивилизации. По его мнению, в своей глубинной сущности информационный капитализм направлен на «углубление капиталистической логики стремления к прибыли» [Кастельс М., 2000, с. 41], на максимизацию прибыли. Реструктуризация капитализма посредством технологий сопровождалась «широко распространенным ухудшением условий жизни и труда работников», «потрясающей прогрессией неравенства доходов в США» [Кастельс М., 2000, с. 262, 265]. Фактически Кастельс наблюдал крушение социального государства во многих развитых странах,

утверждение неолиберальной гегемонии и напрямую связывал эти процессы с развитием информационных технологий. С ними же он связывал и развитие современных общественно-политических движений как движений сетевых, причем в двух смыслах: организационном (имея в виду превалирование горизонтальных структур на вертикальными иерархиями) и в смысле активного использования виртуального пространства. Кастельс отмечает, что современные движения стали намного глобальнее, мобильнее и разнообразнее благодаря новым возможностям коммуникаций. Эти, а также многие другие подмеченные ученым феномены выглядят весьма любопытно, но интересно и то, что технике и технологиям фактически отдается первенство в социальных изменениях.

При этом важной составляющей работ постиндустриалистов является постоянное отрицание технологического детерминизма, а зачастую и детерминизма вообще. Так, Д. Белл, выдвинул т.н. осевой принцип строения социума, который предполагал самостоятельное и фактически независимое существование трех сфер: технико-экономической, политической и культурной. При этом Белл признавал огромное влияние технико-экономической сферы на жизнь общества, да и в принципе в тексте его главного произведения «Грядущее постиндустриальное общество» можно найти массу примеров, которые ставят под сомнение заявленную автономность каждой из сфер. Так, например, описывая кризисные процессы, которые происходят в обществе с занятостью, политической стабильностью, социальными институтами, он связывает их с развитием коммуникаций (что стало возможно благодаря технологиям): «Ключевой вопрос заключен в том, способны ли старые институты и структуры справиться с этим невероятным объемом взаимодействий и взаимосвязей» [Белл Д., 2004, с. СХХ]. Или в другом месте: «Старые социальные структуры дают трещину, потому что политические масштабы не соответствуют масштабам хозяйственной деятельности» [Белл Д., 2004, с. СХLIII]. При этом Белл не объясняет, почему вдруг технологии сегодня начинают так активно развиваться, он скорее дает описание-постфактум того, как их развитие повлияло на то или иное явление. Другими словами, возникают вопросы об источнике раз-

вития, и американский социолог дает ответ: «...главным источником структурных сдвигов в обществе... являются изменения в характере знания» [Белл Д., 2004, с. 58].

Причем это относится ко всем трем сферам общественной жизни. В экономике от производства «вещественных» товаров происходит «дрейф» к производству нематериальных услуг, причем высоко насыщенными знаниями (образование, исследования, управление и т.д.), да и производство товаров как таковое также становится более «интеллектуальным». В политической сфере старые институты рушатся, вследствие чего решения политиков становятся более субъективными и все большее значение имеют при принятии этих решений ценности этих политиков. Сфера культуры вообще, по Беллу, базируется на традициях, в особенности на «незыблемом характере» мировых религий (что, вообще-то, ставит вопрос о возможности развития этой сферы). Таким образом, если присмотреться внимательнее к рассуждениям автора, то можно понять, что заявленная автономность каждой сферы является фикцией. «Настаивая на абсолютном различии сфер общественной жизни, Д. Белл, тем не менее, приходит к противоположному выводу об их содержательном единстве в плане мышления. Человеческое сознание оказывается единственной подлинной субстанцией социальной жизни и общественного развития, “осевые принципы”, определяющие самостоятельность и особый характер каждой из сфер, не более чем различными смысловыми установками, которыми люди руководствуются в процессе своей жизни...» [Корякин В.В., 2008, с. 128]. Положив в основу общественных изменений и, следовательно, кризиса современного общества знания, цели, ценности людей, Белл не смог непротиворечиво описать реальность, т.к. постоянно возникает проблема самостоятельности развития этих знаний, целей и ценностей: они всегда нуждаются в определенном (достаточно сложном) материальном субстрате, т.е. человеке. Более того, противоречивой оказывается ситуация с заявленным антидетерминизмом, антисубстанциализмом и фактическим проведением идеи об объединяющем начале социального. Следует отметить, что для представителей несубстанциального подхода к обществу подобное самоотрицание очень характерно: по-видимому, оста-

ваться до конца последовательным на плюралистичной методологической основе просто невозможно.

Поэтому, например, неудивительно, что современные идейные наследники постиндустриалистов полностью воспроизводят эти взгляды. Например, К. Шваб, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума, в своих работах также приходит к выводу о важнейшей роли знания и технологий в процессе текущих общественных изменений (не забывая при этом упомянуть о многофакторности исторического процесса). Ярко и красочно описывая современные достижения в области развития технологий, автор делает попытку оценить возможное их влияние на различные социальные процессы. При этом важно, как Шваб понимает их природу. Будучи сторонником ценностно-ориентированного подхода к анализу общества, он обращается к нему и при изучении технологического развития: «“Все технологии имеют политическую природу”». О политике здесь говорится в описательном смысле. Мы не подразумеваем, что технологии олицетворяют правительства, связаны с определенной партией или каким-то образом вытекают из “левой” или “правой” идеологии. Мы имеем в виду, что технологии — это решения, продукты и воплощения идей, полученные в результате социальных процессов, поддерживающие и выражающие стремления людей и организаций, содержащие в себе целый ряд допущений, ценностей и принципов, которые, в свою очередь, могут повлиять (и влияют) на власть, структуру и состояние общества» [Шваб К., Дэвис Н., 2018, с. 46]. Таким образом, технологии получают духовную основу, т.е. Шваб, разумеется, признает, что техника имеет предметную форму, но определяющими для него являются ценности, которые в нее вложили.

Из многочисленных описаний различных сторон действительности (экономики, политики, социальной сферы), данных К. Швабом, вытекает, что и общество имеет духовную природу, т.к. деятельность людей опосредована ценностями, которых они придерживаются. Эти исходные положения его теоретической позиции ярко продемонстрированы в непосредственном анализе кризисного общества, готовящегося к четвертой промышленной революции. Так, например, выделяя неравенство, в т.ч.

технологическое, в качестве ключевой общественной проблемы, автор с некоторой досадой отмечает, что ее корень лежит в том, что бизнес сегодня скорее ориентирован на извлечение максимальной прибыли, а не на демонстрацию «возможностей, которые дарит нам промышленная революция». По-видимому, данная ориентация бизнеса, по мнению Шваба, связана не с системной организацией общества на капиталистических началах, а по большей части с ценностями самих корпораций. Общественно-политические движения также при таком подходе становятся всего лишь проводниками определенных ценностей. Таким образом, вопрос о том, как тогда развивалась и развивается человеческая цивилизация (а это объективный факт), остается открытым.

Разумеется, подобная противоречивая картина наблюдается не только у представителей данных направлений. Как мы уже оговаривались в начале статьи, несубстанциальное объяснение социальных феноменов может встречаться во всех без исключения философских системах.

Так, например, можно выделить реляционный подход. Это неспецифическое наименование, включающее в себя направления, выдвигающие на первый план изучение связей и отношений в обществе. Наглядным примером такого подхода может являться представление общества в виде некой структурно-функциональной схемы. Для таких моделей характерно априорное назначение обществу некоторых функций, без осуществления которых оно не может существовать (например, производство, управление и т.д.). Люди в такой схеме являются элементами общей системы, подчиняются логике ее существования: им доступны лишь определенный набор «вакантных» позиций (ролей), которые они могут занять (концепция Т. Парсонса, ролевая модель Мертона, субъектные позиции Л. Альтюссера и т.д.). Кризис общества в таких концепциях наступает тогда, когда какая-то жизненно важная для системы функция перестает осуществляться или осуществляется на недостаточном уровне и в наличии нет ресурсов для немедленного устранения проблемы. Общественно-политические движения в такой системе тоже существуют для реализации определенных функций, чаще всего и в конечном счете — для

поддержания равновесия в системе. Несмотря на то что действительно в любом обществе мы увидим реализацию примерно одних и тех же функций, нельзя сказать, что подобная схема не вызывает вопросов. Все они так и или иначе связаны с развитием, с усложнением, увеличением богатства содержания системы, которое не сводится исключительно к количественному увеличению связей внутри нее. Например, почему появляются деструктивные общественно-политические движения, у общества изначально есть такая функция? Есть ли место для свободы воли у индивидов, если их единственная задача — это занять определенную функциональную позицию в системе? Как вообще может развиваться система, если все действия и все возможности в ней изначально предзаданы? Подобные вопросы могут быть заданы по отношению ко всем историческим модификациям реляционного подхода (структурализму, постструктурализму, постмодернизму и т.д.), т.к. его представители чаще ориентировались скорее на форму, чем на содержание. Действительно, ключевой чертой реляционного подхода (что как раз и позволяет говорить о нем как о несубстанциальном) является последовательный отказ от различных форм «эссенциализма», т.е. поиска сущности как некоего конечного (в представлении авторов данного подхода) набора характеристик объекта. Это хорошо прослеживается, например, в популярной сегодня теории гегемонии Ш. Муффа и Э. Лаклау. Несмотря на то что этих авторов считают постмарксистами, они изначально заявляют в качестве отправного пункта своей теории последовательный отказ от экономизма Маркса и его эссенциализма [Mouffe С.Н., 2001, р. 10]. В качестве основы они берут учение Грамши о гегемонии, из которого убран экономический детерминизм. Однако, как ни странно, от детерминизма авторы не уходят, только вместо экономического у них он политический. Дело в том, что в условиях борьбы за дискурс, за означаемое (а именно это является стержнем истории), решающими, по мнению авторов, становятся властные отношения: тот, кто захватывает власть, определяет правила игры для всех. Именно через это авторы описывают современный цивилизационный кризис и деятельность общественно-политических движений, однако ключевой вопрос остается: откуда берется но-

вое содержание? Сам по себе захват власти, установление гегемонии еще не дает никакого усложнения, если люди как производящие существа остались выброшенными из этой схемы.

Ориентация на связи и отношения в рамках реляционного подхода породила релятивистскую трактовку общества. «Полагая, что только связи обеспечивают единство явлений, а сами явления при этом, что логически абсурдно, уникальны, как таковые не имеют ничего общего между собой, реляционный подход использует многообразие факторов в процессе выделения единиц действительности. Общество при этом распадается на бесчисленное множество гендерных, возрастных, национальных, профессиональных, конфессиональных, образовательных, политических, территориальных групп... По сути каждая из бесчисленных граней человеческой жизни при таком подходе превращается в некий самодовлеющий фактор, порождающий автономное сообщество людей. Человеческая сущность в итоге распадается на это множество сторон и растворяется, исчезает в этом многообразии связей» [Корякин В.В., 2008, с. 107]. Отсюда становятся совершенно понятными постмодернистские размышления на тему смерти субъекта, и, как следствие, цивилизационного кризиса. Номадист, кочующий человек — это неопределенный и неопределившийся человек с размытой идентичностью, а точнее, с набором фрагментов разных идентичностей, ранее скрепляемых традиционными институтами индустриальной эпохи (армией, семьей, церковью, школой и т.д.), над которыми возвышалось государство. Не имея возможности разобраться с фрагментами своей расплывающейся идентичности, человек, либо хватается за какую-то одну ее сторону (становясь еще более одномерным, еще более ничтожным, чем раньше), либо полностью передает формирование своей собственной идентичности на откуп внешним силам (СМИ, государству, маркетологам, политтехнологам и т.д.), либо пытается придумать для самого себя некое новое основание, чтобы увязать грани своей сущности (с этим можно связать бурный рост новых религий, субкультур и т.д.).

В этом ключе постмодернисты рассматривали взлет так называемых новых социальных движений: распад прежних монолитных классовых идентичностей привел к образованию

множества других, которые, заявив о себе в конце 60-х гг., вышли на политическую арену. Примечательно, что постмодернистская логика абсурда нередко становилась знаменем этих движений. «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — заявляли представители «новых левых». По большому счету философия постмодернизма легла в основу политической деятельности многих социальных движений, когда ключевой их целью объявлялось установление гегемонии в общественном дискурсе. Понятное дело, что и сами они отсюда могут быть охарактеризованы как фрагментированные, неустойчивые, неопределенные. У них рыхлая организационная структура, как правило с отношениями горизонталистского типа внутри, такая же рыхлая и неустойчивая идеология, которая скорее представляет собой набор идеологем из разных политических воззрений. Наконец, постмодернистские формы деятельности, борьбы носят скорее символический характер: акции, флешмобы, манифестации, представления с целью привлечения внимания и т.д. Таким образом, постмодернистская философия не просто анализирует кризис, она сама по себе является одновременно его продуктом и автором. Однако по-прежнему вопрос о развитии остается за скобками. По-видимому, плюралистическая парадигма понимания общества, пришедшая на смену классическим абстракциям, старым способам рассуждения, оказалась также неспособна адекватно представлять развитие и даже существование общества. Если К. Маркс в середине XIX в. писал, что задача философии не просто объяснять мир, а пытаться его изменить, то современная философия даже не претендует на его объяснение, ограничиваясь лишь описанием.

Концепция мир-системного анализа является еще одной вариацией реляционного подхода. Здесь также связи и отношения выходят на первый план. Так, в частности, мир воспринимается всеми авторами как единая целостность, система связей между различными обществами. По большому счету сами общества интересуют авторов (по крайней мере, основоположников — И. Валлерстайна и А.Г. Франка) лишь во вторую очередь, важнее оказывается то место, которое это общество занимает в единой мир-системе. Место в мир-системе (центр или периферия у Валлерстайна, метрополия или саттелит у Фран-

ка, также часть исследователей выделяет промежуточное звено — полупериферию) определяет как экономические, так и политические, социальные и культурные особенности общества. Центр-периферийные отношения обладают фрактальностью, т.е. они воспроизводятся не только на мировом уровне, но и внутри самих государств, регионов стран и даже городов. Однако как бы ни было велико число субъектов-объектов таких отношений, сама структура оказывается принципиально конечной, что, кстати, является одним из множества теоретических недостатков данного подхода.

В чем же видят авторы мир-системного подхода кризис современной цивилизации? Очевидно, в том же, что и составляет ее суть, в кризисе связей и отношений внутри мир-системы. Неолиберальный порядок, приведший США к положению гегемона, показывает свою ограниченность: мировая экономика стагнирует, в самих США внешний долг перешел все мыслимые пределы, а теперь еще и рабочая сила в КНР стала резко дорожать. Обычно центр мирового капитализма в ответ на кризис усиливал эксплуатацию периферии, однако, судя по всему, ее возможности тоже исчерпаны: где после Китая найти такую же массу дешевого и дисциплинированного труда? К тому же, как отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, центр мир-системы все же направлял ресурсы, выкачиваемые из периферии, на развитие производительных сил и социальный прогресс, сегодня же этого не происходит вследствие гегемонии финансового капитала. «На фоне демонтажа “социального государства” (Welfare State) возможности западного потребления постепенно исчерпывались. Ограниченными оказались и глобальные трудовые ресурсы — “гонки на спуск” завершились, эксплуатация дешевого труда в Азии была доведена до крайнего предела. Отсутствие подходящей инфраструктуры и нехватка квалифицированных кадров обрекали на провал попытки использовать Африку в качестве “новой границы” для промышленной экспансии» [Кагарлицкий Б.Ю., 2010, с. 647].

Относительно анализа общественно-политических движений представители школы мир-системного анализа могут похвастаться большим количеством различных исследований, в основном социологического характера. Формы активности движений, социальный состав их

участников, эффективность работы и т.д. — все ставится в зависимость от того места, которое занимает определенная территория в системе неравных отношений. В частности, большой интерес вызывает анализ И. Валлерстайном, С. Амином, Б.Ю. Кагарлицким и др. движения антиглобалистов (или альтерглобалистов), которое сегодня нередко называют восстанием глобального Юга против глобального Севера. Так, большая популярность антиглобализма в странах Латинской Америки объяснялась значительным ущербом, который был причинен странам этого региона политикой неолиберализма.

Однако, воспроизводя многие постулаты философского структурализма, мир-системный подход встречается с его же проблемами: кто является субъектом, каким образом происходит развитие человеческого общества, где его источник? На эти вопросы мир-системный подход отвечает крайне противоречиво.

Здесь необходимо отметить, что указанные нами недостатки несубстанциального подхода ни в коем случае не означают, что авторы и направления, которые могут быть к нему отнесены, ничего не сделали полезного для развития интеллектуального ландшафта современности. Отнюдь: отказ от исследования общего в действительности позволил им сосредоточиться на анализе особенного. В частности, изучение влияния техники и технологий на современное общество, его крайне сложной и постоянно усложняющейся структуры, неопределенной и нестабильной системы отношений в современном мире, роли языка в общественных изменениях и т.д. позволило зафиксировать множество чрезвычайно интересных и важных социальных феноменов нашего времени. Однако акцент на внешнем по отношению к человеку, а не на самом человеке не дает возможности непротиворечиво ответить на вопрос о развитии общества, т.к. общество — это в первую очередь сами люди. Если же в исследованиях делается упор на развитии техники, структур, языка, центр-периферийных отношений и т.д., то человек превращается в пассивного наблюдателя, в лучшем случае — в спутника исторического процесса развития техники, структур и т.д. Отрыв всех этих проявлений человеческой сущности от самого человека и придание им самостоятельного пути развития в работах многих ученых имеет общий корень с отрывом

сознания, идей от человека в немецком идеализме. Однако, как уже было неоднократно показано [см., напр., Ленин В.И., 1953; Орлов В.В. 1998], сознание не обладает субстанциональностью, источником развития в себе, т.к. не существует отдельно от своего материального субстрата, а также в конечном счете всегда нуждается в предмете отражения — материальном мире. Несубстанциональность объяснения исторического процесса и общества, его кризиса приводит к несубстанциональному объяснению современных общественно-политических движений: изменений, которые проходят в формах их организации, идеологии, деятельности и т.д. Это все означает, что практические действия, которые будут базироваться на такой теории, могут в определенный момент привести к тупику или даже к крайне неблагоприятным последствиям (пример «новых левых» крайне показателен).

Субстанциальный подход

В первую очередь необходимо отметить, что поскольку идеалистическая парадигма поиска субстанции исторического процесса в общем и целом потерпела крах и сегодня встречается редко (за исключением религиозных направлений), то под субстанциальным подходом мы в большей степени понимаем научный материализм, наиболее целостно представленный марксизмом. При этом нужно признать, что многие марксистские авторы также могут быть отнесены к несубстанциональному подходу (например, представители франкфуртской школы).

Отличим ортодоксального марксизма от всей предшествующей, а также конкурирующей с ним сегодня философии является реализация попытки сконцентрироваться на человеке как на субстанции исторического процесса и затем из человеческой сущности выводить все ее внешние проявления, в т.ч. технику, структуры, связи, отношения и т.д. Это же относится к общественно-политическим движениям. Банальный факт состоит в том, что эти движения находятся и действуют не в вакууме, а в обществе, причем в обществе, состоящем из людей. Люди находятся как внутри этих движений, так и снаружи их, поэтому, не ставя вопроса о человеке, невозможно непротиворечиво описать и объяснить движения современности.

Основоположники марксизма писали: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят себя и свою материальную жизнь» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 19]. Таким образом, производство человеком посредством труда собственной жизни является способом его существования. Труд в этом случае выступает главным сущностным свойством человека, выражением его субстанциональности, т.к. фактически человек не нуждается для своего развития ни в чем, кроме самого себя и природы (которая, впрочем, по мере усложнения общества превращается в неорганическое тело человека). Труд позволяет удовлетворять все увеличивающиеся человеческие потребности, реализовывать потенциально бесконечные возможности человека и через это — развиваться. Однако это доступно человеку лишь как родовому существу, т.к. жизнь каждого конкретного индивида конечна. Противоречие между конечной индивидуальной и бесконечной родовой сущностями в марксизме рассматривается диалектически: каждый отдельный человек — одновременно и родовое и индивидуальное существо. Данное противоречие является стержнем материалистического понимания исторического процесса, который таким образом становится процессом развития человеческой сущности. Родовое и индивидуальное взаимообуславливают друг друга: родовое существует не само по себе, а только лишь через все многообразие индивидуального; с другой стороны, индивидуальное существует только в связи с родовым (общим, бесконечным), определяется им. Таким образом, человек как диалектическое единство родового и индивидуального является живым конкретным индивидом, продуктом конкретных исторических условий (а не абстракцией, как в предшествующей философии), и при этом он способен познавать и преобразовывать мир и общество. Резюмируя все эти положения, например, коллектив пермских авторов определяет человека следующим образом: «Человек — это материальное интегральное социальное существо, производящее себя и

свою собственную социальную среду» [Васильева Т.С., Орлов В.В., 2007, с. 153].

В соответствии с таким пониманием сущности человека (как производящего существа) рассматривается процесс выстраивания социальной структуры общества: «Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 24]. Таким образом, человек, вступая в материальный процесс производства собственной жизни, создает не только ее, но и общественную жизнь. Причем это происходит сразу на нескольких уровнях и в различных формах. Человек способен производить другого человека, причем не только через деторождение, но и в первую очередь — через развитие другого человека (и самого себя) от имеющегося состояния к более сложному [Маркс К., 2015, с. 868]. В процессе подобной жизнедеятельности миллиардов людей возникают и воспроизводятся различные социальные группы и институты.

Таким образом, люди, обладая производящей сущностью, создают все общество, которое при этом из них состоит, но к ним не сводится. Понятно, что каждый уровень связан множеством отношений как внутри себя, так и извне (с другими уровнями). Главными здесь являются производственные отношения — внешние выражения трудового процесса. Нельзя, конечно, забывать и о том, что, помимо материального производства, существует и духовное. Общественное сознание и индивидуальное сознание, являясь отражением материальных производственных процессов, также создаются самими людьми. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бы-

тие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс К., 1959, с. 6–7].

При этом Маркс отмечал, что труд — важнейшая сущностная сила человека, при помощи которой и производится все общество, — находится в развитии. Он выделял три исторические формы труда: ручной, машинный и автоматизированный (также называемый всеобщим научным трудом). Несмотря на небогатый эмпирический материал, Маркс дал некоторое описание всеобщего труда: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» [Маркс К., 1961, с. 116].

Таким образом, всеобщий труд как новая историческая форма труда представляет собой применение знаний, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. Технологической характеристикой этого труда служит его определение как автоматизированного труда, в котором человек из непосредственного участника производственного процесса превращается в его контролера и регулировщика. При этом это крайне усложнившийся труд, который требует для своего воплощения усилий всего общества и, исходя из этого, требует общественной собственности на средства производства.

В.В. Орловым и Т.С. Васильевой было показано развитие информационных технологий, появление современной формы всеобщего труда как производство абстрактных материальных структур [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006]. Высшим проявлением данного процесса, которое со всей очевидностью демонстрирует материальный характер современного производства, стало развитие компьютерного труда. «Компьютерный труд, на наш взгляд, является квинтэссенцией всеобщего труда, поскольку он с необходимостью включен в любой другой вид всеобщего труда (общественные услуги в сфере науки, образования, здравоохранения, управления и пр.). С помощью компьютерного труда сегодня осуществляются принципиальные возможности любой формы всеобщего труда, а именно — указанные еще Марксом интеграция труда современников и аккумуляция труда предшественников (в основном — через интернет-технологии). Компьютерный труд с этих позиций — это непосредственно общественный

труд, а не разделенный труд, как в индустриальную эпоху» [Орлов В.В., Гриценко В.С., 2012]. Такой общественный характер труда имеет далеко идущие социальные последствия, т.к. радикально меняет всю социальную структуру — о сетевой логике организации общества, подмеченной многими постиндустриалистами, мы уже говорили. Этот вид труда, который представляет собой масштабное освоение всего материального мира, присоединение сил природы к человеческим силам, углубление человека в свою собственную сущность и т.д., — этот вид труда вступает в противоречие с наиболее распространенной сегодня формой собственности — капиталистической собственностью.

Именно поэтому суть современного кризиса капитализма понимается многими марксистами как кризис барьера, стоящего на пути развития всеобщего научного труда. Абстрактная схема сегодня предстает перед нами в явном виде: архаичные производственные отношения мешают развитию производительных сил. При этом за кризисом капитализма маячит еще более глубокий кризис — человеческой сущности. Дело в том, что до сих пор человечество в целом развивалось и богатело за счет обнищания каждого своего члена. Богатство и нищета здесь используются не в денежном смысле, а в смысле содержания. Разделение труда, его отчуждение от человека, достигшее при капитализме небывалых масштабов, приводят к тому, что богатство содержания каждого индивида уменьшается в прогрессии относительно роста богатства содержания всего рода: люди становятся все одномернее и одномернее. По-видимому, при этом достигнут некий предел данного процесса: взрывной рост числа психологических заболеваний, убийств, самоубийств, тоталитарных сект и т.д. свидетельствует о крайне нездоровом характере общества XXI в.

Исходя из этого могут пониматься и современные общественно-политические движения: как протест (далеко не всегда осознанный) против угнетения и отчуждения своей сущности. Так, к примеру, Арабская весна, протесты во Франции и США (движение «Оккупай Уолл-стрит») в конечном счете представляют собой восстания людей и против своего отчужденного политического бытия, т.е. государства, и против того способа производства, на котором все это зиждется, т.е. капитализма. Разумеется, и развитие всеобщего научного труда, которое яв-

ляется шансом на преодоление отчужденного бытия людей и которое может изменить сложившуюся модель развития человечества (на такую, где развитие всех напрямую зависит от возможностей развития каждого), не могло не сказаться на развитии общественно-политических движений. Причем оно влияет на их развитие как прямо (различные движения, представляющие собой работников сферы всеобщего труда и осознающие, что многие их проблемы связаны с частной собственностью), так и косвенно (движения, связанные с изменениями в сферах стоимости, занятости, общественного сознания, вызванные развитием всеобщего труда) [см., напр., Мельников В.О., 2018].

Однако же развитие всеобщего труда таит в себе и немало противоречий, в первую очередь это противостояние между различными историческими модификациями труда. Поскольку в труде как главном сущностном свойстве человека, как способности к предметному освоению и преобразованию окружающей его реальности выражается богатство его содержания и поскольку это демонстрируется также в деятельности единичного, конкретного индивида, то неудивительно, что работники ручного, например сельскохозяйственного, труда могут совершенно не понимать интересы представителей труда машинного (и наоборот). Более того, они могут не только не осознавать интересы друг друга, но и быть враждебными по отношению друг к другу вследствие, например, того, что для реализации развитого машинного труда в современных условиях требуется сверхэксплуатация работников ручного труда стран третьего мира. Именно через данные противоречия могут быть объяснены, например, конфликты между «старыми левыми» и «новыми левыми», а также между последними и современными политическими группами левой ориентации. По большому счету это конфликты между массовым рабочим фордистской экономики и децентрализованным рабочим сферы услуг (который по факту остается наемным работником, но к пролетариям себя не причисляет). Одновременное усиление сразу двух разнонаправленных тенденций — стремления к кооперации и растущей атомизации общества — является наглядным свидетельством кризисности процесса развития всеобщего труда в современных условиях.

Таким образом, даже на таком обобщенном, абстрактном уровне наглядно видно, что подход, который начинает свой анализ с человека, его сущностных сил и выводит из этого все социальные феномены, более последователен и логичен. Для объяснения этих феноменов (в т.ч. и общественно-политических движений) уже не нужно брать что-нибудь внешнее по отношению к человеку, отнюдь: сам характер бытия человека, производства им самим его собственной жизни дает ключ к анализу всех социальных процессов и явлений. В частности, цивилизационный кризис в таком случае неизбежно становится проявлением кризиса сущности человека, а деятельность общественно-политических движений связывается с восстанием людей против такого порядка, своего отчужденного бытия.

Заключение

Разумеется, из двух рассмотренных подходов к анализу социальной реальности для нас более предпочтительным и более перспективным оказывается субстанциальный подход. Характерное для сторонников этого подхода стремление анализировать социальные феномены исходя из их основы — человека и его сущностных сил — приводит к выстраиванию более последовательной и логичной схемы общественного развития. Несубстанциальный же подход не в состоянии непротиворечиво объяснить развитие общества, сводя его по большому счету к случайному процессу. Однако даже одного взгляда на исторический процесс достаточно, чтобы увидеть его последовательный характер: от плуга и мотыг общество не перешло сразу к космическим кораблям. При этом несубстанциальность объяснения основ человеческой цивилизации приводит к несубстанциальному объяснению отдельных социальных феноменов. Наглядно это проявляется в анализе современного кризиса и общественно-политических движений, чье развитие, по сути, также приобретает случайный характер и зависит от технологий, действий и ценностей властей, дискурса и т.д. Нельзя сказать, что все это не имеет никакого влияния на общественные процессы, однако при таком подходе всякая последовательность в объяснении испаряется: каждое событие становится уникальным продуктом уникальных факторов. Не отрицая того, что в конечном счете каждое событие действительно

уникально, добавим, что оно при этом является еще и реализацией более общих тенденций общественного развития.

Нужно признать, что несубстанциальное объяснение сегодня встречается куда чаще и просто отбрасывать достижения представителей данного подхода нельзя, несмотря на все существенные ограничения в эвристическом потенциале их теорий. Однако сегодня, во время глубокого кризиса цивилизации, только хорошо проработанная стратегия действий всего человечества может избавить нас от самых страшных последствий имеющихся проблем. В связи с этим увеличивается значение научного знания, а конкретно — его прогностической функции. По-видимому, плюралистическая парадигма объяснения социальных феноменов, в т.ч. и общественно-политических движений, неспособна реализовать ее. Ориентация же на объективные законы общественного развития, на поступательный характер исторического процесса становится попросту необходимой.

Список литературы

- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 944 с
- Васильева Т.С., Орлов В.В.* Социальная философия: учеб. пособие. 4-е изд. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 352 с.
- Кагарлицкий Б.Ю.* От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 680 с.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494–505.
- Корякин В.В.* Труд и единый закономерный исторический процесс. Ч. 1. Пермь, 2008. 418 с.
- Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1953. 352 с.
- Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии. Т. 1 / пер. с нем., фр., англ. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 1200 с.
- Маркс К.* Капитал. Т. III, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 25, ч. 1. 554 с.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Мельников В.О. Изменения в сфере организации политических течений, политической идеологии с середины XX века как следствия современного материального производства // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1(2). С. 156–170.

Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд. Перм. ун-та. 1998. Ч. 1, 2. 188 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 266 с.

Орлов В.В., Гриценко В.С. Постиндустриальное общество и проблема труда // Философия и общество. 2012. Вып. 3(67). С. 60–78.

Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Mouffe С.Н. «Democracy — Radical and Plural»: interview // CSD Bulletin. 2001. Iss. 9(1). P. 10–13.

Получено 01.02.2020

References

Bell, D. (1999). *Gryadushee postindustrial'noe obschestvo* [The coming of post-industrial society]. Moscow: Academia Publ., 944 p.

Castells, M. (2000). *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obschestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow: HSE Publ., 608 p.

Castells, M. (1999). *Stanovlenie obschestva setevykh struktur* [The rise of the network society]. *Novaya postindustrial'naya volna na zapade. Antologiya, pod red. V.L. Inozemtseva* [New postindustrial wave on the West. Anthology, ed. by V.L. Inozemtsev]. Moscow: Academia Publ., pp. 494–505.

Kagarlitskiy, B.Y. (2010). *Ot imperiy — k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzuzaznoy tsivilizatsii* [From empires to imperialism. State and the emergence of bourgeois civilization]. Moscow: HSE Publ., 680 p.

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakonomernyy istoricheskyy protsess. Ch. 1* [Labor and a single natural historical process. Pt. 1]. Perm: PSU Publ., 418 p.

Lenin, V.I. (1953). *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktсионной filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical comments on a reactionary philosophy]. Moscow: Politizdat Publ., 352 p.

Marx, K. (2015). *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii. T. 1* [Capital. A critique of political economy. Vol. 1]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 1200 p.

Marx, K. (1961). *Kapital. T. III, ch. 1* [Capital. Vol. 3, pt. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 25, pt. 1, 554 p.

Marx, K. (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii* [A contribution to the critique of political economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 1–167.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya* [The German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Mel'nikov, V.O. (2018). *Izmeneniya v sfere organizatsii politicheskikh techeniy, politicheskoy ideologii s serediny XX veka kak sledstviya sovremennogo material'nogo proizvodstva* [The changes in the political lines, political ideologies organization sphere from the middle of the 20th century as the consequences of modern material production]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. No. 1(2), pp. 156–170.

Mouffe, C.H. (2001). «Democracy — radical and plural»: interview. *CSD Bulletin*. Vol. 9 (1), pp. 10–13.

Orlov, V.V. (1998). *Istoria chelovecheskogo intellekta* [History of human intelligence]. Perm: PSU Publ., pt. 1, 2, 188 p.

Orlov, V.V. and Gritsenko, V.S (2012). *Postindustrial'noe obschestvo i novaya forma truda* [The postindustrial society and a new type of labour]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. Iss. 3(67), pp. 60–78.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2006). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 266 p.

Schwab, K. (2018). *Tekhnologii chetvortoy promyshlennoy revolutsii, per. s angl.* [Shaping the fourth industrial revolution. Trans. from Eng.]. Moscow: Eksmo Publ., 320 p.

Vasil'eva, T.S. and Orlov, V.V. (2007). *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Perm: PSU Publ., 352 p.

Received 01.02.2020

Об авторе

Мельников Виктор Олегович

аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

About the author

Viktor O. Melnikov

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мельников В.О. О двух подходах к анализу общественно-политических движений как проявлениях современного цивилизационного кризиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 42–54. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54

For citation:

Melnikov V.O. [Two approaches to analyzing sociopolitical movements as a manifestation of the modern civilization crisis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 42–54 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-42-54

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-55-64

ИСТОРИЯ И ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА НОВОГО НАЧАЛА В ФИЛОСОФИИ В. БЕНЬЯМИНА

Савина Мария Александровна

*Свободный университет Берлина,
Берлинский университет им. Гумбольдта*

В своих ранних и в особенности в поздних работах Вальтер Беньямин развивает понятие истории, а наряду с ним и понятие субъекта. Последнее отчасти схоже психоаналитической, но отлично от экспериментально ориентированной трактовки субъекта в претендующих на научность психологических подходах. Критикуя историзм, свойственный, среди прочего, и культурно-историческому подходу в психологии, В. Беньямин проблематизирует как цикличность, так и линейный, прогрессивный ход времени, обращаясь к моменту «здесь и сейчас». При этом время определяется им как история, явленная субъекту в критическом настоящем (*Jetztzeit der Erkennbarkeit*), из которого история всякий раз и берет свое начало, преодолевая пустой гомогенный ход неисторического, или мифологического, времени. В. Беньямин не только разрабатывает критику субъекта мифа, но и, критически раскрывая настоящее как историю, описывает феноменологическую реальность кризиса субъективности и через ее призму определяет субъекта как субъекта истории. Анализу последнего и посвящена данная статья, в которой субъект истории представлен на материале трех фигур — рассказчика, критика и историка, — предложенных В. Беньямином в качестве инструментов осмысления собственной критической работы. В статье раскрыта языковая природа кризиса субъективности и связанная с ней мысль В. Беньямина об истории, свободе и трансформации субъекта, а также о возможности принципиально нового. Приведены психологические и психотерапевтические следствия идей В. Беньямина, позволяющие психологии в ее теоретических и практических рамках задаться вопросом о понимании ею истории, субъекта и развития.

Ключевые слова: Беньямин, психология, субъект, кризис, развитие, история, критическая теория, свобода, нарратив.

HISTORY AND TIME: THE PROBLEM OF THE NEW BEGINNING IN WALTER BENJAMIN'S PHILOSOPHY

Mariya A. Savina

*Free University of Berlin,
Humboldt University of Berlin*

In his early and especially late works, Walter Benjamin develops his own concepts of history and subject. The latter partly relates to psychoanalytical concepts of subject but differs from those in experimentally and scientifically oriented psychological approaches. Denouncing historicism, which constitutes the basis of the cultural-historical approach in psychology (among others), Benjamin questions both the cyclic and the linear, or progressive, concept of time from the standpoint of the moment of «here and now». In his own words, he conceptualizes time as history that takes place in «now-time of recognizability» (*Jetztzeit der Erkennbarkeit*). Only that kind of time, according to Benjamin, lets the history take place and begin, differing it from the empty, homogenous flow of mythical time. Benjamin does not solely develop his critique of the myth's subject. He also critically defines the now-time as history, describing the phenomenological reality of the crisis of subjectivity and the subject of history as such. The paper focuses on the latter and analyzes it with the help of Benjamin's figures of the storyteller, the critic and the historian, used

to describe his own critical work. The paper sheds light on the linguistic nature of the crisis of subjectivity and, in this context, on Benjamin's ideas of history, freedom and transformation of the subject, as well as on the possibility of something essentially new. In the course of analysis, the author of the article points out some psychological and psychotherapeutic consequences of W. Benjamin's ideas which can induce psychology to take a critical look at its own understanding of history, subject and development, both from the theoretical and the empirical perspective.

Keywords: Benjamin, psychology, subject, crisis, development, history, critical theory, freedom, narrative.

Психологическая теория, как и любая теория, рассматривающая человека в социально-историческом контексте, затрагивает человека в его интерсубъективности. Теория эта всегда включена в более широкий план социальных и политических практик, относительно которых она может быть определена либо как классическая, познающая свой объект и в познании легитимирующая предшествующее познанию положение вещей, либо как критическая, в познании направленная на изменение познаваемой ею реальности. То есть теория либо вписана в практики человека как утверждающая их в том виде, в котором сами практики познанию предшествуют, либо реализует их критику, но с целью не улучшения, а создания принципиально иного на новых началах. Такое понимание критической теории, теории, определяющей себя через практику, сформулировал Макс Хоркхаймер в своей работе «Traditionelle und kritische Theorie» [Horkheimer M., 1937]. Хорошим комментарием к изложенным в ней идеям может послужить широко известный российскому читателю труд М.К. Мамардашвили о классическом и неклассическом идеалах рациональности [Мамардашвили М.К., 2010]. Познание, согласно М.К. Мамардашвили, либо следует предустановленному в теории (классический идеал), либо через теорию обнаруживает в процессе познания то новое, которому только и позволяет возникнуть. Из перспективы критической теории можно было бы дополнить мысль М.К. Мамардашвили утверждением о практическом следствии каждого из идеалов для более широкого контекста социальных практик: так, классический идеал в сфере наук о человеке руководствуется уже существующими практиками, которые воспроизводит, объясняет и, возможно, улучшает, в то время как неклассический идеал, учитывая необратимость познания, актом познания утверждает реальность, познанию не предшествующую.

В современной, научно ориентированной психологической теории вопрос о человеческой свободе прежде всего рассматривается в связи с проблемой выбора и принятия решения. Тип эксперимента когнитивной психологии, руководствующийся классическим идеалом рациональности, самой структурой познания предполагает несвободу человека, которая и подтверждается в данной науке экспериментальным путем через воспроизводимость и отрицание способности быть иным, характерной как для познающего, так и для познаваемого. Познающий при этом в каком-то смысле уподобляется божественному, абсолютному субъекту, а познаваемое — подчиненному ему творению. Открытым же остается вопрос о том, какому социальному порядку соответствует подобное познание, не вытекает ли соответствующее ему понимание субъекта из социальных, капиталистических (или любых иных идеологических) практик властных отношений подчинения, данное познание организующих. Альтернативный подход потенциально намечается, например, в экзистенциально и феноменологически ориентированной психологии и психотерапии, рассматривающей человека в контексте судьбоносных жизненных выборов и личностных изменений и тем самым сохраняющей связь не только с практиками социальной или экономической несвободы, но и с пространством индивидуальной ответственности. Альтернативу предлагает и культурно-историческая психология Л.С. Выготского: обосновывая генетический характер своего метода, она подчеркивает решающую роль используемого инструментария теории как обнаруживающего не заранее данное, а явленное и приобретающее жизнь лишь благодаря оптике метода [Пузырей А.А., 1986, 2005]. Вопрос заключается лишь в том, в каком отношении к актуальному социально-культурному контексту находится реализуемый ею на практике метод: служит ли он свободе субъекта [Saar M., 2007, S. 334–346] или может

быть выведен из более широкого поля властных практик конструирования субъективности; или, перефразируя, является ли на уровне практики новообразование в развитии высших психических функций (по Л.С. Выготскому) чем-то действительно новым или лишь воспроизведением теоретической модели, заранее, извне устанавливающей нормы субъективности, служит ли экспериментальный метод возникновению или лишь воспроизведению нового.

В рамках психотерапии, являющейся социальной практикой и в некотором смысле также имеющей экспериментальный характер, этот вопрос становится еще более важным, что приводит ученых к рефлексии о практически реализуемом ею понимании человека, понимании феномена его трансформации. Заложённое в психотерапевтической теории представление о человеке имеет решающий характер для практики, которая, в свою очередь, может быть манипулятивно-нормирующей, встраивающей человека в определенную систему ценностей и установок, либо майевтической [Пузырей А.А., 2005], помогающей человеку выработать критическую дистанцию в отношении бессознательно принимаемых им на веру убеждений [Арендт Х., 2013, с. 164–191], обращающейся к нему через свободу и открывающей возможность принятия ответственности за собственную жизнь. В связи с этим для рефлексивного осмысления собственных практических установок в более широком философском и социальном контексте небезынтересным для психологии и психотерапии кажется обращение к текстам критической теории [Critical Psychotherapy..., 2015], одним из представителей которой является Вальтер Беньямин [Schlüsseltexte der Kritischen Theorie, 2006], философ и критик культуры, в своей концепции рисующий человека, чья жизнь в целом может быть описана как кризис, человека, всегда стоящего на перепутье [Ясперс К., 2012, с. 205–206; Арэндт Х., 2013, с. 189–191]. Хотя и не имеющий к психологии прямого отношения, а к экзистенциализму подходящий критически, В. Беньямин в своих текстах предлагает взгляд на человека, который мыслится как таковой лишь исходя из кризиса его жизненной ситуации, поскольку, с точки зрения В. Беньямина, лишь понимая жизнь отдельного индивидуума как кризис, можно говорить о воплощаемой в

ней исторической жизни, как индивидуальной, так и коллективной жизни всех прошлых, настоящих и будущих поколений человечества. Для культурно-исторического подхода особенно интересным, проясняющим собственное понимание историзма, развития [см. также: Розин В.М., 2016] и кризиса кажется радикально-критическое в своей основе определение В. Беньямином истории, направленное против ее историзации и мифологизации в терминах развития и прогресса: внося в принцип становления критическую установку, В. Беньямин переворачивает идею развития и говорит о его катастрофическом движении, особый акцент делая при этом на необходимости прерывания (Unterbrechen) катастрофы, т.е. на прерывании прогрессирующего катастрофического хода развития в критическом настоящем познания.

Подобное рассмотрение предполагает особое представление временного континуума: исходя из текстов В. Беньямина, описание жизни человека на языке развития личности едва ли возможно. Термин «личность», понимаемый В. Беньямином как маска, персона, скорее всего, встретил бы в его философии ту же критику, что направлена им против концепта самости у С. Кьеркегора: данный термин, полагающий границы субъективности, оказывается универсализирующим, заключающим историю в тюрьму биологического порядка, выраженного и в капиталистических властных отношениях [Беньямин В., 2000, с. 333–344; Benjamin W., 1991b]. Что же касается представлений об изменениях и процессах, то В. Беньямин выступает критиком любой модели поэтапного становления и лежащего в ее основе понимания генеалогии. Связано это с его этической и политической позициями: изучение становления как процесса предполагает линейную автоматизирующую логику развития, которая, выдавая себя за необходимость, обслуживает институты власти и тем самым освобождает человека от индивидуальной ответственности за поступок, что ведет человечество к исторической катастрофе [Беньямин В., 2000, с. 228–236].

Избегая говорить на языке становления и развития, В. Беньямин обращается к платоновскому учению об идеях и связывает свою философию с языковой теорией, ставя тем самым проблему представления (Darstellung) в центр своей концепции как в ранних, так и в самых

поздних работах. Основываясь на текстах еврейской мистики и учении об идеях, В. Беньямин мыслит в терминах не личности или самости, а имени собственного. Оставаясь в рамках предложенной им теории, где имена поделены на собственные как принадлежащие предшествующему истории божественному Творению и нарицательные, только генетически отсылающие к нему, но потерявшие связь с Творением из-за введения внешних исходному языку означающих, редуцирующих его до средства обмена информацией, можно сказать, что вопрос об индивидуальном имени человека находится на пересечении двух сфер: с одной стороны, имя — это идея, оно дается при рождении, но как идея предшествует своему носителю, с другой — в контексте социальной жизни, оно оказывается лишь именем среди имен нарицательных. Имя собственное же требует отношения к себе как к тексту книги судьбы, что подразумевает интерпретацию, критику, но также и со-творение внутри божественного языка, прочтение которого внутри языка профанного и составляет, согласно В. Беньямину, задачу познания [Беньямин В., 2012b, с. 17–19]. Именно с этой точки зрения В. Беньямин рассматривает и художественные произведения, или точнее, работу автора над произведением, которая одновременно является работой платонической любви, любви к возлюбленной в ее имени. Творчеству автора может быть уподоблена и работа человека вообще над собственной жизнью, любовь к тому, что есть для него жизнь творящая, дающая рождение [Беньямин В., 2000, с. 284]. В подобной любви именно индивидуальное имя оказывается центром тяготения: «Для этой любви, подобно лучам из пылающего центра, возникает существование любимой из ее имени, и еще возникает из любящего его произведение. “Божественная комедия” — это не что иное, как аура вокруг имени Беатриче; мощное изображение того, как все силы космоса выходят из имени, ожившего в любви» [Беньямин В., 2000, с. 268]. В собственном имени человека, согласно В. Беньямину, сокрыты тайна, откровение о его жизни, требующее прочтения; как автобиография же имя оказывается в пространстве принимаемых решений и поступков. Именно диалектика судьбы и свободы поступка оказывается решающей для В. Беньямина в вопросе о будущем человека, при этом в имени судьбе соответствует полис мифа, вины, обусловленности, а поступку — ис-

тории, понимаемой В. Беньямином как сфера человеческой свободы.

Как уже отмечалось выше, история для В. Беньямина противоположна как линейному ходу времени, так и мифологическому повторению, «вечному возвращению». Критикуя попытку представить историю через прогресс, развитие и становление, В. Беньямин в первую очередь пытается найти принципиально иную исходную точку для ее определения, отрицая при этом всякую телеологию по принципу движения от истока к цели. Именно поэтому оказывается важна языковая теория: язык у В. Беньямина в основе своей имеет не логику, а историю [Беньямин В., 2002, с. 28], представленную в нем как образ (Bild). Но образ этот в языке человека, в отличие от чистого, именующего языка, нестабилен. Как уже возникшее (Entspringende), он подчиняется принципам становления и исчезновения (Werden und Vergehen), характеризующими миф, но не историю. Историчен же он как диалектический образ (dialektisches Bild), образ, запечатленный в языке, выхваченном из процессов становления-исчезновения и пойманном в его актуальном настоящем по отношению к идее, которой он принадлежит: «В происхождении не предполагается никакого становления возникшего (Werden des Entsprungenen), скорее подразумевается возникновение из становления и исчезновения. Происхождение стоит в потоке становления как водоворот и затягивает в свой ритм материал возникновения. В наготе очевидной наличности фактического относящегося к происхождению никогда не проявляется и его ритмика открыта исключительно для двойного понимания. Она может быть познана, с одной стороны, как реставрация, восстановление и как незаконченное, незавершенное — с другой. В каждом феномене происхождения определяется фигура (Gestalt), в которой идея то и дело спорит с историческим миром, пока не обретет явленную завершенность в своей истории» [Беньямин В., 2002, с. 27–28]. Иными словами, в языке для В. Беньямина история присутствует как диалектика над-исторического, идеального и неисторического, мифологического. В имени собственном как наиболее приближенном к чистому языку именованию диалектика эта раскрывается сильнее, чем в имени нарицательном. Последнее сообщает не себя, но «информацию о», в то время как имя собственное сообщает историю как опыт, принимающий форму рассказа.

Рассказчик

Ему отпущен дар — рассказать о своей жизни, и ему дано величие — умение рассказывать всю свою жизнь. Рассказчик — человек, который способен полностью сжечь фитиль своей жизни в мягком пламени рассказа.

В. Беньямин [Беньямин В., 2004, с. 418]

В одноименном тексте 1936 г., посвященном Н.С. Лескову, В. Беньямин определяет рассказ как устную практику, ответственную за сохранение и передачу традиции как живого опыта. В этом смысле рассказ содержит свидетельства жизни многих поколений, что позволяет проникать в его глубину через таящиеся в нем слои рассказов и интерпретаций [Беньямин В., 2004]. Время, задаваемое его формой, предполагает длительность и незавершенность, а вместе с тем и адресата, прислушивающегося к повествованию в тишине скуки, как бы проникая тем самым за ее пределы и преодолевая ее не имеющей завершения длительностью повествования. В этом смысле В. Беньямин оказывается близок к М. Хайдеггеру, посвятившему три главы «Основных понятий метафизики» экзистенциальному анализу скуки, где из глубин «поскучания» он выводит возможность пробуждения времени, утраченного для скучающего, но вместе с тем различаемого в глубине переживания скуки, что и делает возможным его пробуждение [Хайдеггер М., 2013, с. 133–253]. Разница состоит лишь в том, что В. Беньямин постулирует абсолютную, необратимую утрату рассказа для современной культуры, начавшуюся еще с появлением романной формы, а вместе с утратой рассказа и утрату сообщаемости опыта, что влечет за собой обрывание традиции и, говоря языком М. Хайдеггера, невозможность выхода из вытеснившей время пустоты его коротания при помощи повествования.

Рассказ, согласно В. Беньямину, возникает как передача опыта человеком, уходящим из жизни. Последнее и придает рассказу авторитетность [Беньямин В., 2004, с. 398]. В своем истоке рассказ связан с осознанием близости смерти, когда же смерть изгоняется из культуры, исчезает умирающий, а вместе с ним и наследующий традицию слушатель [Беньямин В., 2004, с. 403, 406]. Описанием данного состояния как кризисного для исторической жизни и занимается В. Беньямин, когда говорит

о скуке, приобретающей характер пустого всепоглощающего гомогенного времени каждодневной новизны: «Чтобы понять значение *nouveauté* [новизна, новость, фр.], необходимо обратиться к новизне в повседневной жизни. Почему каждый сообщает друг другу самые последние новости? Возможно, ради торжества над мертвыми. Только тогда, когда нет ничего действительно нового [“Um die Bedeutung der *nouveauté* zu erfassen, muß man auf die *Neuigkeit* im täglichen Leben zurückgehen. Warum teilt jeder dem anderen das Neueste mit? Wahrscheinlich um über die Toten zu triumphieren. So nur, wenn es nichts wirklich Neues gibt”]» [Benjamin W., 1991a, S. 169].

Можно было бы продолжить мысль В. Беньямина утверждением, что вместе со смертью из жизни человека уходит и рождение. Следующая отсюда принципиальная невозможность нового отрицает и саму жизнь, сводя ее к тирании пустоты повторяющегося мгновения, скрывающегося за фасадом новизны. Именно такие мгновения, согласно В. Беньямину, и организуют время человека эпохи позднего капитализма. По своей сути они являются не чем иным, как негативно понятым вечным возвращением одного и того же [Benjamin W., 1991a, S. 178], соответствующего не времени, но отрицающей время цикличности мифа. Мифологично для В. Беньямина и всякое поступательное движение, встроенное в линейность прогресса, причем мифологично не в смысле индивидуального мифа, о котором в позитивных тонах говорит К. Юнг, но в самом негативном значении этого слова, а именно как замкнутость в хаосе символов, подчиненность слепым влечениям, а на уровне сознания — невозможность ни родиться, ни умереть [Беньямин В., 2000, с. 58–121].

Память как традицию и связанный с ней порядок преемственности перед лицом смерти В. Беньямин противопоставляет утверждающей вечность логике становления, заключенного в циклы мифа. Рассказ, являясь преемственностью традиции, направлен против его циклической логики, отрицающей память утопическим забвением момента. Но, будучи утраченным, только в утопии настоящего рассказ и обретает свою форму, переставая быть собой, становясь руиной и лишь таким образом обнаруживая свою изначальную позитивную связь с утопией.

Критик. Меланхолик. Эстетика руины

Утрата повествования означает, что ткань опыта больше не пронизывает жизнь человека в его имени. Теперь его жизнь не воплощается в имени и традиции, но проживается во времени мифа, пустого по своей структуре, хотя и заполненного сиюминутной новизной информации. Моменты, на которые разбивается в нем временной континуум, В. Беньямин характеризует через их шоковое воздействие. По природе своей они соответствуют переживанию (*Erlebnis*), а не опыту (*Erfahrung*), причем переживание определяется В. Беньямином, в отличие от В. Дильтея, через дефицит опыта, которому оно поэтому и противопоставляется [Schmider C., Werner M., 2006, S. 575]. Однако, будучи нехваткой опыта, шок переживания все-таки остается причастным к сфере опыта в той мере, в которой несет в себе возможность его извлечения [Benjamin W., 1991a, S. 963–964]. Поэтому погруженная в миф тотальность переживания для В. Беньямина одновременно и представляет темпоральность мифа, и делает ее преодоление потенциально возможным.

Раздробленность временного континуума является характерной также и для меланхолии как мыслительного опыта: меланхолик, согласно В. Беньямину, — рожденный под знаком Сатурна, созерцающий предметы быта, брошенные без дела, оставленные и лишены всякого смысла, как то изображено на одноименной картине А. Дюрера [Беньямин В., 2002, с. 151–161]. Важным при этом оказывается именно созерцательный характер меланхолии: в созерцании она погружается вглубь вещей, на которые направлена, вырывая их из привычного контекста и лишая всякого практического свойства. В метафорическом смысле меланхолик всегда созерцает руины мира, или мир, руинируемый меланхолическим восприятием, но не для того, чтобы склеить и собрать осколки или построить на их основе нечто новое, а для того, чтобы воссоздать первоначальный замысел, который только в руине, обломке и может быть явлен и узан [Беньямин В., 2002, с. 251]. В этом смысле руина, осколок — монада, в которой явлен образ мира как целого [Беньямин В., 2002, с. 30]. В себе она содержит время, историю. Поэтому пустоту и гомогенность времени преодолевает не собиранье обломков, но узнавание в каждом из них

идеи целого, начала, из которого в настоящем возникает и темпоральность как таковая: «История — это предмет такой конструкции, место которой не однообразное пустое время, а время, наполненное сознанием “сейчас”» [Беньямин В., 2000, с. 234]. История представлена каждым из осколков времени, но не прежде, чем тотальность мифа становится руиной.

Психологическому типу меланхолика в пространстве текста, авторства, письма у В. Беньямина соответствует критик. В первую очередь потому, что его работа, как и созерцание меланхолика, деструктивна. Критик, согласно В. Беньямину, вторгается в структуру текста с целью его философского познания, разрушая при этом исходную его форму, в мыслительном плане разбивая его на такие же осколки, какие созерцает меланхолик Дюрера в материальном мире. Таким образом, в мысли В. Беньямина переплетаются пространство текста и пространство материи: обломок как мыслительный диалектический образ одновременно материален, он — предмет, слово, жалоба, цитата. Именно с цитатой и работает критик, высвобождая ее из контекстуального шума и давая ей зазвучать, быть прочитанной, переданной, узанной среди цитат [Беньямин В., 2000, с. 317–344]. Работа критика — расчищение путей там, где путей, казалось бы, и быть не может. Он разрушает, но не ради разрушения, а ради высвобождения пространства, ради возможности пути: «Деструктивный характер не видит ничего прочного. Но именно поэтому он всюду видит пути. Там, где другие упираются в стену или гору, он находит путь. Но раз он всюду видит путь, то хочет всюду убирать с пути. Не всегда с помощью грубой силы, иногда более благородно. Поскольку он всюду видит пути, то сам всегда стоит на перекрестке. Ни одна минута не знает, что принесет следующая. То, что существует, он превращает в развалины не ради развалин, а ради пути, который проходит здесь» [Беньямин В., 2000, с. 262]. Речь в данном фрагменте идет, прежде всего, о деструктивной роли критики. Превращая существующее в руины, критик высвобождает тем самым идею целого как времени, пути, истории, которые представлены в обломках и требуют прочтения. В этом смысле деструктивная работа в настоящем, практика погружения во время-миф и разрушения его изнутри

имеет своей целью спасение прошедшего незавершенного как памяти-воспоминания, которая распахнута на присутствующее здесь и сейчас будущее, данное в откровении, пророчестве, но не как неизбежность судьбы, а как тайна, текст, требующий интерпретирующего прочтения, сохраняющего явленность тайны именно как тайны [Беньямин В., 2012а], не замещая ее внешними, объясняющими толкованиями. Тайна эта — присутствие будущего как свободы, чистота белого листа, тайна начала: «День каждое утро лежит на нашей кровати, словно свежая сорочка; эта несравненно тонкая, несравненно плотная ткань чистого пророчества сидит на нас как влитая. Счастье следующих двадцати четырех часов зависит от того, сумеем ли мы подхватить ее при пробуждении» [Беньямин В., 2012с, с. 103]. Уподобляя прошлое сновидению, настоящим В. Беньямин делает пробуждение, время воспоминания, обращенного к будущему, опыт и весть-откровение о котором оно в себе несет [Беньямин В., 2012с].

Историк

Рассматривая историю как время, берущее начало в настоящем и из него определяющееся как прошлое, так и возможность будущего, В. Беньямин подходит к вопросу свободы человека. Особую роль при этом играет историк, фигура которого для В. Беньямина становится метафорой субъекта, действующего и принимающего ответственность. Историк пишет историю в настоящем и, подобно психоаналитику [Wiegmann J., 1989], работает с ускользающей памятью, как бы пытаясь поймать событие в ловушку текста: «Подлинная картина прошлого проскальзывает мимо. Прошлое можно удерживать только в образе, вспыхнувшем на миг в момент его постижения, чтобы больше никогда не появиться» [Беньямин В., 2000, с. 229]. В письме он выбирает, что помнить и от чьего имени писать историю. Оставаясь внутри марксистского контекста, В. Беньямин делает ключевым пунктом своих «Тезисов о понятии истории» [Беньямин В., 2000, с. 228–236] идею истории угнетенных, побежденных, противопоставляя ее тем самым понятию монументальной истории Ф. Ницше [Ницше Ф., 2014, с. 97–114], а именно истории-мифу, легитимирующему и чествующему сложившийся ход вещей, забывая о жестокости и насилии, лежащих в его

основе. История В. Беньямина, в отличие от мифа, основывается не столько на насилии, сколько на языке и слове, помнящих в том числе и о насилии, запечатлевших его как след. Историк для него в первую очередь — историк настоящего, но вместе с тем и критик этого настоящего: обращаясь к настоящему, он видит катастрофу, против которой восстает при помощи критического деструктивного письма, выхватывающего в диалектическом образе настоящее-момент и в нем читающего следы и обещания иного порядка вещей, иного, мессианского времени. Согласно В. Беньямину, только в диалектическом образе и осуществляется историческое познание, обосновывающее не подчинение и тиранию, а надежду [Беньямин В., 2000, с. 230].

Отчасти фигура историка у В. Беньямина уподобляется фигуре психоаналитика, занимающегося археологией душевной жизни, читающего и интерпретирующего следы прошлого [Emden C., 2006, S. 77–85]. Интерпретация при этом понимается им не как объяснение в рамках теории, а в теологическом смысле: как чтение священного текста, через писание и, вопреки его слову, различающее язык творения в настоящем прочтения. Вопреки слову, поскольку слова человека, согласно В. Беньямину, принадлежат не именуемому божественному языку, в котором и одновременно с которым рождаются мир и вещи, а коррумпированному языку грехопадения, где слово приобретает означаемое вне языка и отсылает тем самым к вещи как к чему-то внешнему, подчиняемому. Подобный язык обслуживает не язык познания, но сплетню, болтовню [Беньямин В., 2000, с. 317–344], а в конечном счете — практику угнетения и легитимирующие ее дискурсы. Потому для В. Беньямина и важна деструктивная роль критики: проникая в мифологическую временную структуру дискурсов власти и подчинения, она освобождает слово для времени, содержащего в себе будущее и прошлое, для времени-воспоминания, следы которого она читает во времени-сейчас.

Важно отметить, что историк для В. Беньямина ни в коем случае не связан с исторической наукой или социальными институтами, ею обслуживаемыми. Напротив, историк для В. Беньямина — метафора человека как существа, ответственного за время. Ответ-

ственность эта охватывает сферу индивидуальной жизни, но как память распространяется и на жизни прошлых поколений, связь с которыми устанавливает. В. Беньямин формулирует данный тезис еще радикальнее, настаивая на том, что ответственность эта — спасение умерших от уничтожения, грозящего им в тоталитарности мифа, какую бы идеологическую форму тот ни принял. Определяя через память связь прошлого и настоящего, историк пишет историю как свободу, т.е. историю, определяющую прошлое не как свою причину, но как память о других, а настоящее — как свою возможность: «...лишь для спасенного человечества прошлое становится цитируемым, вызываемым в каждом из его моментов. Каждое из его пережитых мгновений становится citation à l'ordre du jour [упоминанием в повестке дня, фр.], а день этот — день страшного суда» [Беньямин В., 2000, с. 229]. В конечном счете историк как ответственный за время оказывается устанавливающим связи, строящим в акте памяти-воспоминания мосты через разрывы, хотя его работа и состоит в том, чтобы в актуальном настоящем разбивать временной континуум на осколки и формировать тем самым различия. Он не может быть описан в терминах трансцендентальной автономии, свойственной историку прогресса и развития. В гораздо большей степени характеризует его ответственность за существование прошлого и будущего, спасенных настоящим, к которому и он сам относится как слушатель и как читатель.

Согласно Беньямину, кризис в антропологическом смысле — базовая ситуация человека как такового и связана она со статусом человеческого языка, лишенного возможности в именовании творить мир. Кризис охватывает как жизнь отдельного человека, так и способность сообщать о ней. Терапевтической установкой по отношению к этой жизни, в соответствии с идеями В. Беньямина, была бы критическая работа с языком, раскрывающая живущего как индивидуальное имя, высвобожденное из определяющих его дискурсов, в особенности дискурсов развития, в том числе и теоретико-психологических, в той степени, в которой они руководствуются определенной моделью субъекта и практически воспроизводят заранее данную в рамках своей теории субъективность.

Кризис субъективности определяем В. Беньямином и в более узком смысле как кризис повествования, передающего опыт, что ведет к потере человеком временного измерения своей жизни: так, с утратой темпоральности рассказа, передающегося из уст в уста, не имеющего завершения и организующего традицию, человеку остается лишь погрузиться в пустоту, заполнившую время и принимающую идеологическую форму мифа. Выходом из мифа в пространство истории, не мифологизированное принципом историзма, является, согласно В. Беньямину, деструктивная работа критика, меланхолика, в языке разбивающего миф на осколки, каждый из которых, подобно монаде, в своей уникальности содержит образ мира в его исторической актуальности.

Вернуть время в его языковой природе — так в конечном счете мог бы определить В. Беньямин задачу человека, описываемого им через метафоры историка и переводчика; а вместе со временем вернуть и человека в его имени, слове, поступке как способного помнить и потому обращенного не к развитию, но прежде всего к спасению навсегда уходящего — настоящего момента, раскрывающегося через особого рода критико-герменевтическую работу перевода и интерпретации, в том числе и собственной жизни.

Список литературы

- Арендт Х.* Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
- Беньямин В.* Озарения. М.: Мартис, 2000. 376 с.
- Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. 288 с.
- Беньямин В.* Рассказчик // Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр.; под ред. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004. С. 383–418.
- Беньямин В.* Задача переводчика // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения: сб. статей. М.: РГГУ, 2012. С. 254–270.
- Беньямин В.* О языке вообще и о языке человека // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения: сб. статей. М.: РГГУ, 2012. С. 7–26.
- Беньямин В.* Улица с односторонним движением: пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 128 с.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Азбука, 2010. 288 с.

Ницше Ф. Несвоевременные размышления // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Культурная Революция, 2014. Т. 1, ч. 2. 480 с.

Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 117 с.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 680 с.

Розин В.М. От взглядов Л.С. Выготского к современной концепции развития // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 367–385.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Ясперс К. Философия. Кн. 2: Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2012. 448 с.

Benjamin W. Das Passagen-Werk // *Gesammelte Schriften: in VII Bd.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. Bd. V. 1354 S.

Benjamin W. Kierkegaard. Das Ende des philosophischen Idealismus // *Gesammelte Schriften: in VII Bd.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. Bd. III. S. 380–383.

Emden C. Walter Benjamins Archäologie der Moderne: Kulturwissenschaft um 1930. München: Fink, 2006. 184 S.

Critical Psychotherapy, Psychoanalysis and Counselling / ed. by D. Loewenthal. L., UK: Palgrave Macmillan, 2015. 309 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137460585>

Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie // *Zeitschrift für Sozialforschung.* 1937. Bd. 6, nr. 2. S. 245–294. DOI: <https://doi.org/10.5840/zfs19376265>

Saar M. Genealogie als Kritik. Geschichte und Theorie des Subjekts nach Nietzsche und Foucault. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 2007. 383 S.

Schlüsseltex-te der Kritischen Theorie / A. Honneth (Hg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 414 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-90227-2>

Schmider C., Werner M. Das Baudelaire-Buch // Benjamin Handbuch. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2006. S. 567–584.

Wiegmann J. Psychoanalytische Geschichtstheorie: eine Studie zur Freud-Rezeption Walter Benjamins. Bonn: Bouvier, 1989. 128 S.

Получено 20.01.2020

References

Arendt, H. (2013). *Zhizn' uma* [The life of the mind]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 517 p.

Benjamin, W. (1991). *Das Passagen-Werk* [The arcades-project]. *Gesammelte Schriften: in VII Bänden* [Walter Benjamin: Selected works: in 7 vols]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 5, 1354 p.

Benjamin, W. (1991). *Kierkegaard. Das Ende des Philosophischen Idealismus* [*Gesammelte Schriften: in VII Bänden*] [Walter Benjamin: Selected works: in 7 vols]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ., vol. 3, pp. 380–383.

Benjamin, W. (2000). *Ozareniya* [Illuminations]. Moscow: Martis Publ., 376 p.

Benjamin, W. (2012). *O yazyke voobsche i o yazyke cheloveka* [On language as such and on the language of man]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*: [Doctrine of the similar. Media aesthetic works]. Moscow: RSHU Publ., pp. 7–26.

Benjamin, W. (2002). *Proiskhozhdienie nemetskoy barochnoy dramy* [The origin of German tragic drama]. Moscow: Agraf Publ., 288 p.

Benjamin, W. (2004). *Rasskazchik* [Storyteller]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature, pod red. Belobratova A. Per. s nem.i fr.* [The masks of time. Essays about culture and literature, ed. by A. Belobratov. Trans. from German and French]. Saint-Petersburg: Symposium Publ., pp. 383–418.

Benjamin, W. (2012). *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniem* [One-way Street]. Moscow: Ad Marginem Publ., 128 p.

Benjamin, W. (2012). *Zadacha perevodchika* [The task of the translator]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [Doctrine of the similar. Media aesthetic works]. Moscow: RSHU Publ., pp. 254–270.

Emden, C. (2006). *Walter Benjamins Archäologie der Moderne: Kulturwissenschaft um 1930* [Walter Benjamin's archeology of modern: cultural studies around 1930]. Munich: Fink Publ., 184 p.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kn. 2: Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book 2: Lighting of existence]. Moscow: Kanon+ Publ., 448 p.

Heidegger, M. (2013). *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [The fundamental concepts of metaphysics]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 592 p.

Honneth, A. (ed.) (2006). *Schlüsseltex-te der Kritischen Theorie* [Key texts of a critical theory]. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften Publ., 414 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-90227-2>

Horkheimer, M. (1937). *Traditionelle und kritische Theorie* [Traditional and critical theory]. *Zeit-*

schrift für Sozialforschung [Journal of Social Studies]. Vol. 6, no. 2, pp. 245–294. DOI: <https://doi.org/10.5840/zfs19376265>

Loewenthal, D. (ed.) (2015). *Critical psychotherapy, psychoanalysis and counselling*. London, UK: Palgrave Macmillan Publ., 309 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137460585>

Mamardashvili, M.K. (2010). *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti* [Classic and non-classic ideals of rationality]. Moscow: Azbuka Publ., 288 p.

Nietzsche, F. (2014). *Nesvoevremennye razmyshleniya* [Untimely meditations]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [The complete works of Friedrich Nietzsche: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 1, pt. 2, 480 p.

Puzyrey, A.A. (1986). *Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Cultural-historical theory by L.S. Vygotsky and the contemporary psychology]. Moscow: MSU Publ., 117 p.

Puzyrey, A.A. (2005). *Psikhologiya. Psikhotehnika. Psikhagogika* [Psychology. Psychotechnic. Psychagogy]. Moscow: Smysl Publ., 680 p.

Rozin, V.M. (2016). *Ot vzglyadov L.S. Vygotskogo k sovremennoy kontseptsii razvitiya* [From L.S. Vygotsky's views to the contemporary conception of development]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 13, no. 2, pp. 367–385.

Saar, M. (2007). *Genealogie als Kritik. Geschichte und Theorie des Subjekts nach Nietzsche und Foucault* [Genealogy as critique. History and theory of subject after Nietzsche and Foucault]. New York: Campus Verlag Publ., 383 p.

Schmider, C. and Werner, M. (2006). *Das Baudelaire-Buch* [The Baudelaire Book]. *Benjamin Handbuch* [Benjamin handbook]. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler Publ., pp. 567–584.

Wiegmann, J. (1989). *Psychoanalytische Geschichtstheorie: eine Studie zur Freud-Rezeption Walter Benjamins* [Psychoanalytical theory of history: the study on Walter Benjamin's reception of Freud]. Bonn: Bouvier Publ., 128 p.

Received 20.01.2020

Об авторе

Савина Мария Александровна
магистр культурологии

магистрант Института философии,
Свободный университет Берлина,
Германия, 14195, Берлин, ул. Кайзерсвертер, 16–18;

аспирант Института культурологии,
Берлинский университет им. Гумбольдта,
Германия, 10117, Берлин, Георгенштрассе, 47;

e-mail: maria.al.savina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3153-5927>

About the author

Mariya A. Savina
MA in Cultural Studies

MA Student of the Institute of Philosophy,
Free University of Berlin,
16–18, Kaiserswerther st., Berlin, 14195, Germany;

Ph.D. Student of the Department of Cultural History
and Theory,
Humboldt University of Berlin,
47, Georgenstraße, Berlin, 10117, Germany;

e-mail: maria.al.savina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3153-5927>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Савина М.А. История и время: проблема нового начала в философии В. Беньямина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 55–64. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-55-64

For citation:

Savina M.A. [History and time: the problem of the new beginning in Walter Benjamin's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 55–64 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-55-64

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА 70–80-х гг. XX СТОЛЕТИЯ

Политов Андрей Викторович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Целью работы является исследование сущности советского технологического хронотопа (объект исследования), возникшего в результате совокупности материальных и духовных достижений научно-технического и социально-политического развития советского общества 70–80-х гг. XX в. Методологической основой работы служит теория хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина (постулирующая онтологическую и функциональную взаимосвязанность времени и пространства), позволяющая раскрыть изучаемый объект в качестве структуры, формирующими элементами которой выступают два атрибута: пространственный (принадлежность к конкретному географическому материальному локусу и семантическому культурно-цивилизационному топосу) и временной (определенной продолжительности период объективного времени, включенный в семантическое целое взаимосвязанных культурно-исторических эпох). В исследовании выявляется сложная природа его предмета: фундаментальная сущность технологического хронотопа образована онтологической сущностью технологии, исторически сформировавшейся в результате эволюции европейского типа мышления (прежде всего в классической гносеологии Нового времени). Показано, что общая суть (до воплощения в советском времени) технологического хронотопа заключается в становлении его в процессе опредмечивания рационально-логического принципа, заложенного в основе временных актов когитации человеческого рассудка. Технологический хронотоп выступает в качестве овнешненной в топосе материальной предметной реальности временной логики внутренней хронологии человеческого мышления. В последующем ходе исследования раскрывается значение уникального, самобытного семантического содержания советского технологического хронотопа, окружающего его сущностное качество и формирующего узнаваемый культурно-исторический образ, фундированного противоречивой эволюцией советского социального строя, идеологическая составляющая которого прошла путь от восхваления ежедневного ударного труда во благо глобальной цели коммунистической экспансии до эпохи застоя, в которую отчужденность и обезличенность повседневного существования человека послужили одной из ключевых причин распада советского технологического хронотопа.

Ключевые слова: хронотоп, хронотопология, технологический хронотоп, социальный хронотоп, топос, хронос, пространство, время, материя, эйдос, бытие, существование, человек.

ON THE SOVIET TECHNOLOGICAL CHRONOTOPE OF THE 1970s–1980s

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University

The article studies the essence of the Soviet technological chronotope (the research object) resulted from a combination of material and semantic achievements of the scientific, technical and sociopolitical development of Soviet society in the 1970s–1980s. The methodological basis of the study is A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin's theory of chronotope, postulating the ontological and functional interconnectedness of time and space. This theory allows revealing a studied object as a structure with two attributes being its forming elements — spatial and temporal. The former depicts belonging to a specific geographical material locus and semantic cultural and civilizational space; the latter describes a certain length and the peri-

od of objective time included in the semantic wholeness of interconnected cultural and historical eras. The study reveals the complex nature of its subject, because the fundamental essence of the technological chronotope is formed by the ontological essence of technology. It historically developed as a result of evolution of the European type of thinking, primarily in the classical epistemology of the New Age. The study shows the general essence of the technological chronotope, i.e its formation in the process of objectification of the rational and logical principle that underlies temporary acts of the human mind. The technological chronotope acts as temporal logic of internal chronology of human thinking, this logic being embodied in the space of material objective reality. Further, the study reveals the significance of the unique and original semantic content of the Soviet technological chronotope, surrounding its essential quality and forming a recognizable cultural and historical image. This chronotope is funded by the contradictory evolution of the Soviet social system, whose ideological component significantly evolved. It transformed from demonstrative praising of daily striking labor for the benefit of the global goal of the communist expansion to the era of stagnation, when alienation and depersonalization of everyday being of man served as one of the key reasons for the collapse of the Soviet technological chronotope

Keywords: chronotope, chronotopology, technological chronotope, social chronotope, topos, chronos, space, time, matter, eidos, being, existence, human.

Введение. Хронотопология как интегральная функциональная, семантическая и категориальная структура сущего

Концепция хронотопа, выступающая теоретической и методологической основой предлагаемого исследования, была введена в научную традицию отечественными философами А.А. Ухтомским [Ухтомский А.А., 2002, с. 67–71] и М.М. Бахтиным [Бахтин М.М., 2012] в первой половине XX столетия; хронотопология (мы преимущественно будем использовать этот термин, поскольку он является наиболее емким и глубоким по философскому содержанию и смыслу среди производных от базового понятия хронотопа) представляет собой метафизическую, онтологическую, семантическую, процессуальную и функциональную взаимосвязанность пространственно-временной организации сущего. Последнее по способу своего существования есть временение — длящаяся, последовательно, поэтапно осуществляющаяся процессуальность (само время, или хронос), параллельно развертывающаяся, раскрывающаяся в качестве протяженности, вместилища, сорасположенности процессуальностей (путей временения), соорганизованности сущих, иначе говоря, структурирующаяся в качестве пространства (топоса). Время есть само сущее, его жизненный путь (хронотопологичность) имеет семантическую составляющую, выражающую смысловое единство сущего, экзистенциальную полноту или неполноту его бытия. Хронотопология, кроме собственно пространственно-временной диалекти-

ки, включает в себя фундаментальное диалектическое соотношение материи и эйдоса [Бахтин М.М., 2003], вне которого становление сущего не может осуществиться как таковое. Хронотопология есть и структура и способ существования сущего и общности сущего.

Советская цивилизация (рассматриваемая в настоящем исследовании преимущественно с точки зрения технологической сферы) есть исторически сложившаяся, прошедшая определенный путь эволюционного развития общность, имеющая социальный, культурный, идеологический, технологический, цивилизационный характер. Как общность советская цивилизация характеризуется собственной хронотопологией, пространственно-временной структурой существования и функционирования. Хронологическая ось, время советской цивилизации есть собственно способ и процесс ее существования и эволюции, топологической структурой которой выступают как материальный локус определенной территории, в пределах которого проходило временение общности, так и семантический топос советской культуры, сформированный в ходе ее процессуальности, функционирования. Интегральным обобщением временного процесса существования и развития советского общества (социального хронотопа), проходившего в определенных исторических и территориальных границах, оформившегося в автономное семантическое пространство советской культуры, советской цивилизации в целом, будет выступать хронотопология данной общности, советский хронотоп.

Нас интересует технологический уровень советской хронотопологии только определенного периода советского времени (70–80-е гг. XX в.); этот технологический уровень можно обозначить в качестве самостоятельной хронотопологической целокупности — технологического хронотопа, — входящей в область понятия советского хронотопа в целом, существовавшей и функционировавшей в связи с общей интегральной структурой советской хронотопологии в качестве подчиненного ей элемента (уровня). Таким же образом в любой хронотопологии можно выделить составляющий ее структурный элемент, например временной период, уровень организации и т.п., который может быть рассмотрен в качестве относительно самостоятельной хронотопологической общности, существующей и функционирующей в связи с особенностями, присущими хронотопологическим общностям более высокого порядка (в случае настоящего исследования советский хронотоп и технологический хронотоп (в целом, вне конкретно-исторической определенности) будут общностями более высокого порядка, нежели советский технологический хронотоп); хронотопология выступает полииерархичной моделью бытия, полииерархичностью сущего. Материальной и семантической топологией советского технологического хронотопа выступает континуум произведенных отечественной индустрией технических средств, технологий и совокупность достижений духовной культуры в данной области, хронологической координатой выступает собственно период ее существования, включенность данной эпохи в исторический процесс.

Технологический хронотоп как опредмеченная хронотопологическая структура человеческого сознания.

Рассмотрим общую сущность технологической хронотопологии вне ее конкретно-исторического воплощения в советском времени. Основанием, порождающей и формообразующей причиной технологического хронотопа как континуума существования, функционирования и семантики технологий является процесс опредмечивания человеческой хронотопологии, а именно хронологии сознания, рациональной структуры мышления, функционирующих в качестве временноющегося эйдетического процесса,

чистой временной логики (логоса) актов когитации [Железняк В.Н., 2015]. Технологическая хронотопология в ее исторической эволюции в европейской цивилизации формировалась в условиях ориентации на рационально осмысленное бытие, что особенно выразилось в эпоху Нового времени, в XVII столетии [Асмус В.Ф., 1956]. Рационально понятое бытие, ставшее идеалом и каноном новоевропейской культуры, не является по своей сущности родственным значению категории бытия у досократиков, которое понималось в качестве глубинного первосущего основания [Досократики, 1999, с. 400], но выступает в качестве опредмеченной в ареале вещи протяженной сферы чистой идеальности — вещи мыслящей, источника *lumen naturale* (естественного света) [Декарт Р., 1989, с. 27; 1994, с. 16–28], воспринимавшегося новоевропейской наукой как средство рационализации и просветления окружающего мира. Осуществление, воплощение в наличной реальности окружающего мироздания (хронотопа вещи протяженной) чистого эйдетического временения актов рассудка, человеческой рациональной логики есть порождающий, формирующий технологический хронотоп принцип. Можно сказать, что технологическая хронотопология — это хронотопология сознания с его чистой эйдетической временностью (и формируемой в ее процессуальности внутренней топологией (пространством) рассудка), но вынесенная за пределы человеческой хронотопологии, субъективная хронотопология, объективированная, овеществленная в хронотопологии объективной, хронотопе окружающей человека реальности.

Какова участь сформированного в процессе эволюции европейского общества технологического хронотопа? Как полагал в середине XX в. М. Хайдеггер, технический постав делает скрытое в природе налично явленным: техническое устройство выступает средством раскрытия и поставления на службу человека скрытых в мироздании потенциалов [Хайдеггер М., 1993, с. 221–238], но в эпоху торжества и господства выразившейся и ставшей глобально-масштабной техногенной культуры, особенно проявившей себя в конце XX столетия и продолжающей существовать до сих пор, человеческое существование редуцируется к модусу бытия-посредству. Человек, находящийся в со-бытии с

современным технологическим хронотопом, обречен быть по-средственным носителем социальных техно-логических функций, поскольку таков способ бытия сотворенной им же самим технологической рациональности. Вынесенная вне человеческой хронотопологии эйдетическая логика, воплощенная в континууме техно-логики, претерпела негативно-диалектическую метаморфозу, став нечеловеческой, античеловеческой логикой. В технократической культуре XX в. нематериальная временная структура мышления растворила себя в хроносе материальной предметности: технологический хронотоп начала XXI столетия служит явленной и объективированной рациональностью, выступающей в качестве охватывающей человеческую цивилизацию конструктивно-рациональной алгоритмической процессуальности, порождающего техно-логического принципа временения, который замещает эйдетическое начало в человеке [Железняк В.Н., 2007]. В исторических перипетиях европейской цивилизации человеческая рассудочная логика, реализованная в материально-предметном техническом устройстве, претерпела отчуждение от своего создателя и стала против него, диалектически принимая его в качестве иного, внешнего и чуждого себе объекта, подлежащего поглощению, а в случае сопротивления (и в целом в последующем) — искоренению. В ходе существования новоевропейской общности (с XVI–XVII столетий) органическое живое начало человеческой духовной сферы постепенно и неуклонно заменялось механистическим; органицистская по своей сути ноосфера замещается и вытесняется механицистской техносферой, уничтожающей одновременно и природную основу функционирования ноосферы — биосферу [Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д., 2017].

Негативно-диалектическое опредмечивание эйдетической рассудочной хронотопологии в советском технологическом хронотопе

В свете сказанного выше наличное материальное воплощение (выражающееся в совокупности отраслей отечественной промышленности и произведенных ею технических средств и технологий) советского технологического хронотопа 70–80-х гг. XX столетия (выступающего преемником хронотопа индустриальной культуры 30–50-х гг.) служит результатом процесса

опредмечивания временной рациональной логики сознания (вне пределов данного труда лежит исследование конкретно-исторических особенностей сознания советского человека, советской когнитивной хронотопологии, мы лишь затрагиваем этот аспект с точки зрения объективной детерминации социальным хронотопом хронотопа сознания и обратной связи, присутствующей в этом взаимодействии). Обозначенный процесс объективации, овнешнения формальной логики рассудка проходил в конкретных исторических, социальных и политических условиях, которые не могли не оказать воздействия на опредмечивающий процесс. Иначе говоря, трансцензус когнитивной хронотопологии в хронотопологию технологическую отягощался, усложнялся, деформировался функционирующим одновременно с ним процессом сложного, противоречивого развития советской социальной и культурной хронотопологии. Советский технологический хронотоп есть не нечто существовавшее само по себе, в безвоздушном пространстве, не имевшее никаких влияний со стороны, а, наоборот, то, что являлось структурой, подчиненной формированию и функционированию хронотопологии более высокого порядка — советского социального хронотопа, хронотопа советской культуры. Мы, таким образом, имеем дело с картиной усложненной, многофакторной мультипоточковой процессуальности, в которой опредмечивание являлось только одним из направлений, имевшим со-подчиненный характер и деформировавшемся вследствие процессов общностей большего масштаба. И социальная и культурная хронотопологии вносили существенные коррективы в процесс опредмечивания человеческой рассудочной хронотопологии в технологическом хронотопе, и поправки эти носили в том числе и деформирующий характер, что приводило к негативно-диалектическим, парадоксально-диалектическим явлениям в процессах опредмечивания, оказывающих, в свою очередь, соответствующее формообразующее действие на технологический хронотоп. Кроме того, необходимо отметить наличие существенных обратных связей в указанных процессах между разного рода хронотопологиями, что приводило к их взаимной интерференции, обоюдоострому деформированию, где пострадавшая сторона отвечала встречным негативно-диалектическим

воздействием. Мы имеем в виду прежде всего метаморфозу, произошедшую с советским героическим производственным пафосом, которая заключалась в переходе от восхваления ударного труда во благо коммунистического светлого будущего и пришедшего к застою и разложению как социальной так и технологической структур советской хронотопии.

Итак, в советское время опредмечивание рассудочной хроно-логии в континуум технологий проходило в топосе более развернутых структур, в социальном хронотопе, где в бытовых и экономических тяготах наличного бытия человек в значительной мере существовал как эксплуатируемое техническое устройство: «Не легкой была в те годы жизнь. <...> В аппаратуре еще плохо разбирались, многое не получалось. <...> Когда началась война, я только шесть классов закончила <...>. Папу у нас сразу забрали на фронт, а я пошла работать в колхоз. <...> Надо было платить сельский налог. <...> А не заплатишь — посадят» [Объединяя мир людей, 1998, с. 158]. Человеческая личность с ее внутренней эйдетической хронотопологией трансформировалась в придаток к машине: «В течение нескольких лет выдающийся шахтер <...> Изотов <...> выполнял нормы на четыреста-пятьсот процентов, а в иные периоды даже на две тысячи процентов! <...> Стаханов выдвинул предложение: забойщик должен работать с молотком всю смену <...>. Удар отбойного молотка Стаханова стал как бы сигналом ко всеобщему наступлению за высокую, наивысшую производительность труда» [Петров Н.И., 1985, с. 26–27]. Приоритет человеческой жизни в советском обществе 30–50-х гг. XX в. был в значительной мере девальвирован верой в безошибочность технического устройства, выступающего в качестве универсального мерила и идеала развития. В условиях советского технологического хронотопа рабочий выступал как средство достижения поставленной советской социальной системой и подчиненной ей идеологией глобальной цели — экспансии, распространяющейся на всю планету: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства, вторая — создала социалистическую систему, третья — навсегда покончит с империализмом» [Радзинский Э.Р., 1998, с. 604]. Процесс опредмечивания, многократно деформированный вслед-

ствие внешних факторов и отягощенный ими, не смог привести к тому результату, который изначально предполагался рационалистической парадигмой европейского социального хронотопа — облагораживанию и рационализации окружающего пространства, а привел к углублению противоречий и деформации советской социальной и культурной, цивилизационной хронотопологии и затем — к их разрушению.

К концу 60-х – началу 70-х гг. ввиду диалектической логики, согласно которой последующая стадия процесса отрицает предыдущую, парадигма героического рабочего подвига (в духе «большого скачка») постепенно замещается обратным движением — идеалом размеренного высокопроизводительного труда. Технологический хронотоп 70-х гг. вовлекается в процесс нарастающего последовательного всеобщего разложения советского социального хронотопа во время эпохи застоя, характеризующейся постепенной нивелировкой и упразднением в повседневности победно-героического пафоса сталинской идеологии, стирающей в обыденности духовной стагнации брежневского периода: «В то же время в <...> организации труда имеются существенные недостатки. В ряде отраслей создание бригад носит формальный, кампанейский характер, нередко предпочтение отдается количественной стороне дела в ущерб качественной. <...> Медленно перестраиваются структура, формы и методы работы партийных, профсоюзных комсомольских организаций <...>. Не везде обеспечивается единство идеологической, организаторской и хозяйственной деятельности. <...> Нет ничего опаснее формализма в создании бригад» [Петров Н.И., 1985, с. 65]. Застойная система брежневского периода уже не ставила задачу всемирного завоевания; советская номенклатура, видевшая прелести западной жизни, стремилась к упрочению и сохранению собственных власти, доходов, безопасности. Коммунистическая пропаганда эпохи застоя сопровождала реляции об успехах социалистического строительства декларациями о заботе в отношении быта и семейной жизни человека труда, тем самым, на наш взгляд, умаляя вещно-предметную прогрессистскую рациональность технологического хронотопа: «Условием обеспечения непрерывного роста благосостояния является повышение эффективности общественно-

го производства. <...> Неуклонный рост материального благосостояния советских людей, улучшение жилищных условий, рост объема и качества услуг населению, расширение ассортимента и повышение качества товаров <...>, улучшение питания и медицинского обслуживания — таковы основные пути повышения уровня жизни» [Васильева Э.К., 1985, с. 46].

В обыденном существовании подавляющее большинство рабочих коротало досуг в силу собственного разумения, фактически демонстрируя негативно-диалектическое, отрицательное отношение к технологической хронологии, к уже не служащему в качестве идеала и критерия жизненного развития миру овеществленной технической рациональности. Этот мир воспринимался теперь в качестве «замыленного» и примелькавшегося отчужденного топоса: «Закончив работу, бригада слесарей-ремонтников цеха № 4 с шутками и прибаутками, дружно и шумно помывшись, вволю наговорившись в своей сауне, в приподнятом настроении по причине предстоящих выходных, гурьбой повалила через проходную завода. <...> Договорились, кто пойдет за бутылкой, кто с 5-литровой фляжкой за пивом, <...> у кого из жен на этот раз раздобыть маломальскую закуску. Пятница, да еще и отработанная, да после парной, да с дружками — святое дело посидеть за столиком с пивком <...>, болтая о том, о сем, а в сущности, ни о чем» [Капитанша..., 1994, с. 73]. Отчужденный, лишенный высокой социально-нравственной цели и смысла труд и, следовательно, жизненное время советских рабочих 70–80-х гг. в конечном счете привели к социальной, нравственной, духовной и экологической катастрофе, свершившейся на просторах СССР к последнему десятилетию XX в.: «Вот я отработал на заводе почти 30 лет <...>, все вроде бы хорошие дела делали. Планы выполняли, завод рос, строился поселок, подрастали дети, а вот точит червячок душу от того, что <...> испохабили, отравили, осквернили природу-мать так, что и глазу не за что зацепиться, разве что за пожелтевшие от заводских газовок высохшие сосны» [Капитанша..., 1994, с. 26].

Особое место в хронотопе советской культуры брежневского времени занимал жанр так называемого производственного романа, повествующего о быте и жизни рабочих [напр.:

Амлинский В.И., 1982; Куваев О.М., 1975; Макаров А.С., 1985; Титов В.А., 1984; Тублин В.С., 1984]. Проследим отражение отечественного технологического хронотопа 70-х и первой половины 80-х гг. в литературно-художественном хронотопе произведений той поры на примере творчества отечественного писателя А.А. Проханова. С самого начала повествования любой из его ранних книг читатель погружается в бушующий ритм индустрии, грохочущую пульсирующую среду производственной площадки, выступающей в качестве топоса становления и торжества советской технократической культуры: «Огненный грохот работающих на пределе турбин. Росчерк сигнальных огней. Мелькание порта, ангаров» [Проханов А.А., 1983, с. 3]. Автор с первых строк бросает читателя в локус (который по существу является развернутым художественно-семантическим топосом действия), где описывается мир-хронотоп индустрии: «Сибирь. Минус сорок. Котлы ревут и грохочут. Форсунки выхлестывают струи огня. Манометры дрожат от давления, вот-вот брызнут стеклами. Кочегары в мазуте и саже заглядывают в глазки: блеск зубов, потные лбы, рыжие отсветы. Дым из трубы лохматый и черный, с багровым подбрюшьем. <...> Дрожание фундамента. Клекот и хлюп кипятка. Пузыри огня. Кочегары гладят железную кожу котлов. Чешут горячую шерсть. Котлы плят красные бычьи глазища, дергают гривы, хвосты» [Проханов А.А., 1984, с. 79]. Для А.А. Проханова технологический хронотоп выступает в качестве не индустриальной пустоши, а метафизического, интегрального выражения советской хронологии в целом: «Только с неба [комбинат. — А.П.] и увидишь, а внизу — кромсанье и месиво. <...> Сгорание дней. <...> Но когда-нибудь, <...> после всех потерь и кромешности, наконец взлететь к небесам и в утреннем солнце среди всех лесов и озер, откованное из лучей и конструкций, стальное и ясное, обращенное к небу, увидеть свое лицо — построенный комбинат... Вот где закон <...> переселения душ. Чудо о комбинате <...>. Вот они, силы, бьющие в нас из настоящего и будущего! Речь идет о создании глобальной индустрии, в которой России <...> отводится ведущая роль. Запад не в силах создать подобные гиганты промышлен-

ности. <...> В этом <...> миссия и сила России» [Проханов А.А., 1984, с. 84].

Технологический хронотоп в этих произведениях позднесостойной эпохи предстает как живой одушевленный организм; отсюда стремление писателя выразить техническую культуру как не чуждую человеческой хронотопологии, которая словно отражается и возвышается в технической рациональности, выступающей прямым продолжением ее творца — человека: «Я распят на кресте самолета. Моя стеклянная, голубая башка принимает в глазницы отсветы лунных туч, чуть видные проблески звезд. Брюхо мне лижут ледяные, высокие ветры, омывают бесшумные волны электрических и магнитных полей. Алюминиевые голые плечи в татуировке заклепок, с черной надписью — СССР. <...> Мое сердце, печень и легкие из легированных, чистейших сталей, пульсируют, бьются и дышат. Мой мозг в частотах и кодах вырабатывает отрезок полета. Мой торс, мои ласты и киль скользят по куполу неба» [Проханов А.А., 1983, с. 7]; «Город был похож на руки, напряженно хватавшие небо» [Проханов А.А., 1987, с. 222]. Писатель антропоморфизирует опредмеченную технологическую рациональность, как бы сглаживая, нейтрализуя ее вышеописанную деформацию и стремится сопереживать ее судьбе как человеческой, сокращая разрыв между человеческой и технической хронотопологичностью: «...Чувствовал трагическую смерть машины. И свое с ней тайное тождество. Общее с ней совершенство, точность и мощь конструкции. И крохотную боль проводка, готового сгореть, оборваться. <...> Смотрел восхищенно <...>, понимая, любя непомерную конструкцию станции. <...> Вот он, наш храм-то!.. Вот она, наша душа... И наше единство. <...> Вся судьба, всех нас... Всем нам памятник рукотворный!» [Проханов А.А., 1977, с. 9, 192]. Можно отметить, что жанр производственного романа 70-х и начала 80-х гг., особенно развитый в ныне не востребовавшем и забытом «производственном цикле» А.А. Проханова, находясь в русле обозначенной официальной идеологией декларации постепенного повышения уровня жизни и производительности труда, мирного сосуществования советской страны с внешним окружением, не носил характер сталинской агрессивной милитаризированной пропаганды, а скорее был выдержан в духе лакирования и ретуширования

действительности с целью показать заложенное в технологическом хронотопе новаторство, потенциал, возможность прогресса цивилизации, неотчужденность техники от человека. Однако в реальности к середине 80-х гг. советский технологический хронотоп представлял собой вырождающееся явление. Попытка воскресить эту отживавшую свой век систему с помощью запала перестроечного оптимизма была изначально обречена на провал, поскольку у горбачевской идеологии не существовало достаточного идейного основания, в ее арсенале были только лозунги и декларации, доставшиеся ей от предыдущих эпох.

Чернобыльская катастрофа 1986 г. явилась событием, окончательно подорвавшим временную и сильно расшатавшим пространственную координату советского технологического хронотопа, общность которого начинает неудержимо распадаться. Во многих явлениях повседневного существования и в функционировании технологической сферы последнего пятилетия советской цивилизации обнаруживается глубокая социальная патология, обусловившая негативные процессы всеобщего распада, образ которого был явлен произошедшей технологической катастрофой. Причина разрушающих социальный и технологический хронотоп процессов крылась, по нашему мнению, в самой структуре изначально противоречиво сложившейся советской цивилизации: «Есть человек, которого суть — губитель! <...> Нас разорил губитель. Большой, малый, средний. <...> Нас всех посетила страшная беда отчуждения. Все отнято. Станок не мой. Завод не мой. Город не мой. Власть не моя. Все чужое. <...> Все без души. <...> Чернобыль наплодил не только мутантов, но и пораженцев — социальные уроды Чернобыля! <...> Не одна, а множество давних и недавних болезней, загнанных внутрь неверным лечением, перешедших одна в другую. <...> Мы уже не имеем <...> волевого управленца, <...> а <...> сочетание растленного коллектива и сдавшегося, идущего на поводу руководства. <...> Обленившееся, апатичное, не желающее действовать общество и беспомощное, не занимающееся управлением страны руководство» [Проханов А.А., 1990, с. 206–207, 237, 247, 251, 253]. Чернобыль выявил противоречия эволюции советского технологического хронотопа, стремившегося в своем идеологическом выражении, в своем семантическом

топосе в будущее время, но искалечившего и уничтожившего окружающие его хронос и топос настоящего: «Столько потерь, столько потерь! <...> Все пожгли, порушили <...>. Зачем?.. Иконы порубили, спалили, колокола — в переплав, колокольни взорвали, кирпич — на коровники. А в храмах — картошка, похабщина на стенах. Зачем?.. Две заповедные рощи! <...> Все срубили на доски, на гробы, на блиндажи, на лагерные зоны, на опилки. <...> Всех перебили, распугали, все гнездовья, все заводы, все луга заливные! Ушла жизнь из лесов, ушла из воды! Больно!.. <...> Столько убито, когда собирали колхозы. <...> Столько спилось... Столько сошло с ума... Столько отравилось, повесилось... разбилось на тракторах, на машинах <...>. Столько снесено деревень... Столько разбито семей... <...> Сколько утрат!» [Проханов А.А., 1990, с. 202–204].

Заключение

Таким образом, философский концепт рациональности, обоснованный эпохой Нового времени, лежит в основе феномена научно-технического прогресса европейской цивилизации. Техно-логия есть воплощенная рациональность чистого мышления, объективированная в предметно-конкретном сущем временная логика человеческого рассудка. Процесс опредмечивания порождает технологический хронотоп — континуум объективированной в материальной предметности хронотопологии человеческого сознания, в своем обобщенном выражении синтезирующий автономный ареал технологической культуры, генезис которой в истории XX в. в советской цивилизации совпадает и совмещается со становлением советской идеологии и культуры.

Советский технологический хронотоп, ведущий свой отчет с начала процесса индустриализации в 20–30-х гг., достигает высшего развития в 50–60-х гг. В это время технологический хронотоп как самостоятельная бытийная техносферическая область, идеологически возвышающаяся над советской цивилизацией и выступающая ее своего рода наиболее прогрессивным (за счет опредмеченной в технологиях рациональности чистой эйдетической логики) слоем, получает наивысшее выражение в космической индустрии, АЭС, в развитии ВПК, отражаясь в литературно-художественном хро-

нотопе производственного романа. Однако в повседневном своем бытии советская технологическая система 70–80-х гг. постепенно деградировала вплоть до социально-экономической стагнации позднего застоя и чернойбыльской катастрофы, ознаменовавшей собой начало распада хронотопа советской техногенной цивилизации.

Онтологическая и метафизическая сущность советского технологического хронотопа с присутствием ему поэтическим и метафорическим пониманием прогресса и инженерии может быть сформулирована следующим образом: если природа выступает в качестве пространства — хранилища бытия, локуса, в котором происходит успокоение, сохранение мятущейся человеческой души и ее надежд, то технологический хронотоп — в качестве топоса, в котором осуществляется особого рода раскрытие бытия — явление будущего, реализация возможностей земной цивилизации. Онтологическое же противоречие советского технологического хронотопа состояло в том, что поэтически-метафизический пафос его идеологически заряженной семантики сопровождался отчуждением и неподлинностью повседневного существования его творца, загнанного внутрь по-средственного бытия индустриализированного, отчужденного социального хронотопа. Закономерным итогом данного негативно-диалектического процесса явилась наступившая культуру и страну цивилизационная катастрофа, последствия которой сказываются на дне сегодняшнем; автор убежден, что путь восстановления российского общества может быть обозначен духовно-нравственным возрождением, одними из ключевых элементов которого должны выступить забота о природе, столь пострадавшей в XX в., и строго регламентированное, жестко ограниченное социально-этической гуманитарной экспертизой научно-техническое развитие [Колин К.К., 2008; Оконская Н.К., 2017; Хафизова Н.А., 2017].

Список литературы

- Амлинский В.И.* Московские страницы. М.: Моск. рабочий, 1982. 400 с.
- Асмус В.Ф.* Декарт. М.: Политиздат, 1956. 372 с.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.

Васильева Э.К. Семья в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 156 с.

Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 656 с.

Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 635 с.

Досократики / пер. А. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. 784 с.

Железняк В.Н. Логос и технологии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 21–28.

Железняк В.Н. Цифровая эпистема // Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: матер. постоянно действующего теоретич. междисциплинар. семинара. Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2007. С. 14–32.

Капитаншиа: Рассказы, очерки, стихи. Творчество работников АО «Галоген» / под ред. В.А. Зингарова. Пермь: АО «Галоген», 1994. 176 с.

Коллин К.К. Россия и мир на пути к информационному обществу: философские, гуманитарные и технологические аспекты проблемы // Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: матер. Всерос. междисциплинар. семинара (г. Пермь, 1–2 ноября 2007 г.). Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2008. С. 159–172.

Куваев О.М. Территория. М.: Современник, 1975. 256 с.

Макаров А.С. Последний день лета. М.: Мол. гвардия, 1985. 384 с.

Объединяя мир людей: Исторические очерки о развитии связи в Прикамье / под ред. В.П. Кадочникова. Пермь: ЗАО «ИГ “Энтер-профи”», 1998. 432 с.

Оконская Н.К. Этические аспекты современной деятельности инженера в русле проблемы устойчивого развития человечества // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие: сб. науч. статей. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. ун-та, 2017. С. 112–122.

Петров Н.И. Один за всех — все за одного: коллективизм как черта социалистического образа жизни. М.: Мысль, 1985. 159 с.

Проханов А.А. Вечный город. М.: Сов. писатель, 1987. 592 с.

Проханов А.А. Время полдень. М.: Профиздат, 1977. 288 с.

Проханов А.А. Кочующая роза. М.: Современник, 1983. 288 с.

Проханов А.А. Место действия. М.: Моск. рабочий, 1984. 352 с.

Проханов А.А. Шестьсот лет после битвы. М.: Сов. писатель, 1990. 432 с.

Радзинский Э.С. Соч.: в 7 т. Т. 2: Сталин. М.: Вагриус, 1998. 640 с.

Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Искусственный интеллект в аспекте ноосферы: почти фантастика? // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2017.2.08>

Титов В.А. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. 528 с.

Тублин В.С. Доказательства. Л.: Сов. писатель, 1984. 607 с.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хафизова Н.А. Экоэтические аспекты социальной ответственности бизнеса: история одного конфликта (деревня Павлово против ООО «Лукойл-Пермь») // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие: сб. науч. статей. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. ун-та, 2017. С. 131–147.

Получено 14.12.2019

References

Amlinskiy, V.I. (1982). *Moskovskie stranitsy* [The Moscow pages]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., 400 p.

Asmus, V.F. (1956). *Dekart* [Descartes]. Moscow: Politizdat Publ., 372 p.

Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [To the philosophy of the act]. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works: in 7 vols. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie Slovarei Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., pp. 7–68.

Bakhtin, M.M. (2012). *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in a novel]. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collected works: in 7 vols. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., pp. 340–503.

Descartes, R. (1989). *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 656 p.

- Descartes, R. (1994). *Sochineniya: v 2 t. T 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 635 p.
- Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.
- Kadochnikov, V.P. (ed.) (1998). *Ob'edinyaya mir lyudey. Istoricheskie ocherki o razvitiy svyazi v Pri-kam'e* [Uniting the world of people. Historical essays on the development of communications in the Kama region]. Perm: ZAO «IG "Enter-Profi"» Publ., 432 p.
- Kolin, K.K. (2008). *Rossiya i mir na puti k informatsionnomu obschestvu: filosofskie, gumanitarnye i tekhnologicheskie aspekty problemy* [Russia and the world on the way to the information society: philosophical, humanitarian and technological aspects of the problem]. *Filosofsko-metodologicheskie problemy iskusstvennogo intellekta. Materialy vse-rossiyskogo mezhdistsiplinarnogo seminara (1–2 noyabrya 2007 g.)* [Philosophical and Methodological Problems of Artificial Intelligence: proceedings of the all-Russian interdisciplinary seminar (November 1–2, 2007)]. Perm: PSTU Publ., pp. 159–172.
- Khafizova, N.A. (2017). *Ekoeticheskie aspekty sotsial'noy otvetstvennosti biznesa: istoriya odnogo konflikta (derevnaya Pavlovo protiv OOO «Lukoil-Perm»)* [Ecoethical aspects of business social responsibility: the history of a conflict (Pavlovo village versus Lukoil-Perm LLC)]. *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie* [21st century engineer image: social assessment of technology and sustainable development]. Perm: PSTU Publ., pp. 131–147.
- Kuvaev, O.M. (1975). *Territoriya* [The territory]. Moscow: Sovremennik Publ., 256 p.
- Makarov, A.S. (1985). *Posledniy den' leta* [The last day of summer]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 384 p.
- Makovel'skiy, A.O. (tr.) (1999). *Dosokratiki* [Pre-Socratics]. Minsk: Kharvest Publ., 784 p.
- Okonskaya, N.K. (2017). *Eticheskie aspekty sovremennoy deyatel'nosti inzhenera v rusle problemy ustoychivogo razvitiya chelovechestva* [Ethical aspects of modern engineering activities in line with the problem of sustainable human development]. *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie* [21st century engineer image: social assessment of technology and sustainable development]. Perm: PSTU Publ., pp. 112–122.
- Petrov, N.I. (1985). *Odin za vsekh — vse za odnogo: kollektivizm kak cherta sotsialisticheskogo obraza zhizni* [One for all — all for one: collectivism as a feature of the socialist way of life]. Moscow: Mysl' Publ., 159 p.
- Prokhanov, A.A. (1983). *Kochuyuschaya roza* [The roaming rose]. Moscow: Sovremennik Publ., 288 p.
- Prokhanov, A.A. (1984). *Mesto deystviya* [The place of action]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., 352 p.
- Prokhanov, A.A. (1990). *Shest'sot let posle bitvy* [Six hundred years after the battle]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 432 p.
- Prokhanov, A.A. (1987). *Vechnyy gorod* [The eternal city]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 592 p.
- Prokhanov, A.A. (1977). *Vremya polden'* [The time is noon]. Moscow: Profizdat Publ., 288 p.
- Radzinskiy, E.S. (1998). *Sochineniya: v 7 t. T. 2: Stalin* [Works: in 7 vols. Vol. 2: Stalin]. Moscow: Vagrius Publ., 640 p.
- Sterledev, R.K. and Sterledeva, T.D. (2017). *Iskusstvennyy intellekt v aspekte noosfery: pochti fantastika?* [Artificial intelligence in the aspect of noosphere: almost science fiction?]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2, pp. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2017.2.08>
- Titov, V.A. (1984). *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 528 p.
- Tublin, V.S. (1984). *Dokazatel'stva* [The evidence]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 607 p.
- Ukhtomskiy, A.A. (2002). *Dominanta* [Dominant]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 448 p.
- Vasil'eva, E.K. (1985). *Sem'ya v sotsialisticheskoy obschestve* [Family in a socialist society]. Moscow: Mysl' Publ., 156 p.
- Zingarov, V.A. (ed.) (1994). *Kapitansha. Ras-skazy, ocherki, stikhi. Tvorchestvo rabotnikov AO «Galogen»* [Captain's wife. Stories, essays, poems. Creativity of employees of Halogen JSC]. Perm: AO «Galogen» Publ., 176 p.
- Zheleznyak, V.N. (2007). *Tsifrovaya epistema* [Digital episteme]. *Filosofsko-metodologicheskie problemy iskusstvennogo intellekta* [Philosophical and methodological problems of artificial intelligence]. Perm: PSTU Publ., pp. 14–32.
- Zheleznyak, V.N. (2015). *Logos i tekhnologii* [Logos and technologies]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2, pp. 21–28.

Received 14.12.2019

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

About the author

Andrey V. Politov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. К характеристике отечественного технологического хронотопа 70–80-х гг. XX столетия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 65–75.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75

For citation:

Politov A.V. [On the Soviet technological chronotope of the 1970s–1980s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 65–75 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-76-91

**ФОРМАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ****Калугин Алексей Юрьевич, Вихман Александр Александрович**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Рассматривается взаимосвязь между формально-динамическими свойствами индивидуальности и свойствами ценностно-смысловой сферы личности. Высказывается предположение о том, что если такая взаимосвязь будет обнаружена, то это может быть доказательством стремления субъекта к гармонизации собственной индивидуальности, к непротиворечивости взаимодействия ее разноразличных свойств. Выборку исследования составили 463 чел., из них 219 девушек, 244 юношей в возрасте от 15 до 24 лет ($M = 18.9$, $SD = 2.0$). На основе широкого спектра методик, направленных на изучение свойств темперамента, ценностей и смыслов, были обнаружены обобщенные формально-динамические свойства индивидуальности (эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность, экстраверсия – интроверсия, психотизм – сила суперэго, формально-динамические особенности интеллекта, психомоторная выносливость) и обобщенные показатели ценностно-смысловой сферы личности (ценностные ориентации и смысложизненные ориентации). Для этого использовались следующие методы статистики: эксплораторный и конфирматорный факторные анализы, а также эксплораторное моделирование структурными уравнениями (ESEM). Была обнаружена тесная взаимосвязь между показателями темперамента и ценностно-смысловой сферой личности. Для изучения степени устойчивости обнаруженной структуры была проведена проверка на инвариантность по полу, которая показала высокую согласованность структуры в мужской и женской выборках. Основная гипотеза исследования подтвердилась.

Ключевые слова: индивидуальность, темперамент, свойства темперамента, личность, ценностно-смысловая сфера личности.

**FORMAL-DYNAMIC CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALITY
IN RELATION TO THE MANIFESTATIONS
OF THE VALUE-SEMANTIC SPHERE OF PERSONALITY***Alexey Yu. Kalugin, Aleksandr A. Vikhman**Perm State Humanitarian Pedagogical University*

The article discusses the relationship between the formal-dynamic characteristics of individuality and the properties of the value-semantic sphere of personality. It is suggested that in case of detecting such an interrelationship, it may be the evidence in favor of the subject's desire to harmonize their own individuality and to make the interaction of its multilevel characteristics consistent. A research sample consisted of 463 people, including 219 girls and 244 young men aged 15 to 24 ($M = 18.9$; $SD = 2.0$). Based on a wide range of methods aimed at studying temperament traits, values and meanings, the authors identified gen-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-413-590007.

eralized formal-dynamic characteristics of individuality. They are emotional stability – emotional instability, extraversion – introversion, psychoticism – superego strength, formal-dynamic features of intelligence, psychomotor endurance. Likewise, generalized indicators of the value-semantic sphere of personality, i.e. value-based orientations and life-purpose orientations, were detected. For this purpose, the following statistical methods were used: exploratory and confirmatory factor analysis, exploratory structural equation modeling (ESEM). A close interdependence between the indicators of temperament and the value-semantic sphere of personality was found. To study the level of stability of the detected structure, a gender invariance test was carried out, which showed high consistency of the structure in male and female samples. The main hypothesis of the study was confirmed.

Keywords: individuality, temperament, temperament traits, personality, value-semantic sphere of personality.

Отношения между темпераментом и личностью — известная проблема в психологии. Ученые подходят к ее разрешению с разных позиций: одни разделяют темперамент и личность, понимая личность как «совокупность социальных качеств человека», а темперамент как врожденные формально-динамические особенности организма, другие считают, что нет четкой границы между темпераментом и личностью, сама личность имеет сильную наследственную обусловленность, в частности, черты известной модели личности «Большая пятерка» признаются наследственно обусловленными [Horsburgh V.A. et al., 2009; McCrae R.R., Costa P.T.Jr., 2008; Vernon P.A. et al., 2008], третьи считают, что темперамент является самостоятельной частью личности [Платонов К.К., 1986; Русалов В.М., 2012]. И темперамент и личность являются составляющими индивидуальности человека, а раз это более общее понятие, включающее обе рассматриваемые структуры. Возможно, граница между ними не так уж важна? На наш взгляд, методологический вопрос о месте темперамента в индивидуальности очень важен, т.к. он задает ориентиры для эмпирического изучения целостной индивидуальности.

Абсолютное большинство как отечественных, так и зарубежных ученых, изучающих темперамент, придерживается мысли, что темперамент генетически детерминирован. Однако в индивидуальности генетическую обусловленность имеет не только темперамент, но и нервная система, общая конституция организма человека, частично интеллект. Что отличает его от других врожденных свойств? В.С. Мерлин указывал на необходимость различать уровни индивидуальности, т.к. «недифференцированный подход в исследовании индивидуальных особенностей — один из источников феноменалистических, механистических и идеалистических

концепций» [Мерлин В.С., 2018, с. 278]. Он же отмечал некоторые специфические характеристики темперамента: темперамент характеризует динамику психической деятельности, не зависит от содержания и ситуации деятельности (т.е. имеет формальный характер), сохраняется на протяжении длительного отрезка жизни и изменяется медленно и постепенно, находится в строго закономерном соотношении, характеризующем тип темперамента, однозначно обусловлен общим типом нервной системы [Мерлин В.С., 2018].

Меньшую изменчивость темперамента по сравнению с личностными свойствами и большую изменчивость темперамента по сравнению с физиологическими свойствами организма В.С. Мерлин объяснял с позиций системного подхода: «...сложная самоорганизующаяся система должна состоять из иерархии взаимно связанных подсистем с различной степенью “открытости”. Подсистемы, непосредственно соприкасающиеся со средой, должны быть максимально открытыми... Наиболее центрально расположенные подсистемы максимально замкнуты и минимально открыты» [Мерлин В.С., 2018, с. 285]. Взаимодействие периферийной системы со средой происходит на постоянной основе, среда меняет систему, а система, в свою очередь, среду. Так как центральные системы напрямую со средой не связаны, то они взаимодействуют с ней опосредованно, через периферийные системы. Такая организация систем позволяет, с одной стороны, поддерживать устойчивость организма, а с другой — динамично реагировать на изменения внешних условий. Взаимодействие среды и центральных подсистем организма через периферийные подсистемы не является односторонним: центральные подсистемы также задают вектор активности с целью воздействия на среду для удовлетворения нужд организма.

Таким образом, возникает динамическое равновесие между организмом и средой.

В свете заявленной нами темы статьи понимание двунаправленного процесса взаимодействия организм-среда и среда-организм очень важно, т.к. позволяет объяснить наличие генетических влияний даже на верхних социально детерминированных уровнях индивидуальности. Дело в том, что любое социальное давление встречает сопротивление со стороны организма, особенно глубинных, наиболее ригидных его структур. Преломляясь через ранее сформировавшиеся особенности индивидуальности, социальное свойство, присваиваясь личностью, приобретает индивидуальный оттенок.

Для человека средой обитания является прежде всего социальная среда, соответственно, подсистема индивидуальности, которая напрямую взаимодействует с этой средой и которая вследствие этого наиболее открыта и динамична, — это личность. Если мы ставим своей задачей обнаружить взаимодействие и взаимовлияние разноуровневых свойств индивидуальности, то следует, помимо психофизиологического полюса, рассмотреть и социальный полюс.

Социальный полюс в нашем исследовании представлен ценностно-смысловой сферой личности. Считается, что основой ценностных ориентаций являются социальные отношения личности [Алексеева В.Г., 1984; Андреева Г.М., 2001; Анцыферова Л.И., 1989; Бодалев А.А., 2000; Донцов А.И., 1974; Мухина В.С., 1985; Парыгин Б.Д., 1971, и др.]. Именно во взаимодействии с другими людьми, как проводниками в социальный мир человек обретает ценности. Механизм формирования личностных ценностей, вероятно, следующий: социум предлагает обширное «меню» ценностей, осознать, оценить и усвоить которое не представляется возможным, поэтому социальные ценности транслируются ребенку через референтную для него группу (семью, одноклассников, неформальные молодежные объединения и т.д.): «...усвоение ценностей больших социальных групп и общностей всегда опосредовано ценностями малых референтных для индивида групп» [Леонтьев Д.А., 1996, с. 39]. Однако трансляция некоторых из ценностей общества референтной группой не означает, что субъект их пассивно усваивает: он проявляет активность и отбирает некоторые из этих ценностей, которые соотносятся с его потребностями и индивидуальными особенностями,

а также с требованиями среды. Интериоризированные ценности постоянно соотносятся личностью с окружающей действительностью, переосмысливаются и корректируются. Динамика ценностей отражается в обобщенных ценностных ориентациях личности, когда некоторые ценности занимают лидирующие позиции, а другие смещаются к периферии [подр. см.: Калугин А.Ю., 2014, 2018].

Несмотря на то что далеко не все ценности общества присваиваются личностью, ценностное поле каждого человека все равно достаточно обширно. А.А. Волочков и Е.Г. Ермоленко предложили способ изучения ценностно-смысловой сферы, обратившись к ограниченному количеству ценностных векторов, которые отражают основополагающие ценностные ориентации личности [Волочков А.А., Ермоленко Е.Г., 2004]. Такой подход показал свою эффективность и в наших исследованиях и позволил выделить обобщенные факторы ценностно-смысловой сферы личности [Калугин А.Ю., 2015; Калугин А.Ю., Волочков А.А., 2016].

Вероятно, этот подход можно распространить и на изучение темперамента. Известной проблемой гуманитарных наук является плюрализм концепций, объясняющих один и тот же феномен. В отношении темперамента также нет единого понимания. Выходом из сложившейся ситуации может быть эмпирическое выделение формально-динамических свойств индивидуальности на основе разных теорий темперамента. В данном случае мы исходим из предположения, что психодиагностические методики, основанные на этих теориях, частично действительно изучают истинный темперамент. В этом случае факторный анализ сможет выявить то общее, что находит отражение в разных концепциях темперамента.

Ценностно-смысловая сфера личности, по многочисленным свидетельствам, наиболее активно формируется в юношеском возрасте [Волочков А.А., 2007; Рослякова Е.Ю., 2009, и др.]. Таким образом, «общим знаменателем», позволяющим изучить как темперамент, так и ценностно-смысловую сферу личности, является юношеский возраст.

Выше нами уже упоминалась модель «Большая пятерка», которая хотя и считается моделью черт личности, но, по сути, включает в себя как свойства личности, так и свойства темперамента. Модель во многом появилась индуктивным

путем, поэтому такое смешение уровней индивидуальности не удивительно. В связи с тем, что «Большая пятерка» имплицитно содержит в себе темперамент, мы включили соответствующий опросник в наше исследование. Можем ли мы ожидать, что удастся отделить факторы темперамента от факторов личности или нервной системы (допускаем, что свойства нервной системы также могли оказаться среди свойств темперамента в опросниках)? Поскольку основную массу составляют опросники темперамента, то их вес в общей дисперсии будет выше, поэтому выделенные факторы, вероятно, будут характеризовать именно формально-динамические свойства индивидуальности, а дисперсия свойств личности и нервной системы будет проявляться в уникальной дисперсии переменных.

Целью нашего исследования является обнаружение связи между обобщенными формально-динамическими свойствами (темпераментом) и обобщенными показателями ценностно-смысловой сферы личности. Если такая связь будет обнаружена, это может свидетельствовать о стремлении субъекта к гармонизации собственной индивидуальности, к непротиворечивости взаимодействия ее разноуровневых свойств.

Метод

Участники

В выборку исследования вошли старшеклассники, студенты средних и высших учебных заведений, курсанты. После удаления экстремальных значений и недостоверных данных объем выборки составил 463 чел., из них 219 девушек, 244 юношей, в возрасте от 15 до 24 лет ($M = 18.9$, $SD = 2.0$).

Психодиагностический инструментарий

Изучение формально-динамических свойств индивидуальности (ФДСИ) осуществлялось с использованием следующих методик: «Опросника формально-динамических свойств индивидуальности» (ОФДСИ) В.М. Русалова [Русалов В.М., 2012], Eysenck Personality Inventory (EPI) Г. Айзенка [Основы психологии..., 2002, с. 176–180], The Formal Characteristics of Behaviour – Temperament Inventory (FCB–TI) Я. Стреляу [Стреляу Я. и др., 2009], опросник Грея–Уилсона (ЛОГУК) в адаптации Г.Г. Князева с соавторами [Князев Г.Г. и др., 2004], опрос-

ник Big Five Inventory – 2 (BFI–2) [Soto C.J., John O.P., 2017] в адаптации С.А. Щebetенко, А.Ю. Калугина, А.М. Мишкевич [Shchebetenko S. et al., 2019].

Ценностно-смысловая сфера личности (ЦССЛ) изучалась с помощью теста «Аксиологическая направленность личности» А.В. Капцова [Капцов А.В., 2011], теста «Смысло-жизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева [Леонтьев Д.А., 2006] и «Шкалы чувства связности» (ШЧС) А. Антоновского в адаптации М.Н. Дымщица [прив. по: Осин Е.Н., 2007].

Методы математической статистики

С помощью эксплораторного факторного анализа (Exploratory Factor Analysis, EFA) определялось количество латентных факторов, присутствующих в данных и наиболее полно отражающих особенности темперамента и ценностно-смысловой сферы.

В EFA использовалось косоугольное вращение «oblimin». Ранее также тестировался вариант с ортогональным вращением, который дал хорошо интерпретируемые результаты [Калугин А.Ю., 2019b]. Считается, что ортогональное вращение позволяет получить простую структуру, однако не в полной мере согласуется с реальностью, в которой часто свойства связаны друг с другом [Norman G.R., Streiner D.L., 2000, p. 138].

В случае косоугольного вращения мы получаем две матрицы нагрузок: матрицу паттернов и структурную матрицу. Матрица паттернов представляет собой вклад каждого фактора в дисперсию каждой переменной за вычетом дисперсии, возникающей вследствие корреляции факторов. Структурная матрица — это матрица взаимосвязей между переменными и факторами, «она включает как характерную взаимосвязь между переменной и фактором, так и взаимосвязь между переменной и дисперсией, полученной за счет наложения факторов друг на друга» [Митина О.В., Михайловская И.Б., 2001, с. 54]. Среди ученых нет единства в выборе матрицы нагрузок для интерпретации полученных в ходе факторного анализа результатов [Клайн П., 1994; Купер К., 2000; Tabachnick B.G., Fidell L.S., 2013]. Однако поскольку наша задача состоит в отборе наиболее подходящих переменных для дальнейшего по-

строения модели, мы остановили свой выбор на матрице паттернов.

Перед проведением EFA проверялись некоторые допущения: критерий адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) (значения выше 0.6 позволяют проводить факторный анализ) [Tabachnick B.G., Fidell L.S., 2013], критерий сферичности Бартлетта (если $p < 0.05$, то можно проводить факторный анализ).

Количество факторов определялось по нескольким статистическим критериям: 1) критерий «каменистой осыпи» Кеттелла, предполагающий ограничить количество факторов теми, собственные значения которых находятся выше места «перелома» графика, 2) критерий Кайзера–Гуттмана, предполагающий, что пригодны факторы, имеющие собственное значение выше единицы, 3) параллельный анализ, который позволяет обнаружить количество «неслучайных» факторов, 4) критерий Велицера MAP (Minimum average partial correlation), который строится на усреднении частных корреляций между переменными, минимальное значение критерия будет говорить об оптимальном количестве факторов. Следует отметить, что первые два критерия часто критикуются [подр. см.: Купер К., 2000, с. 357–360].

На основе выявленных в EFA связей между факторами и переменными была построена модель для конфирматорного факторного анализа (Confirmatory Factor Analysis, CFA). В качестве манифестных переменных факторов использовались переменные, имевшие значимые нагрузки в соответствующем факторе. Для учета специфики авторских подходов остатки в пределах методик были связаны.

Тестировалось две модели: модель 1 предполагала корреляции латентных факторов и отсутствие ковариации ошибок, модель 2 соответствовала модели 1, но включала ковариацию ошибок внутри методик (незначимые ковариации были удалены). В обоих случаях использовался робастный метод максимального правдоподобия MLR, устойчивый к отклонениям от нормального распределения. Предполагалось, что большая согласованность второй модели будет говорить в пользу выбора модели с ковариацией ошибок.

Далее было проведено эксплораторное моделирование структурными уравнениями (Explo-

ratory Structural Equation Modeling, ESEM). Преимущества ESEM перед CFA многократно обсуждены в зарубежных публикациях, например, H.W. Marsh с соавторами [Marsh H.W. et al., 2014] указывают, что: 1) сложные модели в CFA редко достигают приемлемой согласованности с эмпирическими данными в отличие от моделей ESEM, 2) чрезмерная ограниченность моделей CFA без перекрестных нагрузок приводит к завышению корреляций факторов, чего не происходит в ESEM, 3) ESEM включает в себя EFA и CFA как частные случаи, поэтому практически все модели, которые могут быть построены в рамках последних, могут быть протестированы и с помощью ESEM, 4) несмотря на название, ESEM — прежде всего инструмент подтверждающего (confirmatory) анализа, однако он может быть использован в качестве исследовательского (exploratory), т.е. объединяет в себе сильные стороны EFA и CFA [Marsh H.W. et al., 2014, p. 105].

На основе EFA и CFA была создана модель ESEM. Отметим, что при построении модели в соответствии с теоретическими предположениями на нее накладывались некоторые ограничения. Во-первых, факторы, отражающие формально-динамические характеристики индивидуальности, могли быть связаны только с соответствующими манифестными переменными; аналогично факторы, отражающие характеристики ценностно-смысловой сферы личности, могли быть связаны только с ценностными и смысложизненными показателями. Таким образом, обеспечивалась независимость факторов, отражающих разные уровни индивидуальности. Во-вторых, ковариации ошибок разрешались только внутри методик, и таким образом учитывалась специфика авторского инструментария. В-третьих, в модель включались только значимые ковариации ошибок внутри методик, что предотвращало вырождение матрицы. Для оценки параметров модели использовался робастный метод максимального правдоподобия MLR, метод вращения — «oblimin».

Наилучшая модель использовалась для изучения инвариантности по полу. F.F. Chen предложил следующие пороги для выборки размером более 300: при тестировании метрической инвариантности $\Delta CFI > 0.01$ в дополнение к $\Delta RMSEA > 0.015$ или $\Delta SRMR > 0.03$ будет го-

говорить об отсутствии инвариантности, при тестировании скалярной инвариантности $\Delta CFI > 0.01$ в дополнение к $\Delta RMSEA > 0.015$ или $\Delta SRMR > 0.01$ также будет говорить об отсутствии инвариантности [Chen F.F., 2007]. Указанные индексы считаются робастными в отличие от критерия хи-квадрат, который чувствителен к объему выборки и предположению о нормальности распределения переменных [Chen F.F., 2007, p. 465].

При проведении EFA был использован пакет «psych», а при построении CFA — пакет «lavaan» среды языка программирования R. ESEM был проведен в программе Mplus v.8. Диаграммы путей для CFA и ESEM строились с помощью пакета «semPlot» языка R.

Дополнительные материалы к статье представлены на сайте Open Science Framework. (URL: <https://osf.io/d4pxz/>).

Результаты

Экplorаторный факторный анализ

Основные описательные статистики представлены в табл. Д1 дополнительных материалов.

Проверка адекватности выборки с помощью критерия КМО показала, что факторный анализ может быть применен как в случае со шкалами формально-динамических свойств индивидуальности, так и в случае со шкалами ценностно-смысловой сферой личности (в обоих случаях КМО > 0.9). Критерий сферичности Бартлетта также свидетельствовал в пользу проведения факторного анализа (в обоих случаях $p < 0.001$).

На рис. 1. представлены графики собственных значений, содержащие три разных критерия для определения оптимального количества факторов: критерий Кайзера, критерий Кеттелла, параллельный анализ.

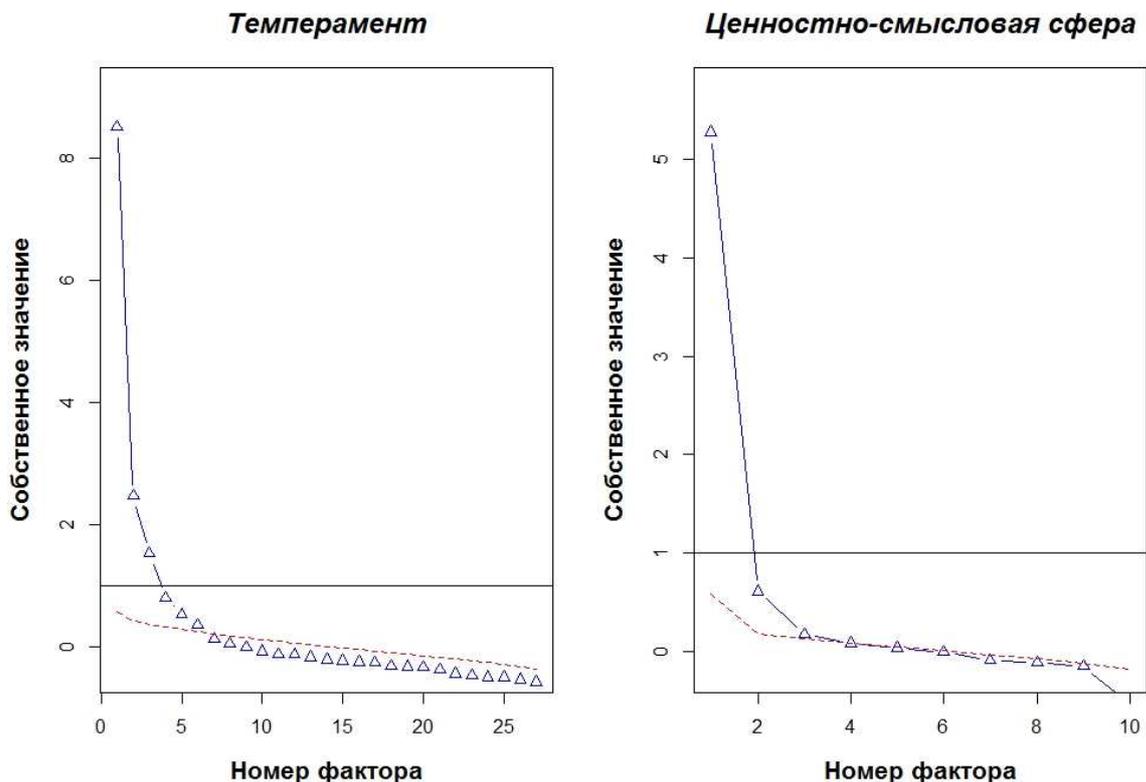

Рис. 1. График «каменистой осыпи» с результатами параллельного анализа для определения количества факторов

Fig. 1. Scree plot with the results of parallel analysis to determine the number of factors

Примечание: горизонтальная линия проведена от единицы собственного значения (критерий Кайзера–Гуттмана); красная пунктирная линия получена на основе ресемплинга (параллельный анализ).

Note: the horizontal line is drawn from the unit of eigenvalue (Kaiser–Guttman criterion); the red dashed line is obtained from resampling (parallel analysis).

Согласно критерию Кайзера следует оставить 3 фактора для ФДСИ и 1 для ЦССЛ. Критерий Кеттелла не столь однозначен, в случае с врожденными свойствами график достаточно пологий и определить место «перелома» затруднительно, для ценностей и смыслов четко определяются два фактора. Более надежные методы определения количества факторов указывают на следующее: параллельный анализ для ФДСИ ориентирует на 6 факторов, для ценностно-смысловой сферы личности — на 3, минимум MAP-теста Велицера для формально-динамических свойств указывает на 4 фактора, для ценностей и смыслов — на 1 фактор.

Таким образом, результаты сильно отличаются даже при использовании более надежных критериев, однако проведенный анализ позволяет определить границы оптимального количества факторов: для ФДСИ это 3–6 факторов, для ценностно-смысловой сферы личности — 1–3 фактора. Дальнейший анализ был связан с изучением факторных нагрузок в матрице паттернов и корреляций между факторами (табл. Д2–Д4 в дополнительных материалах).

Трехфакторная модель ФДСИ (совокупная доля объясненной дисперсии — 48.64 %) состояла из хорошо различимых свойств темперамента (эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность, экстраверсия – интроверсия, психотизм – сила суперэго), отражая модель Г. Айзенка. Четырехфакторная модель совокупно объясняла 53.04 % дисперсии переменных, помимо трех факторов Г. Айзенка включала формально-динамические свойства интеллекта (здесь следует указать, что речь идет не об интеллекте как способности, а о темпераментальных основаниях интеллекта, подробнее [см.: Русалов В.М., 2012]). Пятифакторная модель (ДОД 56.5 %), кроме указанных ранее факторов, включала фактор «Психомоторная выносливость», состоящий из шкал ОФДСИ «Эргичность психомоторная» (0.96) и «Скорость психомоторная» (0.66), а также шкалы опросника Я. Стреляу «Выносливость» (0.32). Оценка общей и уникальной дисперсии, объясняемой факторами, по каждой переменной позволила обнаружить, что указанные переменные пятого фактора слабо объяснялись четырехфакторной моделью. Шестифакторное решение (ДОД 59.37 %) разбивало фактор «Эмоциональная стабильность – эмоциональ-

ная нестабильность» на два, второй фактор эмоциональности, вероятно, указывал на некоторые особенности измерения данного феномена в опроснике ОФДСИ, т.к. только шкалы ОФДСИ вошли в него со значимыми математическими весами. Корреляция между двумя факторами эмоциональности составляла $r = 0.55$, это, по мнению К. Купера, говорит о том, что факторы отражают один феномен и проходят через один и тот же кластер переменных [Купер К., 2000, с. 357]. Во всех моделях большую часть дисперсии объясняли 2 фактора: эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность и экстраверсия – интроверсия. Доля дисперсии, объясняемая остальными выделенными факторами, бала примерно одинаковой.

Мы остановились на пятифакторной модели, т.к. она позволяет оценить не только классическую трехфакторную структуру темперамента, но и два других важных аспекта: формально-динамические основания интеллекта и психомоторную выносливость. Важным при выборе модели для нас было также то, что каждый выделенный фактор имел выраженные нагрузки в разных методиках на формально-динамические свойства индивидуальности.

Трехфакторная модель для шкал ценностно-смысловой сферы личности приводила к ошибкам, нагрузкам, превышающим единицу, поэтому была исключена из рассмотрения. Однофакторное решение объясняло 52.7 % дисперсии переменных, фактор включал все шкалы, однако шкалы АНЛ имели больший вес (в среднем 0.77), в то время как шкалы «Осмысленность жизни» и «Чувство связности» в среднем входили в фактор с весом 0.47. Двухфакторное решение объясняло 64.04 % дисперсии переменных и хорошо разводило шкалы ценностных ориентаций и шкалы смысложизненных ориентаций. В первом факторе ценностные шкалы имели нагрузки в среднем 0.77, а смысложизненные — 0.01; во втором факторе нагрузки ценностных шкал составляли 0.01, смысложизненных — 0.87. Вероятно, двухфакторное решение наилучшим образом объясняет дисперсию ценностных и смысложизненных переменных.

Конфирматорный факторный анализ

На основе результатов EFA была подготовлена модель CFA (табл. 1).

Таблица 1. Латентные факторы и манифестные переменные модели

Table 1. Latent factors and manifest variables of the model

Латентные факторы	Манифестные переменные
Эмоциональность (Эм)	Эмоциональность психомоторная Эмоциональность интеллектуальная Эмоциональность коммуникативная Динамичность Настойчивость Эмоциональная реактивность Выносливость Нейротизм Система торможения поведения Негативная эмоциональность
Экстраверсия (Эж)	Эргичность коммуникативная Пластичность коммуникативная Скорость коммуникативная Активность Экстраверсия–интроверсия Экстраверсия
Интеллект (Ин)	Эргичность интеллектуальная Пластичность интеллектуальная Скорость интеллектуальная Открытость опыту
Психотизм – сила суперэго (Пс)	Система активации поведения Экстраверсия Доброжелательность Добросовестность Негативная эмоциональность
Психомоторная выносливость (ПВ)	Эргичность психомоторная Скорость психомоторная Выносливость
Ценностные ориентации (ЦО)	Ценности коллективности Ценности духовной удовлетворенности Ценности креативности Ценности жизнедеятельности Ценности достижения Ценности традиции Ценности материального благополучия Ценности индивидуальности
Смысложизненные ориентации (СО)	Осмысленность жизни Чувство связности

Робастные характеристики модели 1 приведены в табл. 2.

На следующем этапе, в соответствии с индексами модификации в модель были добавлены ковариации ошибок внутри методик, тем самым была учтена уникальная дисперсия авторского инструментария. Все ковариации были значимыми. В дополнительных материалах в табл. Д5 и Д6 приведены факторные нагрузки переменных и корреляции латентных факторов для первой и второй модели соответственно.

Обе модели имели приемлемую (RMSEA < 0.1) и низкую согласованность

($\chi^2/df > 2$, CFI < 0.9, TLI < 0.9) с данными. Согласованность модели 2 с эмпирическими данными была несколько выше, чем модели 1 (табл. 2). Таким образом, ковариация ошибок внутри методик улучшает согласованность модели с эмпирическими данными, поэтому в дальнейшем при анализе целесообразно использовать модель с ковариацией ошибок.

На рис. 2 представлены взаимосвязи между латентными факторами. На рис. Д1 в дополнительных материалах приведен структурный граф модели CFA (с учетом ковариации ошибок).

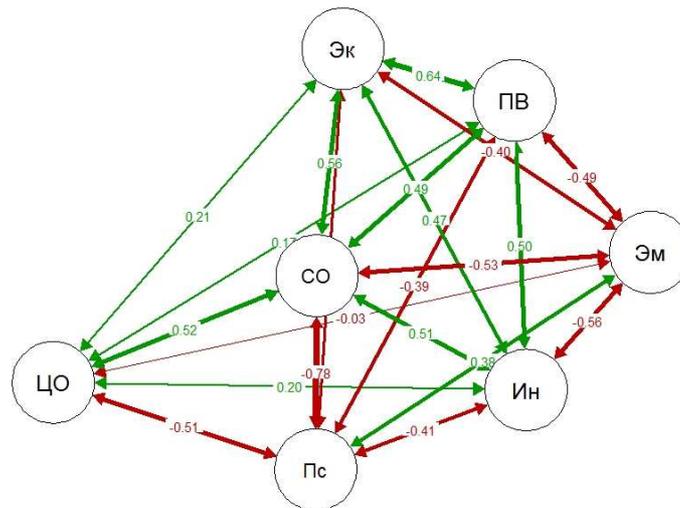

Рис. 2. Взаимосвязи латентных факторов формально-динамических свойств индивидуальности и ценностно-смысловой сферы личности

Fig. 2. The relation between latent factors of the formal-dynamic characteristics of individuality and the value-semantic sphere of personality

Примечание: Эм — эмоциональность, Эк — экстраверсия, Ин — интеллект, Пс — психотизм – сила суперэго, ПВ — психомоторная выносливость, ЦО — ценностные ориентации, СО — смысложизненные ориентации.

Note: Em — emotionality, Ex — extraversion, In — intelligence, Ps — psychotism – superego strength, PE — psychomotor endurance, VO — value orientations, MO — meaningful orientations.

Эксплораторное моделирование структурными уравнениями

Модель ESEM включала 7 факторов и ковариацию ошибок внутри методик. Согласованность модели с эмпирическими данными выше, чем моделей, построенных на основе CFA (табл. 2): относительный хи-квадрат был около 2, CFI приближался к 0.95, TLI демонстрировал приемлемое качество ($TLI > 0.9$), RMSEA был меньше 0.05, что говорит об отличном соответствии модели данным. Далее для проверки инвариантности по полу была использована модель ESEM. На рис. 3 изображен граф модели ESEM, в табл. Д7 дополнительных материалов приведены факторные нагрузки переменных и корреляции латентных факторов для модели ESEM.

Инвариантность по полу

В табл. 3 приведена проверка инвариантности по полу для 4 моделей с разной степенью ограничения параметров.

Конфигурационная модель имела приемлемое согласие с данными: $\chi^2/df = 1.74$, $CFI = 0.928$,

$RMSEA = 0.057$. Таким образом, можно говорить о соответствии структуры опросника эмпирическим данным в мужской и женской подвыборках. Метрическая инвариантность значительно отличалась от конфигурационной по критерию хи-квадрат ($p < 0.001$), более робастные критерии свидетельствовали в пользу инвариантности: $\Delta CFI = -0.006$, $\Delta RMSEA = -0.001$, $\Delta SRMR = 0.019$. Таким образом, факторные нагрузки также были инвариантны по полу. Скалярная инвариантность по полу поддерживалась $\Delta CFI = -0.009$, $\Delta RMSEA = 0.002$, $\Delta SRMR = 0.002$, однако уровень значимости для $\Delta \chi^2$ был меньше 0.001. Строгая инвариантность также находила подтверждение по $\Delta CFI = -0.001$, $\Delta RMSEA = -0.001$, $\Delta SRMR = 0.002$, различия по критерию хи-квадрат были незначимыми: $\Delta \chi^2(37) = 49.353$, $p = 0.084$.

Соответствие модели эмпирическим данным в группах по полу вплоть до строгой инвариантности (согласно робастным критериям сравнения моделей) говорит о том, что выявленная структура присуща как юношам, так и девушкам.

Таблица 2. Характеристики моделей CFA и ESEM (n = 463)

Table 2. Summary of goodness-of-fit statistics for CFA and ESEM models (n = 463)

	$\chi^2(df)$	χ^2/df	TLI	CFI	RMSEA [90 % CI]	SRMR
CFA						
М 1. Пять коррелирующих факторов	2092.1 (536)	3.90	0.831	0.847	0.081 [0.078; 0.085]	0.085
М 2. Пять коррелирующих факторов и ковариация ошибок	1601.9 (509)	3.15	0.876	0.894	0.070 [0.066; 0.074]	0.084
ESEM						
М 1. Пять коррелирующих факторов и ковариация ошибок	1047.7 (491)	2.13	0.927	0.946	0.049 [0.045; 0.054]	0.034

Примечание: $\chi^2(df)$ — значение статистики хи-квадрат со степенями свободы (статистика во всех случаях значима на уровне $p < 0.001$); χ^2/df — относительный хи-квадрат; TLI — индекс Такера–Льюиса; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; SRMR — стандартизованный среднеквадратический остаток.

Note: $\chi^2(df)$ — chi-square statistics with degrees of freedom (statistics in all cases is significant at the level of $p < 0.001$); χ^2/df — relative chi-square; TLI — Tucker–Lewis index; CFI — comparative fit index; RMSEA — root mean square error of approximation; SRMR — standardized root mean square residual.

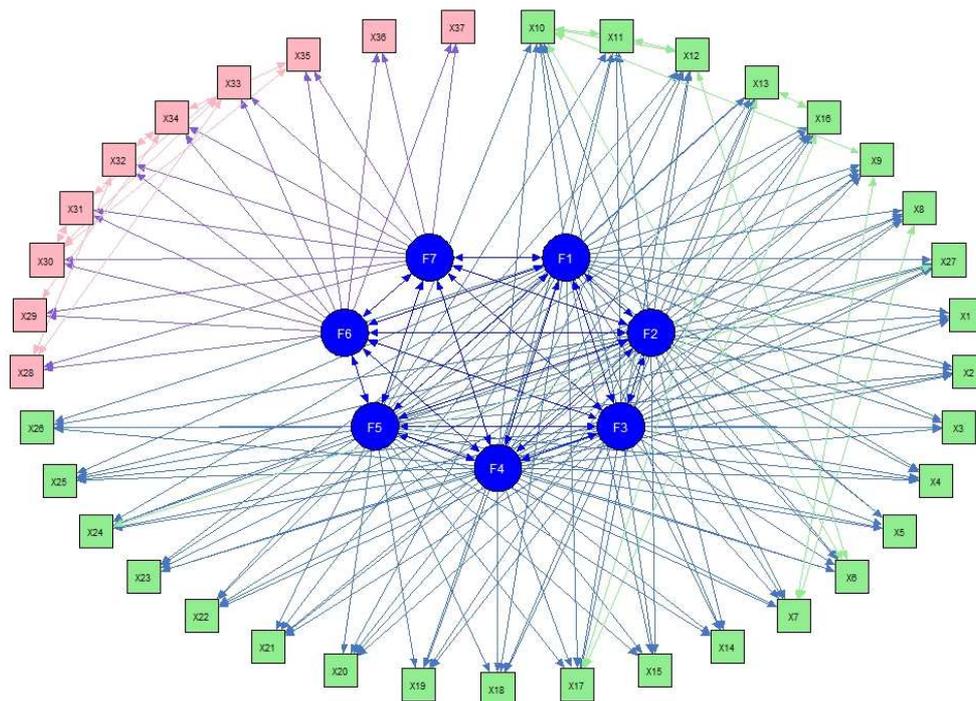

Рис. 3. Структурный граф модели ESEM

Fig. 3. Structural graph of the ESEM model

Примечание: F1–F5 — латентные факторы формально-динамических свойств индивидуальности, F6–F7 — латентные факторы ценностно-смысловой сферы личности, X1–X27 — формально-динамические свойства индивидуальности, X28–X37 — показатели ценностно-смысловой сферы личности.

Note: F1–F5 — latent factors of the formal-dynamic characteristics of individuality, F6–F7 — latent factors of the value-semantic sphere of personality, X1–X27 — formal-dynamic properties of individuality, X28–X37 — indicators of the value-semantic sphere of personality.

Таблица 3. Соответствие межгрупповых моделей по полу ($n_1 = 219$, $n_2 = 244$)

Table 3. Fit statistics at each sex measurement invariance level and comparisons of the indices between levels ($n_1 = 219$, $n_2 = 244$)

	$\chi^2(df)$	χ^2/df	TLI	CFI	RMSEA [90 % CI]	SRMR
1. Конфигурационная инвариантность	1712.3 (982)	1.74	0.903	0.928	0.057 [0.052; 0.061]	0.042
2. Метрическая инвариантность	1899.2 (1108)	1.71	0.907	0.922	0.056 [0.051; 0.060]	0.061
3. Скалярная инвариантность	2026.9 (1138)	1.78	0.898	0.913	0.058 [0.054; 0.062]	0.063
4. Строгая инвариантность	2073.2 (1175)	1.76	0.900	0.912	0.057 [0.053; 0.062]	0.065
	$\Delta \chi^2$	Δdf	<i>p-level</i> <i>of Δ</i>	ΔCFI	$\Delta RMSEA$	$\Delta SRMR$
1. Конфигурационная инвариантность						
2. Метрическая инвариантность	190.897	126	< 0.001	-0.006	-0.001	0.019
3. Скалярная инвариантность	128.121	30	< 0.001	-0.009	0.002	0.002
4. Строгая инвариантность	49.353	37	0.084	-0.001	-0.001	0.002

Примечание: $\chi^2(df)$ — значение статистики хи-квадрат со степенями свободы (статистика во всех случаях значима на уровне $p < 0.001$); χ^2/df — относительный хи-квадрат; TLI — индекс Такера–Льюиса; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; SRMR — стандартизованный среднеквадратический остаток; $\Delta \chi^2$ — разница хи-квадрат с коррекцией Саторра–Бентлера; Δdf — разница в степенях свободы; *p-level of Δ* — уровень значимости для разницы хи-квадрат.

Note: $\chi^2(df)$ — chi-square statistics with degrees of freedom (statistics in all cases are significant at the level of $p < 0.001$); χ^2/df — relative chi-square; TLI — Tucker–Lewis index; CFI — comparative fit index; RMSEA — root mean square error of approximation; SRMR — standardized root mean square residual; $\Delta \chi^2$ — chi-square difference with Satorra–Bentler correction; Δdf — difference between degrees of freedom; *p-level of Δ* — significance level for the chi-square difference.

Обсуждение

В результате исследования были выявлены обобщенные формально-динамические свойства индивидуальности, имеющие отражение в различных авторских опросниках темперамента и черт личности. Пять обнаруженных латентных факторов (эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность, экстраверсия – интроверсия, психотизм – сила суперэго, формально-динамические особенности интеллекта, психомоторная выносливость), вероятно, характеризуют врожденные особенности человека. Три из них хорошо известны в истории психологии индивидуальных различий, два других часто встречаются при обсуждении врожденных качеств человека. То, что черты «Большой пятерки» достаточно хорошо были разведены при распределении по четырем выявленным факторам (за исключением фактора «Психомоторная выносливость»), говорит о сходстве концепций «индивидуальности» и «теории черт

личности». Выскажем предположение, что в каком-то смысле это две альтернативные концепции человека. Выбирая между ними, мы склоняемся больше к концепции «индивидуальности», как к более общей и включающей больше качеств, присущих человеку.

Анализ проявлений ценностно-смысловой сферы человека привел к выделению 2 обобщенных ориентаций личности: ценностной и смысложизненной. Различия между данными ориентациями неоднократно обсуждалось как нами [Калугин А.Ю., 2018, 2019а], так и другими авторами [Капцов А.В., 2011; Леонтьев Д.А., 2019, и др.]. Ключевым различием между ними в рассматриваемом контексте, на наш взгляд, является степень регуляции поведения: смыслы являются прямыми регуляторами поведения, в то время как ценности не обязательно его определяют (человек может говорить о важности для него тех или иных ценностей, но не руководствоваться ими).

Смыслоразностные ориентации имеют выраженные корреляции со всеми обобщенными формально-динамическими свойствами индивидуальности ($r = 0.44 \div 0.66$) в отличие от ценностных ориентаций, которые имеют высокие корреляции только с фактором «Психотизм – сила суперэго» ($r = 0.56$). Это подтверждает предположение о большей связи смыслов с врожденными характеристиками индивидуальности. Чем можно объяснить наличие такой связи? Смыслы порождает субъект, ориентируясь на свои потребности, индивидуальные особенности, актуальную ситуацию. Оценка, осмысление своей жизни заставляет человека воспринимать себя как целостное существо, взаимодействующее с миром как с целым. В смыслоразностных ориентациях в отличие от ценностных ориентаций мир не дробится на части, не фрагментируется, а воспринимается целостно. Это означает, что человек не оценивает свое взаимодействие с семьей, или с работой, или с хобби отдельно, а ухватывает то общее, что характеризует все его взаимодействия с миром. Восприятие себя как целого означает осознание того, что с миром взаимодействует не только ментальное Я, но и тело (конституция, особенности нервной системы, темперамента и т.п.).

Анализ взаимосвязей показывает, что идеалом «осмысленного» («экзистенциального», «здорового») человека является выносливый эмоционально стабильный экстраверт с выраженной силой супер-эго. Врожденность формально-динамических свойств индивидуальности предполагает, что интровертам и людям с выраженным нейротизмом будет сложнее приблизиться к этому идеалу, т.е. половина, а скорее даже большая часть популяции оказывается далекой от идеала «здорового» человека по факту рождения!

Инвариантность по полу говорит о том, что выявленные факторы и специфика их связей присущи как юношам, так и девушкам, сходство структур является еще одним свидетельством в пользу выделения именно такого количества факторов формально-динамических свойств индивидуальности и ценностно-смысловой сферы личности.

Выше мы обозначали ценностно-смысловую сферу, как одну из сфер личности, однако это не означает, что она не относится к индивиду-

альности, т.к. личность — это один из уровней индивидуальности [Мерлин В.С., 1986]. То есть и формально-динамические свойства и ценностно-смысловая сфера входят в структуру индивидуальности человека, поэтому взаимодействие между этими уровнями неудивительно, важным представляется другое — механизм этого взаимодействия. Вероятно, верхние уровни индивидуальности не существуют с рождением ребенка, а формируются по мере его развития и взросления. Соответственно, те свойства, которые формируются раньше, оказываются в большей степени связаны с врожденными качествами, чем те, которые формируются позже. Определение значимости для субъекта тех или иных предметов и явлений внешнего и внутреннего мира появляется уже на самых ранних этапах развития ребенка, задолго до того, как он сможет начать воспринимать и усваивать социальные ценности. Это еще одна возможная причина большей связи смыслоразностных ориентаций с врожденными свойствами индивидуальности.

Обнаружение связи между обобщенными формально-динамическими свойствами (темперамент) и показателями ценностно-смысловой сферы личности поддерживает гипотезу о том, что субъект стремится к гармонизации собственной индивидуальности, к непротиворечивости взаимодействия ее разноуровневых свойств.

Список литературы

- Алексеева В.Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 5. С. 63–70.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 378 с.
- Анцыферова Л.И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук / отв. ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 426–434.
- Бодалев А.А.* Специфика социально-психологического подхода к пониманию личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия / сост. Л.В. Куликов. СПб.: Питер, 2000. С. 336–344.
- Волочков А.А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 376 с.
- Волочков А.А., Ермоленко Е.Г.* Ценностная направленность личности как выражение смыс-

лообразующей активности // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 17–27.

Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. № 5. С. 67–76.

Калугин А.Ю. Вклад свойств темперамента в обобщенные ценностно-смысловые ориентации личности // Актуальные проблемы исследования массового сознания: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. С. 95–98.

Калугин А.Ю. К проблеме связи ценностей, смыслов, ментальных ресурсов и концептов // Мир науки. Педагогика и психология 2018. Т. 6, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN618.pdf> (дата обращения: 18.12.2019).

Калугин А.Ю. Обобщенные свойства темперамента и ценностно-смысловой сферы личности // Методология, теория, история психологии личности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. С. 133–141.

Калугин А.Ю. Соотношение понятий при изучении ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. Вып. 1. С. 17–24.

Калугин А.Ю. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2015. 179 с.

Калугин А.Ю., Волочков А.А. Ценностная направленность личности студентов-гуманитариев // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 28–42.

Капцов А.В. Психологическая аксиометрия личности и группы: учеб. пособие. Самара: Сам-ЛюксПринт, 2011. 112 с.

Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев: ПАН Лтд., 1994. 288 с.

Князев Г.Г., Слободская Е.Р., Сафронова М.В. Краткая форма личностного опросника Грея–Уильсона // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 113–122.

Купер К. Индивидуальные различия. М.: Аспект Пресс, 2000. 527 с.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019. 584 с.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 18 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Мерлин В.С. Очерк теории темперамента. Пермь: ПГГПУ, 2018. 462 с.

Митина О.В., Михайловская И.Б. Факторный анализ для психологов. М.: УМК «Психология», 2001. 169 с.

Мухина В.С. Механизмы формирования ценностных ориентации и социальной активности личности. М.: МГПИ, 1985. 140 с.

Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22–40.

Основы психологии: практикум / ред.-сост. Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 704 с.

Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.

Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 256 с.

Рослякова Е.Ю. Взаимосвязь видов активности субъекта жизнедеятельности в ранней юности: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 184 с.

Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 528 с.

Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М.: Смысл, 2009. 104 с.

Chen F.F. Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 2007. Vol. 14, iss. 3. P. 464–504. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>

Horsburgh V.A., Schermer J.A., Veselka L., Vernon P.A. A behavioural genetic study of mental toughness and personality // Personality and individual differences. 2009. Vol. 46, iss. 2. P. 100–105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.09.009>

Marsh H.W., Morin A.J., Parker P.D., Kaur G. Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis // Annual review of clinical psychology. 2014. Vol. 10. P. 85–110. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>

McCrae R.R., Costa P.T.Jr. The five-factor theory of personality // Handbook of personality: Theory and research / ed. by O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 2008. P. 159–181.

Norman G.R., Streiner D.L. Biostatistics: the bare essentials. Hamilton, CA; L., UK: Decker, 2000. 324 p.

Shchebetenko S., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement Invariance and Sex and Age Differences of the Big Five Inventory – 2: Evidence From the Russian Version // Assessment. 2019. (Advance Online Publication). DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Soto C.J., John O.P. The next Big Five Inventory (BFI-2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 113, iss. 1. P. 117–143. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000096>

Tabachnick B.G., Fidell L.S. Using Multivariate Statistics. 6th ed. Boston, MA: Pearson Education, 2013. 983 p.

Vernon P.A., Villani V.C., Vickers L.C., Harris J.A. A behavioral genetic investigation of the Dark Triad and the Big 5 // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44, iss. 2. P. 445–452. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.09.007>

Получено 25.11.2019

References

Alekseeva, V.G. (1984). *Tsenkostnye orientatsii kak faktor zhiznedeyatel'nosti i razvitiya lichnosti* [Value orientations as a factor of life and personal development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 5, no. 5, pp. 63–70.

Andreeva, G.M. (2001). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press Publ., 378 p.

Antsyferova, L.I. (1989). *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti* [Psychology of personality formation and development]. *Chelovek v sisteme nauk* [The man in the science system]. Moscow: Nauka Publ., pp. 426–434.

Bodalev, A.A. (2000). *Spetsifika sotsial'no-psikhologicheskogo podkhoda k ponimaniyu lichnosti* [Specifics of the socio-psychological approach to understanding the personality]. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Psychology of personality in the works of domestic psychologists]. Saint-Petersburg: Piter Publ., pp. 336–344.

Chen, F.F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. Vol. 14, iss. 3, pp. 464–504. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705510701301834>

Cooper, C. (2000). *Individual'nye razlichiya* [Individual differences]. Moscow: Aspekt Press Publ., 527 p.

Dontsov, A.I. (1974). *O tsennostnykh otnosheniyakh lichnosti* [About value relationships of the person]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy]. No. 5, pp. 67–76.

Horsburgh, V.A., Schermer, J.A., Veselka, L. and Vernon, P.A. (2009). A behavioural genetic study of mental toughness and personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 46, iss. 2, pp. 100–105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.09.009>

Kalugin, A.Yu. (2018). *K probleme svyazi tsennostey, smyslov, mental'nykh resursov i kontseptov* [To the problem of the relationship between values, meanings, mental resources and concepts]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 6, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN618.pdf> (accessed 18.12.2019).

Kalugin, A.Yu. (2019). *Obobshchennyye svoystva temperamenta i tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti* [Generalized properties of temperament and value-semantic sphere of personality]. *Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti* [Methodology, theory, history of personality psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 133–141.

Kalugin, A.Yu. (2014). *Sootnoshenie ponyatiy pri izuchenii tsennostno-smyslovoy i motivatsionno-potrebnostnoy sfer lichnosti* [Relations between the concepts in the study of value-semantic and motivation-need spheres of personality]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Vestnik PSHPU. Series 1. Psychological and Pedagogical Sciences]. Iss. 1, pp. 17–24.

Kalugin, A.Yu. (2015). *Tsenkostnaya napravlenost' lichnosti kak vyrazhenie smysloobrazuyushey aktivnosti: struktura, dinamika i funktsii v strukture integral'noy individual'nosti (na materiale studentestva): dis. ... kand. psikhol. nauk* [Value orientation of the personality as an expression of meaning-making activity: structure, dynamics and functions in the structure of integral individuality (based on students): dissertation]. Perm, 179 p.

Kalugin, A.Yu. (2019). *Vklad svoystv temperamenta v obobshchennyye tsennostno-smyslovyye orientatsii lichnosti* [Contribution of temperament proper-

ties to generalized value-semantic orientations of personality]. *Aktual'nye problemy issledovaniya massovogo soznaniya* [Actual problems of the study of mass consciousness]. Penza: PSU Publ., pp. 95–98.

Kalugin, A.Yu. and Volochkov, A.A. (2016). *Tsennoznaya napravlennost' lichnosti studentov-gumanitariyev* [Value orientation of the personality of humanitarian students]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 28–42.

Kaptsov, A.V. (2011). *Psikhologicheskaya aksiometriya lichnosti i gruppy* [Psychological axiometry of personality and group]. Samara: SamLyuksPrint Publ., 112 p.

Kline, P. (1994). *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov* [The handbook of psychological testing]. Kiev: PAN Publ., 288 p.

Knyazev, G.G., Slobodskaya, E.R. and Safronova, M.V. (2004). *Kratkaya forma lichnostnogo oprosnika Greya–Uilsona* [Brief form of the Gray–Wilson personality questionnaire]. *Voprosy psikhologii*. No. 4, pp. 113–122.

Leont'ev, D.A. (1996). *Ot sotsial'nykh tsennostey k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoy regulyatsii deyatel'nosti* [From social to personal values: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 14. Psychology]. No. 4, pp. 35–44.

Leont'ev, D.A. (2019). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl Publ., 584 p.

Leont'ev, D.A. (2006). *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Meaningful orientation test]. Moscow: Smysl Publ., 18 p.

Marsh, H.W., Morin, A.J., Parker, P.D. and Kaur, G. (2014). Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis. *Annual review of clinical psychology*. Vol. 10, pp. 85–110. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>

McCrae, R.R. and Costa, P.T.Jr. (2008). The five-factor theory of personality. *Handbook of personality: Theory and research*, ed. by O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin. New York: Guilford Press, pp. 159–181.

Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Merlin, V.S. (2018). *Ocherk teorii temperamenta* [Essay on the theory of temperament]. Perm: PSHPU Publ., 462 p.

Mitina, O.V. and Mikhaylovskaya, I.B. (2001). *Faktornyy analiz dlya psikhologov* [Factor analysis for psychologists]. Moscow: Educational and Methodical Collector «Psychology», 169 p.

Mukhina, V.S. (1985). *Mekhanizmy formirovaniya tsennostnykh orientatsiy i sotsial'noy aktivnosti lichnosti* [Mechanisms of formation of value orientation and social activity of the personality]. Moscow: MSPI Publ., 140 p.

Norman, G.R. and Streiner, D.L. (2000). *Biostatistics: the bare essentials*. Hamilton, CA, London, UK: Decker Publ., 324 p.

Osin, E.N. (2007). *Chuvstvo svyaznosti kak pokazatel' psikhologicheskogo zdorov'ya i ego diagnostika* [Sense of coherence as an indicator of psychological health and its diagnosis]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics]. No 3, pp. 22–40.

Parygin, B.D. (1971). *Osnovy sotsial'no-psikhologicheskoy teorii* [Basics of socio-psychological theory]. Moscow: Mysl' Publ., 351 p.

Platonov, K.K. (1986). *Struktura i razvitiye lichnosti* [The structure and development of personality]. Moscow: Nauka Publ., 256 p.

Roslyakova, E.Yu. (2009). *Vzaimosvyaz' vidov aktivnosti sub'ekta zhiznedeyatel'nosti v ranney yunosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The relationship of the types of activity of the subject of life in early adolescence: dissertation]. Yaroslavl, 184 p.

Rusalov, V.M. (2012). *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: Differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya* [Temperament in the structure of human individuality: Differential psychophysiological and psychological studies]. Moscow: IP RAS Publ., 528 p.

Schebetenko, S., Kalugin, A.Yu., Mishkevich, A.M. et al. (2019). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory – 2: Evidence from the Russian version. *Assessment*. (Advance Online Publication). DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Soto, C.J. and John, O.P. (2017). The next Big Five Inventory (BFI–2): Developing and assessing a hierarchical model with 15 facets to enhance bandwidth, fidelity, and predictive power. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 113, iss. 1, pp. 117–143. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000096>

Stolyarenko, L.D. (ed.) (2002). *Osnovy psikhologii: Praktikum* [Fundamentals of psychology: Practical training]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 704 p.

Strelyau, Ya., Mitina, O., Zavadskiy, B. et al. (2009). *Metodika diagnostiki temperamenta (formal'no-dinamicheskikh kharakteristik povedeniya)* [Methods of diagnostics of temperament (formal-dynamic characteristics of behavior)]. Moscow: Smysl Publ., 104 p.

Tabachnick, B.G. and Fidell, L.S. (2013). *Using multivariate statistics*. 6th ed. Boston, MA: Pearson Education Publ., 983 p.

Vernon, P.A., Villani, V.C., Vickers, L.C. and Harris, J.A. (2008). A behavioral genetic investigation of the Dark Triad and the Big 5. *Personality and Individual Differences*. Vol. 44, iss. 2, pp. 445–452. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2007.09.007>

Volochkov, A.A. (2007). *Aktivnost' sub'ekta bytiya: Integrativnyy podkhod* [The activity of the subject of being: An integrative approach]. Perm: PSPU Publ., 376 p.

Volochkov, A.A. and Ermolenko, E.G. (2004). *Tsennostnaya napravlennost' lichnosti kak vyrazhenie smysloobrazuyushey aktivnosti* [Value orientation of personality as an expression of meaning-making activity]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 25, no. 2, pp. 17–27.

Received 25.11.2019

Об авторах

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>

Вихман Александр Александрович

кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: vixmann@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>

About the authors

Alexey Yu. Kalugin

Ph.D. in Psychology, Docent,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>

Aleksandr A. Vikhman

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vixmann@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Калугин А.Ю., Вихман А.А. Формально-динамические свойства индивидуальности во взаимосвязи с проявлениями ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 76–91. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-76-91](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-76-91)

For citation:

Kalugin A.Yu., Vikhman A.A. [Formal-dynamic characteristics of individuality in relation to the manifestations of the value-semantic sphere of personality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 76–91 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-76-91](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-76-91)

УДК 159.97

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СВЯЗИ С ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ
И ВОПЛОЩЕННОСТЬЮ «Я» (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ)***

Коптева Наталия Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

На основании предложенной В.А. Емелиным, А.Ш. Тхостовым, Е.И. Рассказовой модели психологических последствий нормативного использования информационных технологий, включающей изменения психологических границ, потребностей и психологическую зависимость, выдвигается гипотеза о том, что к ним также может быть отнесена невоплощенность, обусловленная «отсутствием» у человека, пребывающего в эфире, физического тела, превращение его в «нематериальное» существо (по М. Маклюэну). Новый технологический способ бытия-в-мире сближается с шизоидным, который британский психолог, психиатр Р.Д. Лэйнг соотносит с экзистенциальным положением онтологической неуверенности, невоплощенности (ментального Я в теле), нарушением границ между Я и не-Я в пространстве бытия. Основу исследования составляет авторский конструкт онтологической уверенности как двухуровневой системы переживаний, восходящий к концепции Р.Д. Лэйнга, и производные от него диагностические методики: построенная на принципе семантического дифференциала ОУ(СД) и психометрическая ОУ(ПМ). Установлено, что группу студентов с более выраженными последствиями нормативного использования мобильной связи и показателем склонности к интернет-зависимому поведению, граничащим со сформированной зависимостью, отличает более низкий уровень онтологической уверенности, как переживания бытийных опор в собственном Я и за его пределами, экзистенциального антагонизма (признака экзистенции как «хорошей жизни») и более высокий — ложного Я, соответствующего онтологической неуверенности, невоплощенности. В общей выборке обнаружен избирательный характер связи последствий нормативного использования мобильного телефона и онтологической уверенности, в частности ее снижение с ростом параметров изменения психологических границ, предполагающих как рефлексия нарушения собственной приватности в условиях их расширения и размывания, так и использование этих условий с целью упрощения общения с другими людьми и повышения его безопасности.

Ключевые слова: онтологическая уверенность, воплощенность, изменение психологических границ, интернет-зависимость.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках научного проекта № 19-29-07046.

PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF INFORMATION TECHNOLOGY USE
IN RELATION TO ONTOLOGICAL SECURITY AND EMBODIED SELF
(BASED ON THE STUDY OF UNDERGRADUATES
OF HUMANITARIAN FACULTIES)

Nataliya V. Kopteva

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The model of «normative» use of information technology (offered by V.A. Emelin, A.Sh. Tkhostov, E.I. Rasskazova) describes various psychological effects including changes of psychological boundaries and needs, and psychological dependence. The author of the article suggests that the list of such effects might contain disembodiment resulting from the lack of a person's physical body due to their being on the aether and transformation of a person into an immaterial being (M. McLuhan). The new technological way of being-in-the-world is similar to a schizoid one, which R.D. Laing, a British psychologist and psychiatrist, relates to ontological insecurity, unembodiment (of the mental self in the body) and blurring of the existential boundaries between the «self» and «non-self». The authorial psychological construct of ontological security as a two-level system of experience, based on R.D. Laing's conception, and authorial diagnostic procedures derived from this construct were used in the study. The first procedure was based on the principle of semantic differential «OS(SD)» and the second procedure was psychometric «OS(PM)». It was discovered that the group of students suffering from more pronounced consequences of normative use of mobile phones and prone to Internet-addicted behavior showed certain effect. It included a decline in manifestations of ontological security as experiencing existential props within and outside their selves, lower degree of existential antagonism (when existence is viewed as «a good life») and inflation of a false self linked to ontological insecurity and disembodiment. The analysis of the total sample revealed the selective nature of connections between the consequences of normative use of mobile phones and ontological security. In particular, a decline of the latter was associated with increasing changes in psychological borders. They involved the changes in the reflection of personal privacy during the expansion and erosion of the psychological borders, and the changes in the use of these conditions to simplify and secure communication with other people.

Keywords: ontological security, embodiment, changes of psychological boundaries, Internet addiction.

Введение

Проблема онтологической неуверенности – уверенности, невоплощенности – воплощенности (ontological insecurity – security, embodiment – unembodiment), которую британский психиатр Р.Д. Лэйнг разрабатывал на примере шизоидов и шизофреников [Лэйнг Р.Д., 2017], неожиданным образом приобретает актуальность в свете исследования последствий влияния информационных технологий на человека. Среди них сегодня наиболее изучена интернет-зависимость, которую в традиционном клиническом подходе (К. Янг (1996), А. Голдберг (1996), М. Орзак (1998), В. Лоскутова, Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Бальбот, С.Х. Чен) определяют в целом на основе тех же критериев, что и другие виды аддикции (в частности, наркотическую и алкогольную). К этим критериям относят непреодолимую тягу

(addictus — «пристрастившийся к чему-то»), толерантность, потерю контроля над поведением, симптомы (синдром) отмены, разнообразные нарушения поведения вплоть до асоциальных проявлений. Исследователи выделяют большее или меньшее количество критериев, предлагают разные варианты их обозначения и/или структурирования, ограничиваясь, однако, клинической симптоматикой. Описательный характер критериев, конкретизируемых за счет внешней «фактуры» интернет-зависимости, не проясняет внутреннюю сущность феномена. Ограничения клинического подхода очевидны в условиях массового применения информационных технологий. Принимая взгляд на них как на психотехнологии (Schimmenti A., Caretti V. [цит. по: Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 9–10], остается признать,

что в скором времени психология может стать киберпсихологией.

В связи с этим особый интерес представляет изучение процессов, происходящих при обычном повседневном применении разнообразных технических средств связи и получения информации, начало которому положено в исследованиях В.А. Емелина (2009, 2010, 2014, 2015, 2016), А.Ш. Тхостова, В.А. Емелина (2010, 2011, 2014, 2015), В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова (2012, 2013, 2015, 2016).

Актуальность предложенной авторами модели психологических последствий «нормативного» применения Интернета, мобильной связи, компьютера (в широком смысле) определяется также использованным авторами принципиально новым подходом, предполагающий изучение конкретных психологических факторов и механизмов, посредством которых возможности, открываемые техническими средствами, инкорпорируются человеческой психикой, перестраивают ее, способствуя, в частности, и формированию технологических зависимостей [Емелин В.А. и др., 2012а, 2012b; Рассказова Е.И. и др., 2015]. Системообразующий вектор последствий применения технических средств в обсуждаемой модели представляют связанные с изменением психологических границ, что послужило основанием для названия оригинального диагностического инструментария: методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ–ТС). Изменение психологических границ имеет отношение к двум другим векторам модели: к трансформации структуры потребностей и формирования психологической зависимости, на основе которой представлен аддиктивный потенциал технологий.

Авторы опираются на концепцию телесности А.Ш. Тхостова, относящего к последней не только физическое, но и социальное тело. Границы телесности отделяют Я от не-Я, «мое» от «не моего» на основании внутреннего критерия, подразумевающего возможность контроля. Технические средства существенно осложняют непростую динамику границ телесности (идентичности). Их практически бесконечное расширение В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова называют в качестве первого и очевидного изменения, вызванного новыми технологиями, отмечая в целом несоразмер-

ность возможностей, открываемых технологиями, физическим возможностям человека. Это касается мобильных устройств с множеством функций, которые, в отличие от стационарных телефонов, превратившись в некое подобие органов тела, несоизмеримо сильнее влияют на жизнь людей, буквально преобразая ее. Второе важное изменение, неотделимое от расширения психологических границ, авторы усматривают в их размывании. Доступность объектов, особенно других людей и без использования технических средств автоматически не означает их подконтрольности, а с использованием связи, исключаящей физический контакт, опосредствованной множеством случайных факторов (наличием гаджета, его исправностью, состоянием сети и т.д.), так что сама доступность становится частичной и иллюзорной. Склонность субъективного переживания игнорировать эти факторы не в последнюю очередь обязана своим происхождением отмечаемой авторами модели особенности технических средств: их устройство для большинства людей остается тайной. Всегда находящиеся под рукой «волшебные помощники» актуализируют исключительное критическое мышление. Среди факторов, поддерживающих иллюзию доступности (и подконтрольности), В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова называют также сложившиеся негласные правила пользования телефоном, предписывающие быть на связи, следить за поступающими сообщениями, отвечать в случае звонка. Стертые в опосредствованном общении границы собственного Я, с одной стороны, порождают у человека ощущение безопасности (можно не отвечать на нежеланный звонок, взять тайм-аут для ответа, ограничиться СМС-сообщением и т.д.), а с другой — открывают доступ к его личному пространству, угрожают утратой приватности.

Изменение психологических границ при использовании информационных технологий лежит в основе другого вектора последствий, соотносимого с психологической зависимостью. Эта наиболее ярко проявляется в киборгизации, расширении границ физического Я, в которое техническое средство включается практически наравне с частями тела, и инвалидизации, переживании беспомощности при его недоступности. Третий вектор изменений связан с новыми потребностями, которые формируют тех-

нологии: в том, чтобы быть (считаться) продвинутым пользователем, постоянно находиться на связи, в «статусном» телефоне, наличии в нем дополнительных функций, среди которых наиболее востребованы мобильный Интернет, фото, видеокамера, диктофон. Эти потребности не в последнюю очередь обусловлены включением персонализированных гаджетов в структуру идентичности.

В отличие от симптомов интернет-зависимости последствия нормативного использования информационных технологий неоднозначны с точки зрения влияния на человека. Негативные последствия, предполагающие формирование аддикции с полным набором симптоматики, представляют собой результат искажения рассмотренных процессов нормативного использования технических средств в условиях действия ситуативных и личностных факторов, при которых технология приобретает большую притягательность, чем реальная жизненная ситуация [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 26].

Есть основания считать, что информационные технологии предоставляют их пользователям, помимо возможности изменения психологических границ, другую, вероятно, связанную с ней возможность — убежать из собственного тела, которую Б. Бекер называет одним из главных факторов, мотивирующих участие в виртуальной коммуникации (Becker B. (1997) [цит. по: Жичкина А.Е., Белинская Е.П., 2004]. М. Маклюэн обращал внимание на отсутствие физического тела у пребывающего в эфире человека, и в связи с этим радикальное изменение всех его отношений [К столетию Маршалла Маклюэна..., 2011]. Аналогичным образом английский экзистенциальный психолог, психиатр Р.Д. Лэйнг определял шизоидный способ бытия-в-мире в системе категорий онтологической неуверенности (ontological insecurity), невоплощенности (unembodiment), которым противопоставлял онтологическую уверенность (ontological security), воплощенность (embodiment) как «обычных», так и психологически здоровых людей.

От других феноменов, соотносимых с психологическим здоровьем, с подлинностью существования в концепциях Л. Бинсвангера, Р. Мэя, В. Франкла, А. Лэнгле, С. Мадди (экзистенциальная сила, онтологическая сила, воля к

смыслу, экзистенциальная исполненность, жизнестойкость), онтологическую уверенность отличает то, что соответствующее ей экзистенциальное положение (existential position, existential setting) предполагает воплощенное (в теле) Я (embodied self). Из формул онтологической уверенности (я/тело) ↔ другой, (я/тело) ↔ мир (английские аналоги: (self/body) ↔ other, (self/body) ↔ world) [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 77, 184; Laing R.D., 2010, p. 82, 174] также следует, что это положение подразумевает наличие вполне определенной естественной границы между Я и не-Я, совпадающей с границами физического тела человека. Воплощение Я в теле является предпосылкой его воплощения в теле социальном и шире «прямого участия в любом аспекте жизни этого мира, который опосредован исключительно благодаря телесному восприятию, чувствам и действиям» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 63]. Воплощенность Я, отчетливость границы между Я и не-Я составляют предпосылки переживания личностной автономии и в то же время связанности с людьми и миром. Соответствующее противоречие человеческого существования, отмеченное, помимо Р.Д. Лэйнга, Э. Фроммом, Р. Мэем и др., в основном совпадает с тем, что А. Лэнгле назвал экзистенциальным антагонизмом, присущим состоявшейся, «полной», целостной жизни [Лэнгле А., 2006, с. 80]. Онтологическую уверенность как переживание человеком своего бытия раскрывают выражения «переживать самое себя “вместе с” остальными или “как у себя дома” в этом мире», эта уверенность подразумевает «чувство целостности своего бытия, непрерывности времени и местоположения в пространстве» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 6, 35] и является основанием любой уверенности.

К изложенным выше идеям Р.Д. Лэйнг приходит, изучая онтологическую неуверенность своих пациентов, шизоидов и шизофреников, которые на реальные или мнимые угрозы, исходящие от мира, посягательства других людей на их свободу быть собой отвечали радикальным отчуждением тела, подверженного ввиду его положения на границе между Я и не-Я управлению извне. В итоге тело превращалось в ядро ложного Я (false self), состоящего из масок, ролей, вынужденных идентификаций. Себя пациенты отождествляли исключительно с внутренним ментальным Я. В положении онто-

логической неуверенности я ↔ (тело – другой) или я ↔ (тело – мир) (английские аналоги: self ↔ (body – other), self ↔ (body – world)) [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 77, 147; Laing R.D., 2010, p. 82, 143] Я не воплощено в теле (unembodied self). Хотя «каждый человек, даже самая невоплощенная личность, переживает самого себя как сложным образом связанного со своим телом» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 60], передача «врат деяния» ложному Я приводит к тому, что уделом истинного Я становится по преимуществу бытие-созерцание, наблюдение за жизнью ложного Я в мире, разделяемом с другими людьми. Отношения с ними сводятся к крайностям изоляции – слияния, необходимым для поддержания существования развоплощенного Я. Еще одно следствие раскола Я состоит в нарушении психологических границ, в том, что «заронено зерно постоянного схождения, слияния или путаницы на границе между “здесь” и “там”, “внутри” и “снаружи”, поскольку тело не твердо ощущается как “Я” в противоположность “не-Я”» [Лэйнг Р.Д., 2017, с. 184]. Невоплощенность (ментального Я в теле), объединяющая новый технологический способ бытия-в-мире с представленным в концепции Р.Д. Лэйнга шизоидным, позволила рассматривать последний в качестве модели интернет-зависимости, замыкающей человека в виртуальной реальности [Коптева Н.В., 2017].

Следует ожидать, что по сравнению с интернет-аддикцией, характеризующейся преобладанием технологического способа бытия-в-мире, при нормативном использовании информационных технологий, относительной сбалансированности этого способа с другими негативные последствия в виде онтологической неуверенности, невоплощенности будут выражены в меньшей мере. Полученные авторами методики МИГ–ТС2 данные о вкладе психологических изменений, имеющих место при «обычном» использовании технологий, в субъективное благополучие и качество жизни человека, позволяют также прогнозировать их неоднозначную (в отличие от интернет-зависимости) связь с обсуждаемыми экзистенциальными последствиями.

На основании изложенного можно выдвинуть конкретные гипотезы эмпирического исследования: 1) пользователям с более выраженными нормативными последствиями примене-

ния технологий (изменением психологических границ, потребностей, психологической зависимостью) в меньшей мере свойственны переживания элементов бытия-в-мире как опор, а также экзистенциального антагонизма (автономии и одновременно связанности с людьми и миром), при этом их в большей мере отличает отличие ложного Я; 2) среди последствий нормативного применения технологий и их частных измерений имеются:

- связанные с проявлениями онтологической уверенности более тесно (изменение психологических границ и психологическая зависимость) и менее тесно (изменение потребностей);
- предполагающие снижение онтологической уверенности (частные параметры изменения психологических границ и психологическая зависимость), ее рост (частные параметры изменения потребностей), а также нейтральные по отношению к ней (частные параметры изменения психологических границ и потребностей).

Организация и методики исследования

Инструментарий, использованный для диагностики онтологической уверенности (ОУ), воплощенности, восходит к общепсихологическому двухуровневому конструкту, созданному на основе концепции Р.Д. Лэйнга [Коптева Н.В., 2015].

Отправной точкой уровня менее дифференцированных базовых переживаний онтологической уверенности служат переживания человеком собственного воплощенного Я, которые, распространяясь на другие элементы бытия-в-мире, становятся опорами, «сшивают» пространство бытия в единое целое. Переживания онтологической уверенности этого уровня диагностирует методика ОУ(СД), построенная на принципе семантического дифференциала. Для выявления переживания человеком элементов бытия-в-мире в качестве опор респондентам предлагаются оппозиции прилагательных, соответствующих критериям близости, ценности и оценки. Из 5 первичных шкал *уверенность в ментальном Я* и *уверенность в теле* составляют уверенность в Я, *уверенность в значимом*, *уверенность в людях*, *уверенность в мире* — уверенность в том, что относится к не-Я, переживания единства своей сущности с тем, что состав-

ляет индивидуальную ценность, причастности к другим людям, единородности с миром. Частные шкалы объединяет общий показатель, характеризующий ОУ как переживание уверенности в собственном Я и за его пределами, переживание опор в пространстве бытия.

Уровень более дифференцированных переживаний онтологической уверенности составляют переживания, имеющие отношение к личностной автономии и связанности с другими людьми, миром, для диагностики которых предназначена психометрическая методика ОУ(ПМ). Она включает 30 пунктов, образующих четыре первичные шкалы. Три шкалы являются измерениями ОУ: *автономия, витальные контакты с миром, витальные контакты с людьми*. Шкала *ложное Я* характеризует онтологическую неуверенность, наличие раскола Я, невоплощенность. Общий показатель ОУ как переживания автономии, отделенности от других людей, мира и одновременно связанности с ними вычисляется путем сложения первых трех шкал, из суммы которых вычитается показатель шкалы *ложное Я* [Коптева Н.В., 2015].

В ранее проведенном эмпирическом исследовании онтологической уверенности при разной выраженности интернет-зависимого поведения было установлено снижение ее различных проявлений и рост онтологической неуверенности (ложного Я) от группы интернет-независимых к группе склонных к формированию зависимого поведения и собственно зависимых пользователей. Эти группы были выявлены с помощью «Китайской шкалы зависимости от Интернета» (CIAS) С.-Х. Чена, разработанной на Тайване и адаптированной в России [Малыгин В.Л. и др., 2011; Chen Y.F., Peng S.S., 2008; Yen J.-Yu et al., 2009]. В последней из групп обнаружены более низкий уровень уверенности в теле по сравнению с уверенностью в ментальном Я и отсутствие различий между переживанием бытийных опор, относящихся к Я и не-Я, что может указывать на ненормативную границу, соответствующую расколу целостного Я, а также на недифференцированность границ в пространстве бытия [Коптева Н.В., 2017]. В целом эти данные могут интерпретироваться как свидетельства невоплощенности и нарушения психологических границ в связи с ростом выраженности технологического способа бытия-в-мире.

В настоящем исследовании в целях изучения последствий нормативного применения информационных технологий применялась методика оценки изменения психологических границ при использовании техническими средствами (МИГ–ТС2), форма для мобильного телефона [Расказова Е.И. и др., 2015]. Шкала психологической зависимости этой методики не претендует на выявление всей соответствующей симптоматики. Ввиду отсутствия инструмента для диагностики зависимости от мобильной связи, для полноты картины последствий информационных технологий была использована уже упомянутая шкала С.-Х. Чена. К аргументам, оправдывающим ее применение в данном случае, можно отнести понимание аддикции как усугубляющей процессы использования технических средств в норме, широкую эксплуатацию в современных смартфонах мобильного Интернета, наличие у большинства пользователей сразу нескольких технических средств и условный характер выделения в их совокупном влиянии на человека последствий применения каждого по отдельности.

Объем выборки исследования — 121 чел. Выборку составили студенты гуманитарного профиля вузов г. Перми (возраст: от 18 до 22 лет).

Результаты

Группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования мобильной связи и уровнем онтологической уверенности

С помощью кластерного анализа центров К-Mean Cluster суммарных шкал методики МИГ–ТС2 были выделены две группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования информационных технологий (рис. 1, табл. 1).

В первой группе (N = 65) менее выражены, чем во второй, последствия использования мобильной связи: изменения психологических границ (расширение, «размывание», утрата приватности) и изменения в сфере потребностей (субъективная значимость функциональности, удобства, количества дополнительных функций технических устройств, создаваемого ими имиджа). Для этой группы в меньшей степени, нежели для других, характерна психоло-

гическая зависимость, объединяющая изменения, связанные с частотой, мерой использования мобильного устройства и возможностью отказа от него. Три соответствующих показателя в группе ниже средних значений, полученных авторами методики в ходе ее апробации [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115]. Вторую

группу (N = 56) составили респонденты, у которых показатели изменения психологических границ, потребностей и психологической зависимости превышают средние значения, полученные авторами методики [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115].

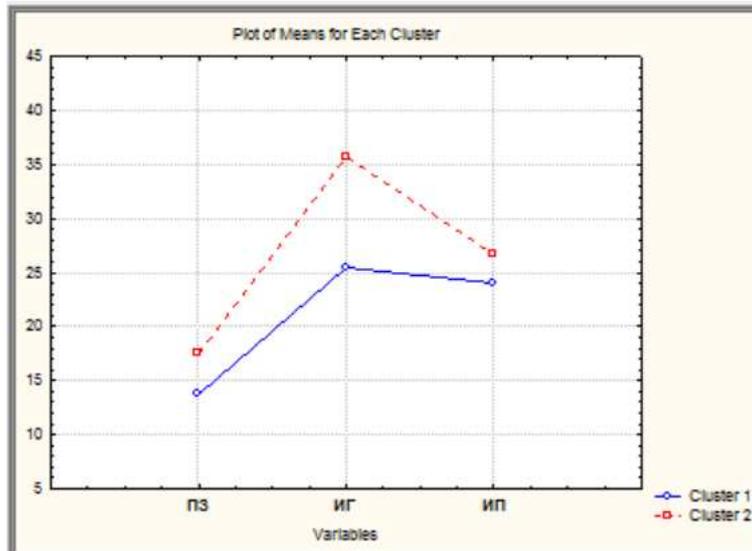

Рис. 1. Группы респондентов, различающиеся выраженностью последствий использования мобильной связи

Fig. 1. Groups of respondents differing in the degree of consequences of mobile phones use

Таблица 1. Различия групп по выраженности последствий использования мобильной связи

Table 1. Differences between groups according to the degree of consequences of mobile phones use

	Группы	
	с более выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи	с менее выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи
Кол-во чел	56	65
	Mean	Mean
Психологическая зависимость (14,9)*	18,2	13,8
Изменение психологических границ (28,48)*	35,8	27,0
Изменение потребностей (24,6)*	26,7	24,1

* суммарные средние показатели по соответствующим частным шкалам, приводимым авторами методики [Рассказова Е.И. и др., 2015, с. 115].

* aggregate figures on the relevant scales as presented by the authors of the procedure [Rasskazova E.I. et al., 2015, p. 115].

При сопоставлении характеристик групп с помощью t-критерия (табл. 2) установлено, что во второй группе также выше все частные показатели психологических последствий использования мобильной связи (*невозможность отказа, субъективная зависимость, расширение границ в общении, рефлексия нарушения границ,*

предпочтение технологии – простота, предпочтение технологии – возможности, удобство, создание имиджа). Различия между группами отсутствуют только по частной шкале изменения потребностей (*функциональность*), свидетельствующей о субъективной значимости выполнения телефоном основной функции —

обеспечения мобильной связи. То есть телефон как средство связи обе группы используют в равной мере. Подтверждением того, что представители группы с более выраженными психологическими последствиями использования технологии в большей мере задействуют все разнообразие предоставляемых ей функций, могут служить обнаруженные между группами различия по шкалам *субъективная зависимость*, *предпочтение технологии — возможности и удобство*.

Общий CIAS балл, объединяющий симптоматику интернет-зависимости (компульсивные симптомы, симптомы отмены, толерантности) и проблемы, связанные с нею (внутриличностные, со здоровьем, а также с управлением временем), в группе с более выраженными последствиями применения мобильной связи составил 60,6. На его близость к верхней границе склонности к аддикции указывают нормативные интервалы теста для русскоязычной выборки: от 27 баллов до 42 — отсутствие интернет-зависимого пове-

дения, от 43 баллов до 64 — склонность к возникновению интернет-зависимого поведения / доаддиктивный этап, от 65 баллов и выше — наличие интернет-зависимого поведения (поведения с компонентом злоупотребления Интернетом) [Малыгин В.Л. и др., 2011, с. 28]. В группе с менее выраженными последствиями использования мобильной связи общий CIAS балл 45,1 приближается к нижней границе склонности к возникновению интернет-зависимого поведения. Полученные данные согласуются с представлением об аддикции как о своеобразном продолжении процессов, имеющих место при нормативном применении технологий, и дополняют характеристику групп. Обе они составлены склонными к интернет-зависимости пользователями (ее отсутствие обнаружилось только у 29 чел., т.е. 25,9 % выборки) и могут условно считаться группами, различающимися между собой последствиями нормативного применения информационных технологий (мобильной связи и интернета).

Таблица 2. Различия групп по частным характеристикам психологических последствий использования мобильной связи и интернет-зависимости

Table 2. Differences between groups according to the specific characteristics of the psychological consequences of mobile phones use and Internet addiction

Методики, показатели		Группа		t-value	p
		с более выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи	с менее выраженными психологическими последствиями использования мобильной связи		
		Mean	Mean		
Психол. зависимость	Невозможность отказа	8,8	7,7	4,3	0,000
	Субъективная зависимость	9,4	6,1	8,3	0,000
Изменение психол. границ	Расширение границ в общении	8,6	7,3	2,6	0,012
	Рефлексия нарушения границ	8,9	6,1	6,9	0,000
	Предпочтение технологи – простота	8,4	6,0	5,5	0,000
	Предпочтение технологии – возможности	9,9	7,6	7,6	0,000
Изменение потребностей	Функциональность	9,3	9,4	-0,3	0,777
	Удобство	10,4	9,6	2,2	0,026
	Создание имиджа	6,9	5,6	2,9	0,005
Общий CIAS балл		60,6	45,1	8,0	0,000

Полученные группы также можно рассматривать как группы, различающиеся представленностью технологического модуса бытия-в мире (табл. 3). Представители группы с большей его выраженностью в меньшей степени

демонстрируют онтологическую уверенность, чем представители второй группы. Показатели переживания опор в пространстве бытия-в мире, в собственном Я и за его пределами, а также экзистенциального антагонизма, автоно-

мии и в то же время связанности с людьми и миром у них ниже (5,4 и 58,9), чем в группе, которую этот модус характеризует в меньшей мере (5,8 и 67,5) (табл. 3) (на выборке 500 чел. ранее были установлены средние значения для методик: 5,6 и 69,6).

С точки зрения частных измерений онтологической уверенности обоих уровней группы прежде всего различаются по показателям, соотносимым с переживаниями собственного Я как ядра индивидуального бытия:

- *уверенности в ментальном Я и уверенности в теле* (5,7, 5,5 и 6,3, 6,0), взаимосвязь которых позволяет рассматривать их как свидетельствующие об уверенности респондентов в собственном воплощенном Я;
- *автономии* (27,8 и 29,1);
- *ложного Я* (19,9 и 16,6).

Группу с более выраженным технологическим модусом бытия в меньшей мере характеризуют переживания уверенности в Я, личностной автономии, в ней также ниже уверенность в значимом (6,5 и 6,2), которую можно рассматривать как уверенность в особом, ценностном уровне Я [Рубинштейн С.Л., 2000]. Ее представителей в большей мере, чем представители другой группы, отличают переживания ложного Я, отстраненности от собственного тела и поведения. Более низкий показатель, соотносимый с не-Я (*витальные контакты с миром* (23,3 и 25,1)), указывает на их меньшую удовлетворенность жизнью, дефицит переживаний, передаваемых метафорическими образами: «твердо стоять обеими ногами на земле» (по Л. Бинсвангеру), «чувствовать себя в этом мире как дома» (по Э. Фромму, Р.Д. Лэйнг).

Таблица 3. Различия групп по характеристикам онтологической уверенности

Table 3. Differences between groups according to the characteristics of ontological security

Методики, показатели			Группы		Статистики	
			с более выраженным технологическим модусом бытия	с менее выраженным технологическим модусом бытия		
			Mean	Mean	t-value	p
ОУ(СД)	Переживание бытийных опор	в значимом	6,2	6,5	-2,1	0,036
		в Я	5,7	6,3	-3,8	0,000
		в теле	5,5	6,0	-2,8	0,007
		в людях	5,1	5,4	-1,6	0,118
		в мире	4,4	4,8	-1,8	0,072
		Общий показатель	5,4	5,8	-3,7	0,000
ОУ(ПМ)	Переживания автономии, связанности	Витальные контакты с миром	23,3	25,1	-2,0	0,047
		Витальные контакты с людьми	29,5	31,2	-1,7	0,097
		Автономия	26,1	27,8	-2,0	0,050
		Ложное Я	19,9	16,6	3,6	0,000
		Общий показатель	58,9	67,5	-3,0	0,004

Снижение бытийной уверенности, являющейся основанием любой уверенности, почти в половине выборки с преобладанием технологического модуса бытия можно связать с ранее отмеченной несоразмерностью открываемых технологиями возможностей с натуральными возможностями, с тем, что «они ставят перед человеком задачу на преодоление этой несоразмерности, сохранение целостности своего “Я” и образа мира» [Расказова Е.И. и др., 2015, с. 7].

Для проверки гипотезы в части связей психологических последствий нормативного использования мобильной связи и измерений онтологической уверенности был использован корреляционный анализ в общей выборке.

Корреляции психологических последствий использования мобильной связи и измерений онтологической уверенности

Как и ожидалось (табл. 4), рост изменений психологических границ предполагал рост ложного Я (3 прямых связи) и снижение ряда показателей онтологической уверенности (23 обратных связи). Однако практически все эти связи образовали изменения психологических границ, соотносимые с двумя шкалами: *предпочтение технологии – простота и рефлексия нарушения приватности*.

Таблица 4. Корреляции онтологической уверенности и изменения психологических границ как последствия использования мобильной связи

Table 4. Correlations between ontological security and changes of psychological boundaries as the effects of mobile phones use

	Расширение границ в общении	Рефлексия нарушения границ	Предпочтение технологии – простота	Предпочтение технологии – возможности	Изменения психологических границ
Уверенность в значимом	0,01	-0,25**	-0,12	-0,01	-0,16
Уверенность в ментальном Я	-0,04	-0,23*	-0,39***	-0,09	-0,32***
Уверенность в теле	-0,01	-0,29**	-0,38***	-0,13	-0,34***
Уверенность в людях	0,12	-0,17	-0,07	-0,08	-0,08
Уверенность в мире	-0,12	-0,13	-0,07	0,00	-0,14
Общий показатель ОУ (СД)	-0,01	-0,32***	-0,30**	-0,10	-0,30***
Витальные контакты с миром	0,03	-0,20*	-0,22*	0,12	-0,13
Витальные контакты с людьми	0,23*	-0,24*	-0,23*	0,01	-0,09
Автономии	-0,03	-0,19*	-0,26**	0,05	-0,19*
Ложное Я	0,15	0,30**	0,35***	0,17	0,41***
Общий показатель ОУ(ПМ)	0,03	-0,30**	-0,34***	0,00	-0,26***

Примечание: коэффициенты корреляции по К. Пирсону (здесь и далее): * — при $p < 0,05$, ** — при $p < 0,01$, *** — при $p < 0,001$.

Note: Pearson's correlation coefficients (hereinafter): * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$, *** — $p < 0.001$.

Рефлексии нарушения приватности соответствуют пункты МИГ–ТС2¹, свидетельствующие о нежелании все время быть «в зоне доступа» для других людей, перезванивать тем, кто звонил, и т.д., о том, что расширение и размывание границ идентичности, привнесенное в жизнь вместе с технологиями, осознается пользователями как обременительная доступность множеству абонентов. Рефлексия дискомфорта в условиях избыточной открытости, возможно, актуализирует ложное Я ($r = 0,30$ при $p < 0,01$) и характерные для него переживания опасности, угрозы со стороны других людей: «Мир — тюрьма без решеток» (по Р.Д. Лэйнгу), «ходить по тонкому льду» (по Л. Бинсвангеру).

Предпочтение технологии ввиду ее простоты и безопасности (пункты, указывающие на предпочтение СМС-сообщений реальным разговорам, общения по мобильному телефону личному общению) также предполагает рост проявлений ложного Я ($r = 0,35$ при $p < 0,01$). Опосредствованное мобильной связью общение предоставляет ряд возможностей, связанных с неопределенностью топологии идентичности, как собственной, так и других людей (оставаться неузнанным, не вовлекаться в предмет обсужде-

ния, получать отсрочку, уклоняться от ответа), маловероятных или труднодостижимых в общении лицом к лицу. Однако злоупотребление опосредствованными контактами может обернуться отчуждением и связанным с ним самоотчуждением, присущим ложному Я, переживаниями разрыва между внутренней сущностью и маской, ролью. Простота общения с помощью технических средств подобна той, к которой стремится шизоид, усматривающий в любой паре устремленных на него глаз взгляд горгоны Медузы. Чтобы обезопасить себя, он сохраняет анонимность, отказывается от чувств в общении, увеличивает психологическую дистанцию между собой и другим, придерживается установки на внешнее согласие. Уклоняясь от живых диалектических отношений с реальными людьми, шизоид в итоге связывает себя «лишь с деперсонализированными личностями, с фантомами собственных фантазий (имаго)» [Лэйнг Р.Д., 2017 с. 73]. Почти то же самое можно сказать по поводу общения, ограниченного техническими средствами.

С ростом предпочтения технологии ввиду ее простоты, а также рефлексии утраты приватности снижается переживание:

- бытийных опор в теле и ментальном Я ($r = 0,38$, $0,39$ при $p < 0,001$, $r = 0,23$ при $p < 0,05$, $r = 0,29$ при $p < 0,01$), что можно объяснить отмеченной ранее несоразмерностью новых расширенных границ Я с

¹ Так как определения частных шкал в МИГ–ТС2 отсутствуют, приводятся примеры содержания соответствующих им пунктов.

физическими возможностями воплощенного в теле Я, составляющего ядро индивидуального бытия, размыванием его естественных границ;

- автономии ($r = 0,26$ при $p < 0,01$ и $r = 0,19$ при $p < 0,05$), переживания себя в качестве независимой, способной к самостоятельному выбору личности.

Итак, обе характеристики изменения психологических границ, о которых идет речь, предполагают снижение проявлений онтологической уверенности, относящихся к Я (уверенности в ментальном Я и теле, в индивидуальной ценности, автономии), и рост ложного Я, по которым обнаружены различия в группах с более и менее выраженным технологическим модусом бытия.

Осознание проницаемости личных границ и предпочтение опосредствованного общения негативно отражается не только на личности, но и на ее *витальных контактах с людьми* ($r = 0,24$ и $r = 0,23$ при $p < 0,05$), подразумевающих интерес к ним, удовольствие от общения, опыт диалогического общения «Я – ТЫ», а также на *витальных контактах с миром* ($r = 0,20$ и $r = 0,22$ при $p < 0,05$), переживании его надежности.

Соответственно, с ростом предпочтения технологии ввиду ее простоты, рефлексии утраты приватности снижается онтологическая уверен-

ность в своих основных измерениях: как переживание бытийных опор в собственном Я и за его пределами, а также как переживание автономии и одновременно связанности с людьми и миром ($r = 0,30$ при $p < 0,01$, $r = 0,32$ при $p < 0,001$, $r = 0,34$ при $p < 0,001$, $r = 0,30$ при $p < 0,01$).

В отличие от двух обсуждаемых шкал, две другие шкалы изменения психологических границ (*расширение границ в общении и предпочтение технологии — возможности*) (в соответствующих им пунктах методики выражается беспокойство или раздражение по поводу того, что абонент не снимает трубку, признается важность предоставляемой мобильным телефоном возможности в любой момент позвониться до абонента, отмечается незаменимость мобильного телефона в ситуациях долгого ожидания, необходимости отвлечься от неприятного разговора, события или просто чем-то занять себя) оказались нейтральными в отношении онтологической уверенности. Причина может заключаться в том, что эти изменения соотносятся как с удобствами, предоставляемыми мобильной связью, так и с ее неизбежными ограничениями в условиях расширенных и размытых психологических границ.

Таблица 5. Корреляции онтологической уверенности и изменения потребностей как последствия использования мобильной связи

Table 5. Correlations of ontological security and changes of needs as the effects of mobile phones use

	Функциональность	Удобство	Создание имиджа	Изменение потребностей
Уверенность в значимом	0,14	0,01	-0,08	0,03
Уверенность в ментальном Я	0,13	0,07	0,00	0,09
Уверенность в теле	0,19*	-0,07	0,00	0,06
Уверенность в людях	0,17	-0,09	0,32***	0,23*
Уверенность в мире	0,04	-0,03	0,06	0,04
Общий показатель ОУ СД)	0,20*	-0,04	0,12	0,15
Витальные контакты с миром	0,39***	0,04	0,14	0,28**
Витальные контакты с людьми	0,34***	0,02	0,21*	0,29**
Автономии	0,46***	-0,01	0,18	0,32***
Ложное Я	-0,27**	-0,08	-0,03	-0,18
Общий показатель ОУ (ПМ)	0,46***	0,04	0,18	0,34***

По нашим данным, в отличие от показателей шкал изменения психологических границ с показателем другого вектора последствий использования технологий — трансформации потребностей вследствие использования мобильной связи — измерения онтологической уверенности

коррелируют положительно (13 связей), за исключением связи с ложным Я (табл. 5). Но и в этом случае все связи образует изменение потребностей, соотносимых с *функциональностью, значимостью основной функции мобильного телефона* (пункты методики, отражающие удоб-

ство мобильного телефона, позволяющего всегда быть на связи, простоту общения, возможность дозвониться до абонента в любой момент). Появление ценности мобильной связи в условиях глобализации, мобильности населения, современного темпа жизни, усложнения стоящих перед человеком задач, а главное, практически гарантированное удовлетворение соответствующих потребностей может служить фактором онтологической уверенности как переживания экзистенциального антагонизма: автономии и витальных контактов с миром и людьми. Потребность быть на связи (в отличие от принуждения к связи) снижает степень проявления ложного Я. Корреляция *потребности в создании имиджа* с уверенностью в людях и восприятием своих контактов с ними как витальных ($r = 0,32$ при $p < 0,001$, $r = 0,21$ при $p < 0,5$) подразумевает социальную природу желаемого Я-образа.

Вопреки гипотезе, обнаружили лишь единичные связи характеристики онтологической неуверенности, ложного Я с общим показателем третьего вектора последствий — психологической зависимости и соответствующей ей частной шкалы *субъективной зависимости* ($r = 0,25$, $0,25$ при $p < 0,1$), содержание пунктов которой говорит о том, что мобильный телефон отнимает больше времени, чем хотелось бы, об использовании его даже при отсутствии необходимости. Слабая обратная связь *невозможности отказа* (пункты методики, указывающие на невозможность представить свою жизнь без мобильного телефона, дискомфорт при его отсутствии) с уверенностью в теле ($r = -0,20$ при $p < 0,5$) может указывать на снижение переживания воплощенности при нормативном использовании технологии, ранее обнаруженное при интернет-зависимости [Коптева Н.В., 2017].

Заключение

К последствиям использования информационных технологий, помимо предусмотренных в модели В.А. Емелина, А.Ш. Тхостова, Е.И. Расказовой, можно также отнести дефицит воплощенности Я. Полученные данные позволяют судить об этом скорее косвенно, на том основании, что у пользователей одной из этих технологий (мобильной связи) с более выраженными изменениями психологических границ, потребностей и психологической зависимости ниже уровень онтологической уверенности (как переживания

бытийных опор, а также автономии и связанности с людьми и миром), являющейся условием воплощенности. Они также менее уверены в собственном Я как ядре индивидуального бытия при более высоком уровне переживания подмены его масками и ролями ложного Я.

В отличие от интернет-зависимости, предполагающей снижение онтологической уверенности и ее измерений, связь с ней последствий нормативного использования мобильного телефона носит избирательный характер. Как и ожидалось, снижение онтологической уверенности и рост проявлений ложного Я оказались в наибольшей мере связаны с изменением психологических границ, причем как с предпочтением технологии ввиду ее простоты, так и с рефлексией нарушения собственной приватности. То есть взаимосвязанные переживания проницаемости собственных психологических границ и дефицита воплощенности могут побуждать пользователя все чаще прибегать к безопасному опосредствованному общению. Последнее, предполагая размытость не только границ абонента, но и собственных границ пользователя, в свою очередь, может усиливать у него переживание невоплощенности.

Изменение потребностей (в основном по критерию *функциональности, значимости основной функции мобильного телефона* — обеспечения связи), напротив, предполагает рост ряда измерений онтологической уверенности и снижение ложного Я, что соответствует условиям жизни человека в современном глобальном мире.

Ряд частных параметров психологических изменений, являющихся следствиями применения мобильной связи (*расширение границ в общении, предпочтение технологии – возможности, удобство*), соотносимых как с возможностями, предоставляемыми мобильной связью, так с ее неизбежными ограничениями, оказались нейтральными в отношении онтологической уверенности.

Нейтральность психологической зависимости по отношению к измерениям онтологической уверенности может указывать на ограниченность эффектов киборгизации, сращения с гаджетом при его нормативном использовании.

В ходе проведенного исследования было обнаружено, что инструментарий измерения онтологической уверенности не вполне соответ-

ствуует задачам диагностики невоплощенности как экзистенциального последствия применения информационных технологий, характеристики технологического модуса бытия-в-мире. В настоящее время завершается разработка методики, специально предназначенной для этой цели.

Список литературы

- Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1(7). С. 81–87.
- Емелин В.А., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ–ТС) // Психологические исследования. 2012. № 2(22). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/655-emelin22.html> (дата обращения: 14.11.2019).
- Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью // Флогистон. 2004. 14 фев. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 14.11.2019).
- Коптева Н.В. Онтологическая уверенность как экзистенциальное измерение психологического здоровья // Волочков А.А., Коптева Н.В., Попов А.Ю. и др. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 135–160.
- Коптева Н.В. Онтологическая уверенность при разной выраженности интернет-зависимого поведения // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/65/1>
- К столетию Маршалла Маклюэна // Радио Свобода. 2011. URL: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> (дата обращения: 22.06.2017).
- Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я»: Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: ИОИ, 2017. 350 с.
- Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. статей. М.: Генезис, 2006. 159 с.
- Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб. пособие. М.: МГМСУ, 2011. 32 с.
- Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие. М.: Акрополь, 2015. 115 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 684 с.

- Chen Y.F., Peng S.S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation // *CyberPsychology & Behavior*. 2008. Vol. 11, iss. 4. P. 467–469. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>
- Yen J.-Yu, Yen C.-F., Chen C.-S. Tang T.-C., Ko C.-H. The Association between Adult ADHD Symptoms and Internet Addiction among College Students: The Gender Difference // *CyberPsychology & Behavior*. 2009. Vol. 12, iss. 2. P. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>
- Laing R.D. The Divided Self. An Existential Study in Sanity and Madness. L., UK: Penguin Books, 2010. 218 p.

Получено 22.12.2019

References

- Chen, Y.F. and Peng, S.S. (2008). University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation. *CyberPsychology & Behavior*. Vol. 11, iss. 4, pp. 467–469. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>
- Emelin, V.A., Rasskazova, E.I. and Tkhostov, A.Sh. (2012). *Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy* [Psychological effects of the development of information technology]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 1(7), pp. 81–87.
- Emelin, V.A., Tkhostov, A.Sh. and Rasskazova, E.I. (2012). *Razrabotka i aprobatsiya metodiki otsenki izmeneniya psikhologicheskikh granits pri pol'zovanii tekhnicheskimi sredstvami (MIG–TS)* [Development and validation of the technique for measurement of changes of psychological boundaries while using technical devices (TPB–TD)]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. No. 2(22). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/655-emelin22.html> (accessed 14.11.2019).
- Yen, J.-Yu, Yen, C.-F., Chen, C.-S. et al. (2009). The association between adult ADHD symptoms and Internet addiction among college students: The gender difference. *CyberPsychology & Behavior*. Vol. 12, iss. 2, pp. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>
- K stoletiyu Marshalla Maklyuena* (2011) [To the centenary of Marshall McLuhan]. *Radio Svoboda*. Available from: <http://www.svoboda.org/a/24269535.html> (accessed 22.06.2017).

Kopteva, N.V. (2015). *Ontologicheskaya uverenost' kak ekzistentsial'noe izmerenie psikhologicheskogo zdorov'ya* [Ontological confidence as an existential dimension of psychological health]. Volochkov A.A., Kopteva N.V., Popov A.Yu. i dr. *Aktivnost', tsennostnaya napravlenost' i psikhologicheskoe zdorov'e studenchestva* [Volochkov A.A., Kopteva N.V., Popov A.Yu. et al. Activity, value orientation and psychological health of students]. Perm: PSHPU Publ., pp. 135–160.

Kopteva, N.V. (2017). *Ontologicheskaya uverenost' pri raznoy vyrazhennosti internet-zavisimogo povedeniya* [Ontological security with different degrees of internet addiction disorder]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 65, pp. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/65/1>

Laing, R.D. (2010). *The divided self. An existential study in sanity and madness*. London, UK: Penguin Books Publ., 218 p.

Laing, R.D. (2017). *Raskolotoe «Ya». Fenomenologiya perezivaniya i Rayskaya ptichka* [The politics of experience and the bird of paradise]. Moscow: IOI Publ., 350 p.

Langle, A. (2006) *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti, per. s nem.*

O. Larchenko [Person: Existential-analytic theory of personality, trans. from German by O. Larchenko]. Moscow: Genezis Publ., 159 p.

Malygin, V.L., Feklisov, K.A., Antonenko, A.A. et al. (2011). *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki* [Internet-dependent behavior. Criteria and methods of diagnosis]. Moscow: MSUMD Publ., 32 p.

Rasskazova, E.I., Emelin, V.A. and Tkhostov, A.Sh. (2015). *Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologiy na cheloveka* [Diagnostics of psychological effects of the impact of information technologies on a person]. Moscow: Akropol' Publ., 115 p.

Rubinstein, S.L. (2000). *Osnovy obschey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 684 p.

Zhichkina, A.E. and Belinskaya, E.P. (2004). *Strategii samoprezentatsii v Internet i ikh svyaz' s real'noy identichnost'yu* [Strategies for self-presentation on the Internet and their relationship to real identity]. *Flogiston*. Feb 14. Available at: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (accessed 14.11.2019).

Received 22.12.2019

Об авторе

Коптева Наталия Васильевна

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kopteva@pspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

About the author

Nataliya V. Kopteva

Doctor of Psychology, Docent, Professor
of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kopteva@pspu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1466-9453>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Контева Н.В. Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 92–105.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105

For citation:

Kopteva N.V. [Psychological effects of information technology use in relation to ontological security and embodied Self (based on the study of undergraduates of humanitarian faculties)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 92–105 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-92-105

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-106-117

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ КОНКРЕТНОГО И БЕЗЛИЧНОГО ДРУГОГО*

Балева Милена Валерьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Исследовались вклады когнитивных стилей в процесс социальной перцепции Другого, представленный феноменами стереотипизации и перцептивной предвзятости (ингруппового фаворитизма). Тестировалась гипотеза о снижении роли когнитивно-стилевых приемов обработки информации по мере усиления перцептивной четкости объекта восприятия. Уровень перцептивной четкости выступал в эксперименте как независимая переменная и задавался с помощью разных стимульных объектов. Уровень низкой перцептивной четкости был представлен описанием вымышленных групп людей, которые якобы обнаруживают повышенную чувствительность к звукам низкой или высокой частоты. Уровень средней перцептивной четкости — описанием узнаваемых (типичных) групп людей, которые отдают предпочтение «низкостатусным» или «высокостатусным» вещам. Уровень высокой четкости задавался визуальным предъявлением конкретного человека, якобы являющегося представителем группы людей, чувствительных к звукам низкой или высокой частоты. На уровне низкой и средней перцептивной четкости образ Другого визуально не конкретизировался. В исследовании приняли участие 305 студентов в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 19,21$, $SD = 0,97$), из них 71 мужчина и 234 женщины. Было обнаружено, что когнитивные стили выступают наиболее надежными предикторами стереотипизации Другого в случае, когда его образ максимально обезличен, т.е. лишен типологической и визуальной определенности. При этом наиболее высокие значения стереотипизации наблюдаются при выраженной ригидности, полезависимости, импульсивности и когнитивной простоте. При восприятии конкретного, визуально определенного Другого стереотипизация его образа происходит «без участия» когнитивных стилей. Перцептивная предвзятость (ингрупповой фаворитизм) не обнаруживает влияния когнитивных стилей независимо от уровня перцептивной четкости объекта.

Ключевые слова: социальная перцепция, стереотипизация, перцептивная предвзятость, ингрупповой фаворитизм, когнитивные стили, уровень перцептивной четкости объекта.

THE ROLE OF COGNITIVE STYLES IN SOCIAL PERCEPTION OF THE SPECIFIED AND IMPERSONAL OTHER

Milena V. Baleva

Perm State University

The paper studies the contributions of cognitive styles to the process of stereotyping and perceptual bias (ingroup favoritism). It was suggested that the role of cognitive styles weakens in conditions of the object's perceptual clarity and amplifies in conditions of his/her perceptual nebulosity. In the experiment, the level of perceptual clarity appeared as an independent variable and was set using different stimulus objects. Low perceptual clarity was presented by a description of fictional groups of people sensitive to low or high frequency sounds. Medium perceptual clarity was characterized by a description of recognizable (typical) groups of people who preferred «low-status» or «high-status» things. The level of high clarity was set by visual presentation of a specific person allegedly being a representative of the group

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00329.

sensitive to low or high frequency sounds. At the level of low and medium perceptual clarity, the Other was not presented visually. The study involved 305 students aged 17 to 22 ($M = 19,21$, $SD = 0,97$), 71 male and 234 female. It was found that cognitive styles were the most reliable predictors for stereotyping of the Other when his/her image was as depersonalized as possible, i.e. devoid of typological and visual certainty. The highest values of stereotyping were observed upon pronounced rigidity, field-dependence, impulsivity and cognitive simplicity. When a specified, visually defined Other was perceived, cognitive styles did not affect the stereotyping. Perceptual bias (ingroup favoritism) did not change under the influence of cognitive styles, regardless of the perceptual clarity level.

Keywords: social perception, stereotyping, perceptual bias, ingroup favoritism, cognitive styles, perceptual clarity level.

Введение

Социальная перцепция с позиций атрибутивного и когнитивного подхода

В работах, посвященных социальной перцепции, можно выделить два подхода, которые направили ее дальнейшие исследования по расходящимся концептуальным путям. Эти подходы появились в начале 70-х гг. XX в. Первый из них сформировался в рамках теории атрибуции [Duncan B.L., 1976; Lambert A.J., Wyer R.S., 1990], а второй — в рамках когнитивного подхода [Bleda P.R., 1974; Hamilton D.L., Gifford R.K., 1976; Lord C.G., 1980]. С позиций атрибутивного подхода ключевые феномены социальной перцепции — стереотипизация и ингрупповой фаворитизм — имеют мотивационные основания (например, защита самооценки), а с позиций когнитивного подхода эти феномены рассматриваются как «побочные эффекты» процесса переработки информации.

В последние годы наблюдается тенденция когнитивной трактовки эффектов восприятия Другого. Так, в работах Н. Девола и его коллег [DeWall C.N. et al., 2009], М. Мачунски и Т. Мейзера [Machunsky M., Meiser T., 2014], Э. Постен и Т. Масвейлера [Posten A.C., Mussweiler T., 2013], Б. Саймона и коллег [Simon B. et al., 1997] показано, что когнитивные схемы социальной перцепции являются универсальными и не зависят от конкретного содержания обрабатываемой субъектом информации. Более того, при «выравнивании» перцептивных позиций, например при смещении перцептивного фокуса, эти эффекты элиминируются [Балева М.В., Ковалева Г.В., 2019; Eiser R. et al., 2001; Pahl S., Eiser J.R., 2005]. Несмотря на убедительные эмпирические результаты, представляющие стереотипные образы

представителей аут-групп как частные случаи эвристики доступности или категоризационного распознавания, открытым остается вопрос о «границах влияния» когнитивных схем и факторах, определяющих их активизацию.

Дихотомический подход к социальной перцепции

В психологии существует большое число дуалистических теорий, признаком которых является функциональный подход к процессам переработки информации. Предполагается, что функционирование различных психических процессов носит адаптивный характер и зависит от условий и общего контекста ситуации.

Ф. Страк и Р. Дейч [Strack F., Deutsch R., 2015] предлагают рассматривать идею дуализма с помощью яркой механической метафоры — гибридного автомобиля, впервые созданного «Порше» в начале XX в. и использующего в качестве альтернативных источников энергии двигатель внутреннего сгорания и электродвигатель. При большой скорости на дальние расстояния задействуется двигатель внутреннего сгорания, а при малой скорости на короткие расстояния — электродвигатель.

В социальной психологии можно выделить целый ряд дихотомических теорий, например: модель комплексной вероятности Дж. Качиоппо и Р. Петти [Petty R.E., Cacioppo J.T., 1986], модель эвристико-систематической аргументации Ш. Чайкен [Chaiken S., 1980], диссоциативную модель формирования предубеждений и стереотипов П. Дивайн [Devine P.G., 1989], а также дихотомический принцип объяснения фундаментальной ошибки атрибуции [Ross L., 1977].

Рассматривая идею функциональной двойственности как методологический принцип, можно выдвинуть предположение о том, что внутренние (индивидуально обусловленные) и

внешние (ситуативные) факторы социальной перцепции образуют своеобразный континуум, активизация полюсов которого зависит от характеристик объекта восприятия. Мы предполагаем, что наиболее вероятными переменными внутреннего полюса являются индивидуальные способы обработки информации — когнитивные стили [см.: Балева М.В. и др., 2018]. Что касается характеристик объекта восприятия, то можно предположить, что они связаны, прежде всего, с его перцептивной четкостью [см.: Topolinski S., Strack F., 2009].

Целью нашего исследования является анализ вкладов когнитивных стилей в процесс социальной перцепции при экспериментальном манипулировании уровнем перцептивной четкости объекта восприятия. В качестве показателя перцептивной четкости рассматривается степень узнаваемости социального объекта. Она является минимальной при свободном (не ограниченном дополнительными условиями) формировании безличного образа представителя вымышленной социальной группы, умеренной — при свободном формировании безличного образа представителя типичной социальной группы и высокой — при предъявлении конкретного визуального образа представителя вымышленной социальной группы.

Гипотезой исследования является предположение о том, что вклад когнитивных стилей в показатели социальной перцепции будет снижаться по мере экспериментального усиления перцептивной четкости (узнаваемости) объекта восприятия.

Метод

Участники

В исследовании приняли участие 305 студентов в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 19,21$, $SD = 0,97$), из них 71 мужчина (23 %) и 234 женщины (77 %). Участие в исследовании было добровольным. Все испытуемые давали письменное согласие на обработку персональных данных.

Процедура

Исследование проводилось в группах по 7–25 чел. и включало два этапа. На первом этапе участники работали с бланковыми методиками, а на втором — в онлайн-режиме на платформе

Anketolog. На первом этапе участникам предлагалось заполнить методики, направленные на измерение когнитивных стилей. На втором этапе осуществлялось стимульное воздействие — предъявление информации о Другом и далее — производились замеры показателей предвзятости и стереотипизации. Общая выборка участников была составлена из трех групп, в каждой из которых диагностика первого этапа была идентичной, а стимульная информация о Другом предъявлялась разными способами.

Стимульный материал

Во всех группах участникам предлагалось прочитать тексты искусственно сконструированных статей научно-популярного жанра, описывающих якобы выявленные учеными типы людей со специфическими характеристиками¹. Респонденты первой ($n = 103$) и третьей ($n = 98$) групп читали текст о людях, которые неосознанно реагируют на звуки низкой или высокой частоты, в результате чего начинают работать более эффективно. Респонденты второй ($n = 88$) группы читали текст о людях, отдающих предпочтение предметам разного статуса: первые выбирают «высокостатусные» (дорогие) предметы, а вторые – «низкостатусные» (дешевые). Осуществление такого выбора также якобы повышает их работоспособность. Далее предлагалось высказать предположение о собственной вероятной принадлежности к одной из групп.

После этого участникам третьей группы дополнительно показывали конкретного человека (юношам – юношу, девушкам – девушку), который якобы является представителем аутгруппы («чужой» по отношению к группе субъекта восприятия). Так, если респондент утверждал, что он, скорее всего, реагирует на звуки низкой частоты, ему сообщалось, что данный человек чувствителен, наоборот, к звукам высокой частоты. Предъявление конкретного объекта восприятия осуществлялось с помощью видеозаписи интервью, в ходе которого он/она отвечал(а) на вопросы о себе. Во время просмотра звук записи отключался; таким образом, участники

¹ В настоящей работе частично использованы диагностические материалы и первичные данные, полученные в предыдущем исследовании, выполненном при поддержке РФФИ, проект 16-16-59006.

могли наблюдать только за невербальным поведением человека. Запись длилась около трех минут. В кадре присутствовал только сам объект (в положении сидя, на фоне светлой панели), интервьюер оставался за кадром. Участникам сообщалось, что персонаж интервью рассказывает о своих особенностях и привычках.

Персонажами интервью выступили студенты мужского и женского пола, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». В ходе интервью они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады как абсолютно «хорошие» личности, т.е. давали ответы, соответствующие нулевой выраженности макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, сопровождая их конгруэнтными умеренными невербальными проявлениями.

Необходимо отметить, что первоначальный замысел состоял в том, чтобы представить конкретного Другого как представителя социально типичной, а не вымышленной группы. Вместе с тем мы предположили, что ожидаемая разница вкладов когнитивных стилей в восприятие Другого в условиях средней и низкой перцептивной четкости может с большей вероятностью быть случайной, чем разница вкладов в условиях высокой и низкой четкости. Таким образом, было решено задать одну и ту же групповую принадлежность для объектов восприятия с низкой и высокой перцептивной четкостью.

Диагностические методы

Для измерения когнитивных стилей использовались следующие методики: «АКТ-70» К.У. Эттриха (модификация классического варианта методики «Фигуры Готтшальдта») [Холодная М.А., 2004, с. 49], «Свободные ассоциации» Р. Гарднера [Холодная М.А., 2004, с. 69], «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана [Холодная М.А., 2004, с. 79], «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера в модификации В.А. Колги [Колга В.А., 1976] и «Репертуарный тест» Дж. Келли [Хелл Л., Зиглер Д., 1997, с. 457]. По каждой методике изначально вычислялось два показателя, отражавших количественные и (в отдельных случаях) временные параметры когнитивных стилей. Однако в основной статистический анализ включался только один показатель по каждой методике. Это было связано с необходимостью исключения из

числа независимых переменных регрессионного уравнения показателей с высокими значениями взаимных корреляций. Выбор конкретного показателя методики осуществлялся на этапе первичной обработки данных на основании более низких значений асимметрии и эксцесса. В результате были отобраны следующие показатели когнитивных стилей: для полезависимости/полнезависимости — количество правильных ответов, для ригидного/гибкого познавательного контроля — среднее значение дистанции слов-ассоциаций, для импульсивного/рефлексивного стиля — количество правильных ответов, для синтетического/аналитического стиля — количество выделенных групп, для когнитивной простоты/сложности — количество категорий конструкторов. Каждый из перечисленных показателей трактовался как полюсный: его низкое значение соответствовало тенденции к большей выраженности когнитивного стиля, обозначенного в левой части названия показателя, а высокое значение — тенденции к большей выраженности стиля, обозначенного в правой части названия. Так, например, *низкая* выраженность показателя «полезависимость – полнезависимость» (малое количество правильных ответов) трактовалась как *полезависимость*, а *высокая* (большое количество правильных ответов) — как *полнезависимость*.

Для измерения показателя перцептивной предвзятости была использована процедура, разработанная М. Мачунски и Т. Мейзером [Machunsky M., Meiser T., 2014]. В ее основе лежит идея ингруппового фаворитизма, который проявляется через убеждение субъекта о большем сходстве «своей» группы с неким групповым прототипом, который является общим как для ин-групп, так и для аут-групп. Предельным воплощением такого общего прототипа являются «люди вообще», а в качестве других его разновидностей можно назвать «женщин вообще», «взрослых вообще» и т.п. Для измерения перцептивной предвзятости как прототипизации ин-группы использовался количественный показатель различий в совпадении характеристик, приписываемых (а) прототипу и «своей» группе и (б) прототипу и «чужой» группе. В нашем исследовании в качестве прототипов выступали люди, чья работо-

способность в принципе повышается под влиянием звуков или в результате сформированных предпочтений в отношении предметов определенного (любого) статуса. В обоих текстах сообщалось, что таких людей большинство. Характеристики «своей», «чужой» и протогруппы оценивались с помощью набора из 12 характеристик личности, каждая из которых была представлена парой антонимичных прилагательных (всего 24 характеристики). Разница в количестве совпадений характеристик, приписываемых конкретной группе, с прототипическими характеристиками была значимо выше для ин-группы, чем для аут-группы ($F = 9,44, p < 0,01$).

Для измерения стереотипизации использовалась методика, в основе которой лежит описание отдельного представителя аут-группы в терминах обобщенно-личностных либо конкретно-поведенческих суждений. Напомним, что в нашем эксперименте часть испытуемых (участники групп 1 и 2) представляли Другого как отдельного представителя аут-группы умозрительно, а часть (участники группы 3) — наглядно, в виде конкретного человека, демонстрируемого на экране. По инструкции участникам предлагалось описать личность отдельного представителя аут-группы (безличного либо конкретного) с помощью предлагаемого набора слов и фраз. Данный набор был составлен на основе тех же 24 характеристик личности, но включил дополнительно описание конкретных фактов поведения, являющихся их фактическими иллюстрациями. Например, обобщенно-личностная характеристика «упрямый» была дополнена описанием конкретного поведения — «категорически отказался принять точку зрения партнера». Испытуемым предлагалось выбирать из предложенного перечня такие слова и фразы, которые не дублируют друг друга в смысловом отношении. Показателем стереотипизации в данном случае являлось преобладание обобщенно-личностных описаний над конкретно-поведенческими [см.: Machunsky M., Meiser T., 2014]. Сравнительный анализ показал статистически значимое преобладание показателя стереотипизации при описании представителя «чужой» группы по сравнению с описанием представителя «своей» ($F = 141,86, p < 0,001$). Отметим, что по мето-

дике измерения стереотипизации участники экспериментальных групп 1 и 2 описывали отдельного представителя как «своей», так и «чужой» группы, а участники группы 3 — только представителя «чужой» группы. Таким образом, сравнительный анализ выраженности стереотипизации «своего» и «чужого» был сделан на части выборки ($n = 191$).

Анализ данных

Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью множественного регрессионного анализа в программе Statistica 10. В качестве зависимых переменных в регрессионные уравнения включались показатели предвзятости и стереотипизации, а в качестве независимых переменных — показатели когнитивных стилей. Регрессионные уравнения составлялись для каждой независимой переменной в каждой экспериментальной группе (всего 6 уравнений).

Для проверки соответствия показателей закону нормального распределения использовались методы описательной статистики (с фиксацией значений асимметрии и эксцесса). Проверка пригодности независимых переменных для включения в регрессионное уравнение осуществлялась с помощью корреляционного анализа (по Пирсону).

Результаты

Распределение показателей осуществлялось с помощью данных описательной статистики по значениям асимметрии и эксцесса. Поскольку основные статистические анализы проводились в трех экспериментальных группах по отдельности, значения асимметрии и эксцесса также оценивались в каждой из трех групп. Значения асимметрии ($|0,01| < A_s < |0,51|$) и эксцесса ($|0,05| < E_x < |0,98|$) оказались меньше 1, что свидетельствовало о возможности включения измеряемых показателей в регрессионный анализ — при условии отсутствия высокозначимых корреляций между независимыми переменными. Для исключения данного ограничения в каждой из трех экспериментальных групп исследовались взаимосвязи между показателями когнитивных стилей (табл. 2).

Таблица 1. Анализ распределения показателей

Table 1. Analysis of the indicators distribution

Показатели социальной перцепции и когнитивных стилей	Безличный Другой:				Конкретный Другой	
	Вымышленный n = 103		Типичный n = 77		n = 98	
	As	Ex	As	Ex	As	Ex
<i>Зависимые переменные</i>						
Предвзятость к Другому	0,29	-0,05	-0,01	-0,64	0,20	0,94
Стереотипизация Другого	0,22	-0,98	0,24	0,89	-0,44	0,06
<i>Независимые переменные</i>						
Полезависимость – полнезависимость	0,16	-0,40	-0,51	0,43	-0,27	-0,82
Ригидный – гибкий познавательный контроль	0,49	0,41	-0,38	0,90	-0,07	-0,32
Рефлексивность – импульсивность	0,25	0,14	0,18	-0,61	0,47	-0,36
Синтетичность – аналитичность	0,28	-0,09	0,51	-0,53	0,22	-0,46
Когнитивная простота – сложность	0,34	-0,09	-0,47	-0,55	0,01	-0,59

Таблица 2. Корреляции независимых переменных в группах с разными перцептивными стимулами

Table 2. Correlations of independent variables in groups with different perceptual stimuli

Тип перцептивного стимула / Показатели когнитивных стилей	Полезависимость – полнезависимость	Ригидный – гибкий познавательный контроль
<i>Безличный вымышленный Другой</i>		
Рефлексивность – импульсивность	0,18	0,10
Синтетичность – аналитичность	0,18	0,01
Когнитивная простота – сложность	0,24*	0,04
<i>Безличный типичный Другой</i>		
Рефлексивность – импульсивность	0,12	0,15
Синтетичность – аналитичность	0,06	-0,14
Когнитивная простота – сложность	0,15	-0,01
<i>Конкретный Другой</i>		
Рефлексивность – импульсивность	-0,02	-0,09
Синтетичность – аналитичность	0,00	-0,01
Когнитивная простота – сложность	0,14	0,15

Примечание/Note: * — $p < 0,05$

По данным корреляционного анализа, большинство связей между независимыми переменными оказались незначимыми ($p > 0,05$). Единственная значимая корреляция была обнаружена в группе, оценивавшей безличный вымышленный образ Другого, между показателями полнезависимости и когнитивной сложности ($r = 0,24$, $p < 0,05$). Поскольку данная связь яв-

лялась слабой, коррелирующие переменные могли быть включены в уравнение регрессии.

В табл. 3 представлены показатели значимости регрессионных моделей перцептивной предвзятости к Другому и стереотипизации Другого в группах с разными типами предъявлявшихся перцептивных стимулов.

Таблица 3. Значимость регрессионных моделей социальной перцепции

Table 3. Regression models of social perception: significance values

Тип перцептивного стимула	R	R ²	F	p
<i>Модель перцептивной предвзятости к Другому</i>				
Безличный вымышленный Другой	0,16	0,02	0,49	0,782
Безличный типичный Другой	0,26	0,07	1,15	0,343
Конкретный Другой	0,21	0,05	0,87	0,505
<i>Модель стереотипизации Другого</i>				
Безличный вымышленный Другой	0,62	0,39	12,28	0,001
Безличный типичный Другой	0,38	0,15	2,75	0,024
Конкретный Другой	0,14	0,02	0,38	0,859

Как видно из таблицы, модели перцептивной предвзятости к Другому оказались незначимыми во всех трех экспериментальных группах (т.е. при всех типах перцептивных стимулов). Это свидетельствует о том, что когнитивные стили нельзя рассматривать в качестве предикторов позитивной предвзятости в пользу Я.

Иная картина обнаружилась в регрессионных моделях стереотипизации. Оказалось, что когнитивные стили могут предсказывать стереотипизацию отдельного безличного представителя вымышленной социальной группы с ве-

роятностью 39 % ($R = 0,62$; $F = 12,28$, $p < 0,001$) и отдельного безличного представителя типичной социальной группы с вероятностью 15 % ($R = 0,38$; $F = 2,75$, $p < 0,05$). При восприятии конкретного Другого вклад когнитивных стилей в его стереотипизацию оказался незначимым ($R = 0,14$; $F = 0,38$, $p > 0,05$).

В табл. 4 и 5 приводятся значения регрессионных переменных в значимых моделях стереотипизации безличного вымышленного Другого и безличного типичного Другого.

Таблица 4. Регрессионные коэффициенты независимых переменных в модели стереотипизации безличного вымышленного Другого

Table 4. Stereotyping model of an impersonal fictional Other: regression coefficients of independent variables

Показатели когнитивных стилей	B	SE(B)	β	SE(β)	r	p
Константа			8,05	1,08		
Полезависимость – полenezависимость	-0,44	0,08	-0,21	0,04	-0,47	0,000
Ригидный – гибкий познавательный контроль	-0,22	0,08	-0,47	0,17	-0,27	0,008
Рефлексивность – импульсивность	0,16	0,08	0,15	0,08	0,19	0,064
Синтетичность – аналитичность	0,09	0,08	0,07	0,07	0,10	0,302
Когнитивная простота – сложность	-0,18	0,08	-0,17	0,08	-0,22	0,032

Как видно из таблицы, наиболее существенный вклад в стереотипизацию отдельного безличного представителя вымышленной социальной группы внес ригидный познавательный контроль ($\beta = 0,47$; $r = 0,27$, $p < 0,01$). Значимый, однако существенно меньший вклад внесли поле-

зависимость ($\beta = 0,21$; $r = 0,47$, $p < 0,001$), когнитивная простота ($\beta = 0,17$; $r = 0,22$, $p < 0,05$) и (на уровне тенденции) импульсивность ($\beta = 0,15$; $r = 0,19$, $p < 0,10$). Вклад аналитичности – синтетичности оказался незначимым ($p > 0,10$).

Таблица 5. Регрессионные коэффициенты независимых переменных в модели стереотипизации безличного типичного Другого

Table 5. Stereotyping model of an impersonal typical Other: regression coefficients of independent variables

Показатели когнитивных стилей	B	SE(B)	β	SE(β)	r	p
Константа			6,64	2,02		
Полезависимость – полenezависимость	-0,26	0,10	-0,11	0,04	-0,27	0,014
Ригидный – гибкий познавательный контроль	-0,02	0,11	-0,07	0,28	-0,03	0,817
Рефлексивность – импульсивность	0,23	0,11	0,21	0,09	0,24	0,030
Синтетичность – аналитичность	-0,02	0,10	-0,02	0,10	-0,02	0,855
Когнитивная простота – сложность	-0,16	0,10	-0,24	0,15	-0,17	0,132

Как видно из таблицы, значимый вклад в стереотипизацию отдельного безличного представителя типичной социальной группы внесли импульсивность ($\beta = 0,21$; $r = 0,24$, $p < 0,05$) и полenezависимость ($\beta = 0,11$; $r = 0,27$, $p < 0,05$). Вклады остальных когнитивных стилей оказались незначимыми ($p > 0,10$).

Обсуждение

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что когнитивные стили можно рассматривать как предикторы стереотипизации в процессе социальной перцепции. В то же время их предсказательная способность находится, по всей видимости, в зависимости от перцептивной определенности образа Другого, или сте-

пени его апперцептивной узнаваемости. Так, в случае когда образ Другого является максимально неопределенным в силу вымышленного критерия при описании группы его членства (реагирование на звуки низкой или высокой частоты), стереотипизация его отдельного представителя формируется на основе привычных когнитивных схем. При этом вклад когнитивных стилей является весьма существенным: стереотипизация возникает на фоне выраженной ригидности, полезависимости, импульсивности и когнитивной простоты. В случае роста апперцептивной определенности образа Другого, когда его групповое членство определяется узнаваемым критерием (индивидуальным предпочтением низкостатусных или высокостатусных предметов), вклад когнитивных стилей в стереотипизацию проявляется уже не так ярко: ригидность и когнитивная простота утрачивают свое влияние. Когда образ Другого максимально определен и нагляден, т.е. воплощается не в умозрительном описании, а в конкретном предъявлении отдельного представителя узнаваемой (типичной) социальной группы, вклады когнитивных стилей в процесс его стереотипизации становятся полностью незначимыми, т.е. перестают «участвовать» в восприятии отдельного объекта как типичного представителя его социальной группы.

На наш взгляд, обнаруженные закономерности можно интерпретировать следующим образом. Мы предполагаем, что ключевым фактором, определяющим вклад когнитивных стилей в формирование стереотипного образа, является перцептивная четкость, или узнаваемость, социального объекта. В ситуации перцептивной размытости, имеющей место в случае вымышленного (незнакомого) стимула, актуализация связанного с ним «готового» стереотипа невозможна. Стереотипный образ в данном случае не задается информацией извне, не определяется предыдущим опытом и обусловлен, по всей видимости, индивидуальными особенностями субъекта восприятия. Как показывают наши результаты, такими индивидуальными особенностями являются когнитивные стили, т.е. специфические приемы переработки информации. В случае когда перцептивный образ является типичным (его перцептивная четкость усиливается), роль когнитивных стилей ослабевает. При

восприятии конкретного человека вклад когнитивных стилей в стереотипизацию образа не прослеживается. Вероятно, ключевую роль в данном случае начинают играть «готовые» стереотипы пола, возраста и внешности воспринимаемого в данный момент объекта. Данное предположение нуждается, однако, в дополнительной проверке, направленной на выявление наиболее весомых невербальных факторов, определяющих категоризацию Другого.

Основываясь на данной интерпретации, можно выдвинуть предположение о том, что перцептивные характеристики объектов внешней среды и когнитивно-стилевые характеристики субъектов являются взаимодополняющими факторами. При формировании категоризационных суждений об объектах данные факторы выступают как реципрокные: усиление перцептивной четкости объекта приводит к экономии когнитивных ресурсов, связанных с его распознаванием и оценкой, а снижение перцептивной четкости требует дополнительных ментальных усилий, в процессе которых актуализируются когнитивные стилевые особенности субъекта восприятия. Данная трактовка согласуется с концепцией двух режимов мышления — медленного (пошагового) и быстрого (интуитивного), — обеспечивающих два типа реакций на внешние воздействия [см.: Канеман Д., 2018], а также с теорией первичного (down-up) и вторичного (up-down) распознавания объектов [McClelland J.L., Rumelhart D.E., 1981]. Второй тип реакции не требует энергетических затрат и осуществляется автоматически. Первый тип требует выделения внимания, сопровождается субъективно осознаваемым усилием и обеспечивает рациональную поэтапную обработку информации. Основываясь на полученных нами данных, можно выдвинуть гипотезу о соотношении когнитивных стилей и режимов мышления. Так, можно предположить, что преобладание быстрого режима мышления сопряжено со стилевыми проявлениями импульсивности, полезависимости, ригидности и когнитивной простоты. Наоборот, стилевой основой медленного мышления выступают рефлексивность, полнезависимость, гибкость и когнитивная сложность. При такой постановке вопроса отдельный интерес представляет устойчивость когнитивных стилей и,

соответственно, правомерность их рассмотрения в качестве специфических индивидуальных характеристик. Еще одной проблемой, которая возникает при осмыслении полученных результатов, является решение вопроса о механизмах стереотипизации при восприятии конкретного представителя аут-группы. Какие переменные берут на себя функции предикторов стереотипизации в данном случае? На наш взгляд, этот исследовательский вопрос задает перспективное направление дальнейших экспериментов в области социальной перцепции.

Отсутствие зависимости перцептивной предвзятости от когнитивно-стилевых особенностей личности было обнаружено нами в одном из предыдущих исследований [Балева М.В., 2017] и было воспроизведено на новых данных в отношении как конкретного, так и обезличенного Другого. Такой результат мы склонны рассматривать как свидетельство обусловленности ингруппового фаворитизма и стереотипизации разными механизмами. Если стереотипизация имеет в своей основе преимущественно когнитивные составляющие и является, по сути, побочным эффектом переработки информации, имеющей разную степень узнаваемости и перцептивной четкости, то предвзятость связана, по всей видимости, с мотивационными составляющими и выступает инструментом самооценки.

Заключение

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. При определенных условиях восприятия Другого, заданных параметрами перцептивной безличности/конкретности и социальной типичности его образа, когнитивные стили выступают предикторами стереотипизации, но не влияют на выраженность предвзятости (ингруппового фаворитизма) со стороны субъекта восприятия.

2. Когнитивные стили выступают наиболее надежными предикторами стереотипизации Другого в том случае, когда его образ максимально обезличен, т.е. лишен типологической и визуальной определенности. При этом наиболее высокие значения стереотипизации наблюдаются при выраженной ригидности, полезависимости, импульсивности и когнитивной простоте.

3. При росте типологической определенности образа Другого, т.е. при узнаваемом типе условной социальной группы, которая служит критерием отнесения его к «своим» или «чужим», вклад когнитивных стилей в стереотипизацию снижается: сохраняется влияние импульсивности и полезависимости, но исчезает влияние ригидности и когнитивной простоты.

4. При восприятии конкретного, визуально определенного Другого, выступающего представителем вымышленной условной группы, стереотипизация его образа происходит «без участия» когнитивных стилей.

Полученные в настоящем исследовании результаты могут быть использованы при разработке приемов управления восприятием Другого с учетом индивидуально-личностных (стилевых) особенностей обработки информации. Кроме этого, выработка индивидуальных приемов альтернативной обработки информации при выраженной ригидности, полезависимости, импульсивности и когнитивной простоте может быть использована как один из ресурсов снижения стереотипных представлений об аут-группах.

Ограничения

В качестве ограничений настоящего исследования можно назвать специфический состав выборки, в которую вошли студенты вуза, преимущественно девушки.

Список литературы

Балева М.В. Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 2. С. 67–84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080205>

Балева М.В., Гасимова В.А., Ковалева Г.В. Когнитивные механизмы стереотипизации Другого // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 3. С. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0205959218030054>

Балева М.В., Ковалева Г.В. Субъектный и объектный фокус сравнения «Я – Другой» в процессе социальной перцепции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-331-344>

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2018. 653 с.

- Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976. 164 с.
- Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
- Bleda P.R. Toward a clarification of the role of cognitive and affective processes in the similarity-attraction relationship // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 29, no. 3. P. 368–373. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036003>
- Chaiken S. Heuristic versus systematic information processing and the use of source versus message cues in persuasion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 39, no. 5. P. 752–766. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.39.5.752>
- Devine P.G. Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56, no. 1. P. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>
- DeWall C., Maner J., Rouby D. Social exclusion and early-stage interpersonal perception: Selective attention to signs of acceptance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, no. 4. P. 729–741. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0014634>
- Duncan B.L. Differential social perception and attribution of intergroup violence: Testing the lower limits of stereotyping of Blacks // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. Vol. 34, no. 4. P. 590–598. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.34.4.590>
- Eiser J.R., Pahl S., Prins Y.R.A. Optimism, pessimism and the direction of Self–Other comparisons // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. Vol. 37, no. 1. P. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.1006/jesp.2000.1438>
- Hamilton D.L., Gifford R.K. Illusory correlation in interpersonal perception: A cognitive basis of stereotypic judgments // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1976. Vol. 12, no. 4. P. 392–407. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0022-1031\(76\)80006-6](https://doi.org/10.1016/S0022-1031(76)80006-6)
- Lambert A.J., Wyer R.S. Stereotypes and social judgment: The effects of typicality and group heterogeneity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59, no. 4. P. 676–691. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.676>
- Lord C.G. Schemas and images as memory aids: Two modes of processing social information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 38, no. 2. P. 257–269. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.257>
- Machunsky M., Meiser T. Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception // *Social Psychology*. 2014. Vol. 45, iss. 1. P. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000156>
- McClelland J.L., Rumelhart D.E. An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88, iss. 5. P. 375–407. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.88.5.375>
- Pahl S., Eiser J.R. Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? // *Experimental Psychology*. 2005. Vol. 52, iss. 4. P. 303–310. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>
- Petty R.E., Cacioppo J.T. The elaboration likelihood model of persuasion // *Advances in experimental social psychology* / ed. by L. Berkowitz. San Diego, CA: Academic Press, 1986. Vol. 19. P. 123–205. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60214-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60214-2)
- Posten A.C., Mussweiler T. When distrust frees your mind: The stereotype-reducing effects of distrust // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 105, no. 4. P. 567–584. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0033170>
- Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // *Advances in experimental social psychology* / ed. by L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1977. Vol. 10. P. 173–220. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60357-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60357-3)
- Simon B., Hastorf C., Aufderheide B. When self-categorization makes sense: The role of meaningful social categorization in minority and majority members' self-perception // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73, no. 2. P. 310–320. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.73.2.310>
- Strack F., Deutsch R. The duality of everyday life: Dual-process and dual-system models in social psychology // *APA Handbook of Personality and Social Psychology*. Vol. 1: Attitudes and Social Cognition / ed. by M. Mikulincer, P.R. Shaver, E. Borgida, J.A. Bargh. Washington, DC: American Psychological Association, 2015. P. 891–927. DOI: <https://doi.org/10.1037/14341-028>
- Topolinski S., Strack F. The architecture of intuition: Fluency and affect determine intuitive judgments of semantic and visual coherence and judgments of grammaticality in artificial grammar learn-

ing // Journal of Experimental Psychology: General. 2009. Vol. 138, no 1. P. 39–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0014678>

Получено 17.11.2019

References

Baleva, M.V. (2017). *Kognitivno-stilevye i kontekstnye faktory ingruppovoy predvzyatosti i aut-gruppovoy stereotipizatsii pri vospriyatii iskusstvennykh sotsial'nykh grupp* [Cognitive styles and contextual variables as the factors of ingroup bias and outgroup stereotyping in the perception of artificial social groups]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 8, no. 2, pp. 67–84. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080205>

Baleva, M.V., Gasimova, V.A. and Kovaleva, G.V. (2018). *Kognitivnye mekhanizmy stereotipizatsii Drugogo* [Cognitive mechanisms of stereotyping the Other]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 39, no. 3, pp. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0205959218030054>

Baleva, M.V. and Kovaleva, G.V. (2019). *Sub'ektnyy i ob'ektnyy fokus sravneniya «Ya – Drugoy» v protsesse sotsial'noy pertseptsii* [Self–Other comparative focus in social perception]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-331-344>

Bleda, P.R. (1974). Toward a clarification of the role of cognitive and affective processes in the similarity-attraction relationship. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 29, no. 3, pp. 368–373. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0036003>

Chaiken, S. (1980). Heuristic versus systematic information processing and the use of source versus message cues in persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 39, no. 5, pp. 752–766. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.39.5.752>

Devine, P.G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 56, no. 1, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>

DeWall, C., Maner, J. and Rouby, D. (2009). Social exclusion and early-stage interpersonal perception: Selective attention to signs of acceptance. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96, no. 4, pp. 729–741. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0014634>

Duncan, B.L. (1976). Differential social perception and attribution of intergroup violence: Testing the lower limits of stereotyping of Blacks. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 34, no. 4, pp. 590–598. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.34.4.590>

Eiser, J.R., Pahl, S. and Prins, Y.R.A. (2001). Optimism, pessimism and the direction of Self–Other comparisons. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37, pp. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.1006/jesp.2000.1438>

Hamilton, D.L. and Gifford, R.K. (1976). Illusory correlation in interpersonal perception: A cognitive basis of stereotypic judgments. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 12, no. 4, pp. 392–407. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0022-1031\(76\)80006-6](https://doi.org/10.1016/S0022-1031(76)80006-6)

Kahneman, D. (2018). *Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST Publ., 653 p.

Kh'ell, L. and Zigler, D. (1997) *Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye* [Personality theories. Basic assumptions, research, and applications]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 608 p.

Kholodnaya, M.A. (2004). *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. About the nature of the individual mind]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 384 p.

Kolga, V.A. (1976). *Differentsial'no-psikhologicheskoe issledovanie kognitivnogo stilya i obuchaemosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Differential-psychological study of cognitive style and learning: dissertation]. Leningrad, 164 p.

Lambert, A.J. and Wyer, R.S. (1990). Stereotypes and social judgment: The effects of typicality and group heterogeneity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59, no. 4, pp. 676–691. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.676>

Lord, C.G. (1980). Schemas and images as memory aids: Two modes of processing social information. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 38, no. 2, pp. 257–269. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.2.257>

Machunsky, M. and Meiser, T. (2014). Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception. *Social Psychology*. Vol. 45, iss. 1, pp. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000156>

McClelland, J.L. and Rumelhart, D.E. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception: I. An account of basic findings. *Psy-*

chological Review. Vol. 88, no. 5, pp. 375–407. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.88.5.375>

Pahl, S. and Eiser, J.R. (2005). Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? *Experimental Psychology*. Vol. 52, no. 4, pp. 303–310. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>

Petty, R.E. and Cacioppo, J.T. (1986). The elaboration likelihood model of persuasion. *Advances in experimental social psychology*, ed. by L. Berkowitz. San Diego, CA: Academic Press, vol. 19, pp. 123–205. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60214-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60214-2)

Posten, A.C. and Mussweiler, T. (2013). When distrust frees your mind: The stereotype-reducing effects of distrust. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 105, no. 4, pp. 567–584. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0033170>

Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. *Advances in experimental social psychology*, ed. by L. Berkowitz. New York: Academic Press, vol. 10, pp. 173–220. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60357-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60357-3)

Simon, B., Hastedt, C. and Aufderheide, B. (1997). When self-categorization makes sense: The role of meaningful social categorization in minority and majority members' self-perception. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 73, no. 2, pp. 310–320. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.73.2.310>

Strack, F. and Deutsch, R. (2015). The duality of everyday life: Dual-process and dual-system models in social psychology. *APA Handbook of Personality and Social Psychology*. Vol. 1: Attitudes and Social Cognition, ed. by M. Mikulincer, P.R. Shaver, E. Borgida, J.A. Bargh. Washington, DC: American Psychological Association Publ., pp. 891–927. DOI: <https://doi.org/10.1037/14341-028>

Topolinski, S. and Strack, F. (2009). The architecture of intuition: Fluency and affect determine intuitive judgments of semantic and visual coherence and judgments of grammaticality in artificial grammar learning. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 138, no. 1, pp. 39–63. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0014678>

Received 17.11.2019

Об авторе

Балева Милена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

About the author

Milena V. Baleva

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балева М.В. Роль когнитивных стилей в процессе социальной перцепции конкретного и безличного Другого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 106–117. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-106-117](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-106-117)

For citation:

Baleva M.V. [The role of cognitive styles in social perception of the specified and impersonal Other]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 106–117 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-106-117](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-106-117)

УДК 159.99

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-118-129

**СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ:
ПРОСТРАНСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ. ЧАСТЬ 2***

Вильчес-Ногерол Вероника Валерьевна

*Научно-исследовательский институт технической эстетики
Российского технологического университета (Москва)*

Сизова Лариса Александровна

*Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1
им. проф. С.В. Очаповского (Краснодар)*

Чумакова Ольга Владимировна

*Колония-поселение № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний
по Московской области (Зеленоград)*

Раскрывается понятие стилей делового общения, что связано со значимыми на сегодняшний день потребностями в области профессиональной деятельности: подбор персонала происходит не по специальности, а по способности кандидатов решить конкретные задачи, ориентация направлена не на отдельного субъекта, а на совместную профессиональную деятельность с учетом средового фактора, важна оценка и реализация не отдельных качеств индивида, а комплексная актуализация ресурсов и др. Цель исследования — сравнительный анализ стилей делового общения сотрудников колонии-поселения, медсестер и менеджеров. Предмет — стили делового общения представителей социномических профессий. Гипотезы: 1) стили делового общения субъектов детерминированы условиями среды; 2) в каждой конкретной среде предполагается наличие стилевых ниш, в границах которых субъекты выбирают определенные образцы поведения. Методы исследования: опрос экспертов, психодиагностика (тесты-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т.Л. Крюковой, тесты-опросники 16–PF Р.Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»), исследовательская методика — опросник «Стили делового общения» (СДО) В.А. Голочка. Рассматриваются результаты t-сравнения и корреляционного анализа, полученные с использованием исследовательской методики. Результаты исследования подтверждают рабочие гипотезы.

Ключевые слова: стили делового общения, взаимодействие, профессиональная реализация, сотрудники колонии-поселения, медицинские сестры, менеджеры.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00550: «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъектов».

STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION: SPACE OF ACTIVITY AND INDIVIDUAL PROFESSIONAL REALIZATION. PART 2

Veronika V. Vilches-Nogerol

*Research Institute of Technical Aesthetics
of MIREA – Russian Technological University (Moscow)*

Larisa A. Sizova

*Scientific Research Institute – Regional Clinical Hospital No. 1
named after prof. S.V. Ochapovsky (Krasnodar)*

Olga V. Chumakova

*Penal Colony No. 2 of the Department of the Federal Penitentiary Service
of the Moscow region (Zelenograd)*

The research deals with styles of business communication, which appears to be a topical issue nowadays. Its topicality correlates with the current needs and trends in the sphere of professional activity: in personnel selection the focus is on the ability to solve specific problems, not just on the profession; orientation is not towards an individual person but towards joint activity in a unique environment; there is an emphasis on complex assessment and employment of the resources, not of separate qualities of a person, etc. The purpose of the present study is a comparative analysis of business communication styles in the samples of penal colony employees, hospital nurses and managers. The subject of research is business communication styles of persons engaged in socio-economic professions. Hypotheses of the study are as follows: 1) Styles of business communication are determined by the conditions of the environment; 2) In each particular environment, there are assumed to be some style niches, within the boundaries of which a person chooses certain patterns of behavior. Research methods: expert survey, psychodiagnostics (test questionnaires «Coping behavior in stressful situations» and «Questionnaire for ways of coping» by T. Kryukova, test questionnaires 16–PF by R.B. Cattell, questionnaire «Level of subjective control»); research technique — questionnaire «Styles of business communication» by V.A. Tolochek. In this article, we consider the results of t-comparison and correlation analysis obtained with the help of the research questionnaire. The results confirm the working hypotheses.

Keywords: styles of business communication, interaction, professional realization, penal colony employees, hospital nurses, managers.

Введение

Изучение стилей в психологии прочно связано с пермской научной психологической школой, в лице В.С. Мерлина, положившего начало исследованиям интегральной индивидуальности, в русле которой первоначально рассматривалась проблематика стилей деятельности [Мерлин В.С., 1986]. Благодаря концепции В.С. Мерлина появились новые направления в исследованиях стиля: помимо компенсаторной функции, обеспечивающей адаптацию человека к особенностям деятельности, специалисты также выделили системобразующий фактор. Данный фактор позволяет формировать новые связи, видоизменяя при этом другие. Баланс между разными иерархическими уровнями детерминирован промежуточными элементами, и одним из них является стиль деятельности, с

помощью которого как раз и возникают новые более совершенные связи.

Согласно логике исследований Е.А. Климова первоначально анализ стиля деятельности проводился с точки зрения его адаптивных качеств, т.е. приспособление человека к особенностям деятельности с использованием стиля рассматривалось в свете его компенсаторной функции, которая работала таким образом, что делала акцент на положительных свойствах индивида, оттеняя отрицательные черты [Климов Е.А., 1968].

Свой вклад в развитие теории интегральной индивидуальности также внесли Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, С.Ю. Жданова, Е.П. Ильин, В.А. Толочек, М.Р. Щукин и др. [Вяткин Б.А., Жданова С.Ю., 2007; Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2007, 2013; Дорфман Л.Я., 1989; Жданова С.Ю., 2005а, 2005б; Ильин Е.П., 1988, 2008; Толо-

чек В.А., 2011, 2015, 2019а]. Исследователи Пермской психологической школы предлагают к главному фактору стиля (успешности) добавить индивидуальные различия по итогам деятельности, т.к. результаты работы в рамках эффективного выполнения деятельности и за пределами этих границ могут меняться.

Ориентируясь на современные требования, предъявляемые к профессионалу, В.А. Толочек в концепции «Стили делового общения» (СДО) делает акцент не только на индивидуальных особенностях субъекта; большая роль в этой концепции отведена средовому фактору: корпоративной культуре, особенностям взаимодействий партнеров и пр. В случае профессии «человек–человек» роль качества коммуникации очень велика; использование конструктивных СДО позволяет более успешно адаптироваться к конкретной среде и требованиям деятельности, эффективно решать рабочие задачи, плодотворно сотрудничать с коллегами, а также снизить риски профессиональной деформации [Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э., 2005; Толочек В.А., 2011, 2015, 2019а, 2019б; Ясько Б.А. и др., 2017; Сизова Л.А. и др., 2019].

Организация исследования

Цель исследования — сравнительный анализ стилей делового общения сотрудников колонии-поселения (далее — сотрудники КП), медсестер и менеджеров. Предмет — стили делового общения представителей социомических профессий. Гипотезы: 1) стили делового общения субъектов детерминированы условиями среды; 2) в каждой конкретной среде предполагается наличие стилевых ниш, в границах которых субъекты выбирают определенные образцы поведения. Методы исследования: опрос экспертов, психодиагностика (тесты-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т.Л. Крюковой, тесты-опросники 16–PF Р.Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»), исследовательская методика — опросник «Стили делового общения» (СДО) В.А. Толочка. Так как в настоящей работе рассматриваются только результаты, полученные по исследовательской методике, сделаем некоторые пояснения. В.А. Толочек предлагает следующее понимание иерархии строения стиля: 1-й уровень образуют «субъективно-удобные условия

деятельности» (СУУД) — предпочитаемые, неосознанно избираемые человеком более комфортные условия его физического и социального функционирования; 2-й уровень — операциональные системы (ОС), куда входят когнитивные, эмоциональные и предметные действия во взаимоотношениях субъектов; 3-й уровень образуют идеальные регуляторы / тип организации деятельности (ИР/ТОД), к ним относятся функции общения и стратегии поведения [Толочек В.А., 2015]. Разные стили имеют принципиально сходную функциональную структуру. В отношении одной из разновидностей стилей — стилей делового общения (СДО) — можно выделить следующее: анализ особенностей СДО базируется не на анализе отдельного субъекта и его психологических свойств, а на изучении взаимодействия субъектов в диадах, триадах, в качестве респондентов выбраны представители профессий, для которых требуется высокая квалификация, условия деятельности имеют вариативный, нестабильный характер, исследуются разные составляющие стиля. Наше исследование проводилось на трех выборках, которые составили представители социомических профессий: медицинские сестры, сотрудники колонии-поселения, менеджеры коммерческой компании. Таким образом, мы объединили сотрудников разных структур и разных профессиональных сфер (государственные учреждения и частная организация), соответственно, условия их деятельности различаются.

Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале выраженность разных компонентов СДО (от 0 до 4 баллов). Исследование проводилось на трех выборках: сотрудники ФКУ колонии-поселения № 2 г. Зеленограда — 32 чел., медицинские сестры ГБУЗ «Научно-исследовательский институт – Краевая клиническая больница № 1 им. проф. С.В. Очаповского» — 112 чел., менеджеры по продажам компании «Пронто Медиа Холдинг» — 85 чел. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный и факторный анализ, t-сравнение для независимых групп (пакет статистических программ SPSS 10). В данной статье будут рассмотрены результаты t-сравнения и корреляционного анализа.

Результаты исследования

Дополняя результаты факторного анализа, описанные в предыдущей статье [Сизова Л.А. и др., 2019], рассмотрим особенности отдельных корреляций, часто различающихся в группах сотрудников КП, медсестер и менеджеров. По итогам t-сравнения статистически значимые различия ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$) в группах менеджеров и медсестер выделились по следующим стилевым компонентам (табл. 1): коммуникативная функция, стратегия компромисса, умеренная динамика развития процесса, демонстрация силы, аргументация, использование невербальных средств в общении, угрозы, санкции, наказания, дальняя психологическая дистанция, использование четких критериев, функция эмоциональной взаимосвязи, стратегия соперничества, проявление твердости, фиксированное время взаимодействия, функция управления взаимодействиями, просьба, обращение за поддержкой к партнеру, поощрение, функция саморазвития, высокая активность, привлечение других к решению вопроса, использование телефона.

В выборках менеджеров и сотрудников КП можно отметить следующие различия (табл. 2): спокойная динамика развития процесса, демонстрация силы, использование невербальных средств, угрозы, использование четких критериев, деловые письма, фиксированное время взаимодействия, стратегия содействия, функция управления взаимодействиями, высокий темп взаимодействий, постановка конкретных целей, использование телефона.

Среди стилевых компонентов со статистически значимыми различиями в группах медсестер и сотрудников КП выделились следующие (табл. 3): угрозы, дальняя психологическая дистанция, деловые письма, функция эмоциональной взаимосвязи, проявление твердости, функция саморазвития, привлечение других к решению вопроса.

Результаты настоящего исследования дополним также данными корреляционного анализа. Обобщая, отметим, что во всех группах выявлены довольно слабые связи между социально-демографическими характеристиками и стилевыми компонентами. В выборке сотрудников КП выявлен ряд следующих закономерностей (табл. 4). Представители женского пола

предпочитают высокую активность, организовывать свое время, обозначать проблему в целом, предоставлять партнеру время для обдумывания и подготовки, использовать телефон. Молодые сотрудники с небольшим стажем работы склонны к демонстрации силы, сотрудники среднего возраста, как правило, используют стратегию приспособления. Люди, имеющие небольшой стаж работы в должности, отводят для взаимодействия максимальное время. Сотрудники, занимающие невысокие должности, выделяют фиксацию времени коммуникации. Опытным сотрудникам учреждения свойственно привлекать других к решению вопроса. Неженатые или незамужние работники придерживаются коммуникативной функции общения как ведущей, обозначают проблему в целом и предоставляют партнеру самостоятельность в выборе средств и способов ее решения, используют деловую документацию, для взаимодействия отводят максимальное время, обращаются к партнеру с просьбой, предпочитают доверительную беседу и использование телефона. Сотрудники, состоящие в браке, в качестве ключевой функции общения выбирают управление взаимодействиями (изменение поведения и деятельности людей). Бездетные работники считают информационную функцию ведущей в коммуникации. Сотрудники, имеющие детей, выбирают приспособительную стратегию.

В группе медицинских сестер не удалось выявить значимые корреляции между социально-демографическими характеристиками и составляющими стиля.

В группе менеджеров отметим слабую связь между социально-демографическими характеристиками и стилевыми компонентами (табл. 4). В этой группе также можно выделить некоторые значимые связи. Сотрудники среднего возраста, имеющие длительный опыт работы в организации, предпочитают стратегию компромисса, их молодые коллеги склонны к стратегии поощрения при высоком темпе взаимодействий. Постановка конкретных целей и формирование критериев ожидаемых результатов больше свойственны представителям женского пола. Сотрудники, имеющие управленческий опыт, предпочитают работать при высоком темпе взаимодействий. Эмоциональной функции общения как ключевой придерживаются люди, не состоящие в браке. Бездетные

сотрудники предпочитают не отводить партнеру времени для обдумывания и подготовки.

Обсуждение результатов

Для полного представления результатов исследования кратко опишем условия деятельности каждой из исследуемых групп.

В случае *сотрудников КП* мы говорим об особом характере труда по ряду причин: общение со спецконтингентом, деятельность в условиях повышенного риска, работа в учреждении закрытого типа, что предполагает ограниченный круг взаимодействий и, как следствие, возможные трудности в коммуникации. Стабильность, о которой принято говорить в случае работы в государственном учреждении, имеет двоякий характер. С одной стороны, сотрудники получают социальные льготы, повышенные пенсионные выплаты и ранний выход на пенсию, процедура увольнения трудоемкая, хотя при определенных обстоятельствах ускоряется. С другой стороны, характер деятельности сотрудников КП нельзя назвать стабильным, т.к. часто происходят непредвиденные ситуации со стороны осужденных, ужесточаются требования к личностным и профессиональным качествам людей, деятельность регламентирована бюрократическими процедурами и регулярной обширной отчетностью, а также правовыми нормами, несоблюдение которых ведет к строгим санкциям.

Среди вольнонаемных работников в исследовании приняли участие респонденты, занимающие разные должности, а именно: главный экономист, заведующий складом, бухгалтер, заведующий канцелярией, инженер по охране труда и технике безопасности, мастер, инспектор специального учета. Среди аттестованных сотрудников были представлены следующие должности: старший инспектор, младший инспектор, начальник отряда, дежурный помощник начальника колонии, заместитель дежурного помощника начальника колонии, старший юрисконсульт, старший психолог.

Обратимся к деталям деятельности *медицинских сестер*. Организация труда медицинских сестер, как правило, связана с непосредственным проведением лечебных мероприятий с больными: обеспечением должного ухода за пациентами (раздача питания, медикаментов, забор анализов и т.д.), ведением больничной

документации и историй болезни, соблюдением санитарного режима и контролем за чистотой в помещениях и др. Иногда медсестры могут выполнять административные функции. Очевидно, что от медсестер требуется высокий уровень владения коммуникативными навыками для эффективного взаимодействия с пациентами и коллегами.

Трудовая деятельность *менеджеров*, которые в основном размещают рекламу на сайтах и взаимодействуют с клиентами, происходит в ситуации постоянной конкуренции с коллегами, жестких требований по увеличению продаж со стороны начальства, что провоцирует текучесть кадров. Менеджеры работают в условиях ненормированного графика, часто негативных взаимодействий с коллегами и клиентами, их работа происходит в условиях открытого офиса, коммуникация между сотрудниками сведена к минимуму и осуществляется на общих собраниях или с помощью электронной почты и программы Skype. В данном случае руководством и опытными сотрудниками транслируется дистантный тип поведения, нацеленный на соперничество работников и препятствующий их конструктивному взаимодействию.

Рассматривая полученные результаты в связи с особенностями корпоративной культуры, отметим, что в ситуации с сотрудниками КП речь идет о жесткой и регламентированной законом организационной среде. Сама работа со спецконтингентом несет в себе деструктивный оттенок, нормативные процедуры и проверки усиливают негативный эффект. Следовательно, очевидно преобладание элементов формализации деятельности, отсутствие эмоциональной составляющей в коммуникации, дистантное взаимодействие, что и отразилось в результатах факторного анализа и t-сравнения.

В качестве предположения можно провести параллель между сотрудниками КП и менеджерами как представителями государственной и частной организаций. Несмотря на совершенно противоположную специфику деятельности, в обоих случаях речь идет о жесткой корпоративной культуре, которая не способствует полноценному эффективному взаимодействию. Помимо характера труда, существенная разница между ними также заключается в том, что у сотрудников КП деятельность организована системно, законодательно регламентирована, хоть

и сопряжена с постоянными рисками, а у менеджеров корпоративная культура представляет собой слабо организованную хаотичную субстанцию.

В случае с менеджерами мы имеем дело с жесткой, но бессистемно организованной корпоративной культурой, где формированию конструктивного качественного взаимодействия не уделяется внимание, а все усилия направлены лишь на выполнение рабочих задач. Деятельность технически не регламентирована: отсутствует четкая система повышения и поощрения сотрудников, нет дополнительного обучения персонала, непонятен механизм принятия управленческих решений и др. Отсюда следует, что люди воспринимают подобную работу как временную, т.е. для получения профессионального опыта. Они не видят в ней никаких перспектив, у них не наблюдается желания работать в дальнейшем в этой организации. Об этом говорит высокая текучесть кадров (за год компанию покинуло более 50 % сотрудников) и прекращение деятельности компании на сегодняшний день.

Анализируя результаты, полученные на выборке медсестер, отметим, что если рассматривать только корпоративную культуру без учета особенностей характера труда, то мы можем говорить о достаточно гибкой и хорошо организованной структуре, где деятельность регламентирована должностными инструкциями. Скорее всего, сотрудники устраиваются на работу в больницу по призванию, относятся к должности не как к промежуточному этапу, отсюда стремление к саморазвитию, к повышению эффективности не только своих ПВК, но и навыка коммуникации в отдельности.

Слабые связи между социально-демографическими характеристиками и стилевыми компонентами, а также отсутствие значимых корреляций в группе медсестер могут свидетельствовать в пользу подтверждения гипотезы о том, что СДО детерминированы условиями корпоративной культуры. Выскажем и предположение, что выявленные корреляции могут выполнять компенсаторную функцию, например: в группе менеджеров сотрудники среднего возраста, имеющие длительный опыт работы в организации, предпочитают стратегию компромисса, а их молодые коллеги склонны к стратегии поощрения, возможно, тем самым желая укрепить отноше-

ния с партнером. В принципе, данное предположение подтверждает одну из функций использования стилей как ресурса для реализации полноценного взаимодействия.

Обобщая результаты исследования, мы можем говорить о подтверждении рабочих гипотез. Руководствуясь предположением, что стили формируются под воздействием комплекса факторов (социально-демографических данных, профессионального опыта, условий среды и др.), на примере трех выборок мы видим, что данная тенденция подтверждается. Здесь мы вновь возвращаемся к феномену «психологические ниши», которые, возможно, образуются посредством отношений и связей, специфичных для каждой отдельной деятельности, тем самым предлагая субъекту уже готовый стилевой репертуар [Толочек В.А., 2019а].

Выводы

1. Статистически значимые различия в группах менеджеров и медсестер выявлены по следующим стилевым компонентам: коммуникативная функция, стратегия компромисса, умеренная динамика развития процесса, демонстрация силы, аргументация, использование невербальных средств в общении, угрозы, санкции, наказания, дальняя психологическая дистанция, использование четких критериев, функция эмоциональной взаимосвязи, стратегия соперничества, проявление твердости, фиксированное время взаимодействия, функция управления взаимодействиями, просьба, обращение за поддержкой к партнеру, поощрение, функция саморазвития, высокая активность, привлечение других к решению вопроса, использование телефона.

2. В выборках менеджеров и сотрудников КП можно отметить различия по следующим показателям: спокойная динамика развития процесса, демонстрация силы, использование невербальных средств, угрозы, использование четких критериев, деловые письма, фиксированное время взаимодействия, стратегия содействия, функция управления взаимодействиями, высокий темп взаимодействий, постановка конкретных целей, использование телефона.

3. Среди стилевых компонентов со статистически значимыми различиями в группах медсестер и сотрудников КП выделились следующие: угрозы, дальняя психологическая ди-

станция, деловые письма, функция эмоциональной взаимосвязи, проявление твердости, функция саморазвития, привлечение других к решению вопроса.

4. Согласно корреляционному анализу в трех группах, имеют место лишь слабые связи между социально-демографическими характеристиками и стилевыми компонентами.

5. Гипотезы исследования подтвердились: результаты можно интерпретировать с точки зрения особенностей корпоративной культуры, что также подтверждает предположение о наличии «психологических ниш», в которых представлены уже заданные конкретной деятельностью СДО.

Таблица 1. Статистически значимые различия (t-сравнение для независимых групп) стилей делового общения менеджеров и медсестер (фрагмент)

Table 1. Statistically significant differences (t-comparison for independent groups) of styles of business communication of managers and medical nurses (fragment)

Стилевые компоненты	Менеджеры/медсестры		
	М	SD	Различия
Коммуникативная функция	3,36	0,574	0,001
	3,01	0,927	0,000
Стратегия компромисса	2,73	0,762	0,000
	2,22	0,842	0,000
Умеренная динамика процесса	2,19	0,981	0,000
	2,86	0,930	0,000
Демонстрация силы	1,46	1,368	0,000
	0,83	0,998	0,000
Аргументация	3,19	0,957	0,034
	2,92	0,959	0,034
Использование невербальных средств	2,63	0,954	0,000
	2,07	1,016	0,000
Угрозы, санкции, наказания	2,19	0,906	0,000
	1,74	0,896	0,000
Дальняя психологическая дистанция	1,93	0,910	0,000
	2,43	1,031	0,000
Использование четких критериев	3,08	0,517	0,001
	2,76	0,766	0,000
Функция эмоциональной взаимосвязи	2,20	0,814	0,000
	2,81	0,947	0,000
Стратегия соперничества	3,25	0,722	0,021
	3,01	0,808	0,017
Проявление твердости	2,74	0,804	0,000
	2,10	1,061	0,000
Фиксированное время взаимодействия	2,40	0,902	0,000
	1,73	1,025	0,000
Функция управления взаимодействиями	2,45	0,764	0,021
	2,18	0,924	0,014
Просьба, обращение за поддержкой к партнеру	2,00	1,123	0,001
	2,48	0,960	0,001
Поощрение	2,66	0,780	0,001
	2,27	0,928	0,001
Функция саморазвития	2,56	0,919	0,001
	2,96	0,836	0,001
Высокая активность	2,96	0,698	0,010
	2,66	0,955	0,005
Привлечение других к решению вопроса	1,34	1,268	0,002
	0,89	0,997	0,005
Использование телефона	2,78	0,807	0,000
	1,94	0,980	0,000

Примечание: М — средние, SD — стандартные отклонения.

Note: M — average values, SD — standard deviations.

Таблица 2. Статистически значимые различия (t-сравнение для независимых групп) стилей делового общения менеджеров и сотрудников КП (фрагмент)

Table 2. Statistically significant differences (t-comparison for independent groups) of styles of business communication of managers and colony-settlement employees (fragment)

Стилевые компоненты	Менеджеры/сотрудники КП		
	М	SD	Различия
Спокойная динамика развития процесса	2,19	0,981	0,001
	2,84	0,677	0,000
Демонстрация силы	1,46	1,368	0,007
	0,75	0,880	0,001
Использование невербальных средств	2,63	0,954	0,000
	1,72	0,888	0,000
Угрозы	2,19	0,906	0,000
	0,78	0,832	0,000
Использование четких критериев	3,08	0,517	0,000
	2,59	0,837	0,004
Деловые письма	2,34	0,880	0,023
	1,91	0,995	0,035
Фиксированное время взаимодействия	2,40	0,902	0,007
	1,88	0,942	0,009
Стратегия содействия	3,05	0,722	0,011
	2,66	0,745	0,014
Функция управления взаимодействиями	2,45	0,764	0,009
	2,00	0,916	0,018
Высокий темп взаимодействий	2,90	0,688	0,010
	2,50	0,880	0,023
Постановка конкретных целей	3,20	0,708	0,004
	2,72	0,958	0,013
Использование телефона	2,78	0,807	0,000
	1,97	0,782	0,000

Примечание: М — средние, SD — стандартные отклонения.

Note: M — average values, SD — standard deviations.

Таблица 3. Статистически значимые различия (t-сравнение для независимых групп) стилей делового общения медсестер и сотрудников КП (фрагмент)

Table 3. Statistically significant differences (t-comparison for independent groups) of styles of business communication of medical nurses and colony-settlement employees (fragment)

Стилевые компоненты	Менеджеры/медсестры		
	М	SD	Различия
Угрозы	1,74	0,896	0,000
	0,78	0,832	0,000
Дальняя психологическая дистанция	2,43	1,031	0,006
	1,88	1,070	0,010
Деловые письма	2,54	0,858	0,000
	1,91	0,995	0,002
Функция эмоциональной взаимосвязи	2,81	0,947	0,000
	2,00	0,984	0,000
Проявление твердости	2,10	1,061	0,005
	2,66	0,827	0,002
Функция саморазвития	2,96	0,836	0,003
	2,47	0,842	0,004
Привлечение других к решению вопроса	0,89	0,997	0,001
	1,50	0,803	0,000

Примечание: М — средние, SD — стандартные отклонения.

Note: M — average values, SD — standard deviations.

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа в группе сотрудников КП и менеджеров (фрагмент)

Table 4. The results of the correlation analysis in the group of colony-settlement employees and managers (fragment)

Стилевые компоненты	Социально-демографические характеристики								
	Пол	Возраст	Стаж 1	Стаж 2	Стаж 3	Стаж 4	Должность	Брак	Дети
Коммуникативная функция								-0,32	
Демонстрация силы		-0,32	-0,43						
Аргументация				0,33					
Информационная функция									-0,31
Организация времени	-0,40								
Обозначение проблемы в целом	-0,43			-0,30					
Максимальное время взаимодействия					-0,30			-0,35	
Деловая документация								-0,34	
Фиксированное время взаимодействия							-0,34		
Управление взаимодействиями								-0,35	
Обращение с просьбой								-0,35	
Стратегия поощрения				-0,30					
Предоставление партнеру времени для обдумывания	-0,37								-0,32
Стратегия приспособления		0,36							0,34
Высокая активность	-0,36	-0,31					-0,30		
Привлечение других							0,35		
Доверительная беседа								-0,37	
Использование телефона	-0,44							-0,36	
Стратегия компромисса		0,30	0,30						
Эмоциональная функция								-0,30	
Организация времени		-0,32							
Постановка четких целей	-0,34								

Примечание: стаж 1 — общий стаж работы, стаж 2 — стаж работы в компании, стаж 3 — стаж работы в должности, стаж 4 — стаж управленческой деятельности. Курсивом выделены корреляции в группе сотрудников КП, жирным шрифтом — в группе менеджеров.

Note: experience 1 — total duration of working experience, experience 2 — working experience in the company, experience 3 — work experience in the position, experience 4 — working experience of the leading activity. Correlations in the group of penal colony employees are highlighted in italic letters and in the managers group — in bold type.

Список литературы

Вяткин Б.А., Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности: учеб. пособие / Моск. психол.-соц. ин-т. М.; Воронеж: МОДЭК, 2007. 335 с.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Психология стилей человека: учеб. пособие / Рос. академия образования; Перм. гос. гуманит.-пед. ун.-т. Пермь: Книжный мир, 2013. 128 с.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р. Человек–стиль–социум: полисистемное взаимодействие в образовательном пространстве / Перм. гос. пед. ун.-т. Пермь, 2007. 108 с.

Дорфман Л.Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / Перм. гос. ун.-т. Пермь, 2005. 190 с.

Жданова С.Ю. Стиль учебной деятельности студентов в зависимости от специфических условий и требований деятельности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 259–283.

Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.: Академ. проект, 2005. 240 с.

Ильин Е.П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–94.

Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2008. 701 с.

Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 1968. 452 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Сизова Л.А., Рютина О.В., Вильчес-Ногерол В.В. Стили делового общения: пространство деятельности и профессиональная реализация личности. Часть 1. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 539–550. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-539-550>

Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского

университета. Серия 14: Психология. 2019. № 1. С. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Толочек В.А. Психология труда. 3-е изд., доп. СПб.: Питер, 2019. 480 с.

Толочек В.А. Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 48–61.

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 366 с.

Ясько Б.А., Порханов В.А., Сизова Л.А. Кадровый резерв организации здравоохранения: основы отбора и развития. Краснодар: Кубанский гос. ун.-т, 2017. 269 с.

Получено 30.01.2020

References

Dorfman, L.Ya. (1989). *Individual'nyy emotsional'nyy stil'* [Individual emotional style]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 88–95.

Il'in, E.P. (1988). *Stil' deyatel'nosti: Novyye podkhody i aspekty* [Styles of activity: new approaches and aspects]. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 85–94.

Il'in, E.P. (2008). *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 701 p.

Klimov, E.A. (1968). *Individual'nyy stil' deyatel'nosti v zavisimosti ot tipologicheskikh svoystv nervnoy sistemy: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Individual style of activity depends on typological characteristics of nervous system: dissertation]. Kazan, 452 p.

Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [The essay of the integral research of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Sizova, L.A., Ryutina, O.V. and Vilches-Nogero, V.V. (2019). *Stili delovogo obscheniya: prostranstvo deyatel'nosti i professional'naya realizatsiya lichnosti. Chast' 1* [Styles of business communication: space of activity and individual professional realization. Part 1]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 539–550. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-539-550>

Tolochek, V.A. (2019). «*Psikhologicheskiye ni-shi*»: *topos i khronos v determinatsii professional'noy spetsializatsii sub'ekta* [«Psychological niches»: topos and chronos in the determination of subject's professional specialization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Tolochek, V.A. (2019). *Psikhologiya truda* [Labor psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 480 p.

Tolochek, V.A. (2011). *Sopryazhennaya professional'naya kar'era sub'ekta: konteksty i izmereniya* [Related professional career of the subject: contexts and dimensions]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. No. 2, pp. 48–61.

Tolochek, V.A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursnyy podkhod* [Styles of activity: recourse approach]. Moscow: IP RAN Publ., 366 p.

Vyatkin, B.A. and Schyukin, M.R. (2007). *Chelovek–stil'–sotsium: polisistemnoe vzaimodeystvie v obrazovatel'nom prostranstve* [Person-style-society: complex interaction in the educational space]. Perm: PSPU Publ., 108 p.

Vyatkin, B.A. and Schyukin, M.R. (2013). *Psikhologiya stiley cheloveka* [Person's psychological styles]. Perm: Knizhnyy Mir Publ., 128 p.

Vyatkin, B.A. and Zhdanova, S.Yu. (2007). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti* [Cognition psychology of individuality]. Moscow, Voronezh: NPO «MODEK» Publ., 335 p.

Yas'ko, B.A., Porkhanov, V.A. and Sizova, L.A. (2017). *Kadrovyy rezerv organizatsii zdoravookhraneniya: osnovy otbora i razvitiya* [Personnel reserve of organization of healthcare: the basis of selection and development]. Krasnodar: KSU Publ., 269 p.

Zeer, E.F. and Symanyuk, E.E. (2005). *Psikhologiya professional'nykh destruktivnykh deystviy* [Psychology of professional destructions]. Moscow: Akademicheskyy Prospekt Publ., 240 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti cheloveka* [Psychology of cognition of a man's individuality]. Perm: PSU Publ., 190 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Stil' uchebnoy deyatel'nosti studentov v zavisimosti ot spetsificheskikh usloviy i trebovaniy deyatel'nosti* [Styles of learning of students depends on specific conditions and requirements of activity]. Moscow: PER SE Publ., pp. 259–283.

Received 30.01.2020

Об авторах

Вильчес-Ногерол Вероника Валерьевна
аспирант

Научно-исследовательский институт
технической эстетики
Российского технологического университета,
119454, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: belikveronika@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-2923>

Сизова Лариса Александровна
кандидат психологических наук,
главная медицинская сестра

Научно-исследовательский институт –
Краевая клиническая больница № 1
им. проф. С.В. Очаповского,
350047, Краснодар, ул. 4 линия ППК, 15;
e-mail: sizowala@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9918-7551>

About the authors

Veronika V. Vilches-Nogerol
Ph.D. Student

Research Institute of Technical Aesthetics
of MIREA – Russian Technological University,
78, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russia;
e-mail: belikveronika@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-2923>

Larisa A. Sizova
Ph.D. in Psychology, Chief Nurse

Scientific Research Institute – Regional Clinical
Hospital No. 1 named after prof. S.V. Ochapovsky,
15, Line 4 of the PRK st., Krasnodar, 350047, Russia;
e-mail: sizowala@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9918-7551>

Чумакова Ольга Владимировна

старший психолог

Колония-поселение № 2 Управления
Федеральной службы исполнения наказаний
по Московской области,
124575, Московская обл., Зеленоград,
ул. Панфилова, 21;
e-mail: ryutina.o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3439-6501>

Olga V. Chumakova

Senior Psychologist

Penal Colony No. 2 of the Department
of the Federal Penitentiary Service
of the Moscow region,
21, Panfilov st., Zelenograd, Moscow region,
124575, Russia;
e-mail: ryutina.o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3439-6501>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вильчес-Ногерол В.В., Сизова Л.А., Чумакова О.В. Стили делового общения: пространство деятельности и профессиональная реализация личности. Часть 2 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 118–129. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-118-129

For citation:

Vilches-Nogerol V.V., Sizova L.A., Chumakova O.V. [Styles of business communication: space of activity and individual professional realization. Part 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 118–129 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-118-129

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-130-138

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ***Захаркин Роман Александрович, Панфилова Анна Олеговна**Дальневосточный федеральный университет*

Рассматривается роль современной массовой коммуникации в процессе формирования представлений о социальной реальности. В основе анализа лежат принципы феноменологического и постмодернистского подходов к социальному анализу, в результате делается вывод об определяющем и специфическом влиянии средств массовой коммуникации на индивида в условиях информационного общества. Ситуация современного социально-информационного обмена сильно осложняется фактором избыточности информации, невозможности полноценной обработки всего ее объема. Информационный избыток ставит человека в ситуацию выбора: ему необходимо выбрать определенные источники. Они и становятся основными медийными поставщиками репрезентаций о социальной реальности. Таким образом, представления индивида о социальной реальности во многом начинают зависеть от того контента, который транслируется по этим избранным каналам массовой коммуникации. И теоретические и эмпирические данные показывают, что это играет особую роль в структуре повседневных информационных практик индивидов, влияет на процессы самоидентификации и социализации в условиях текущей социальной действительности. Делается вывод, что представления людей о социальной реальности в большей степени имеют имиджевый характер, который конструируется и продвигается коммуникационными усилиями современных массмедиа. Во многом этот процесс зависит и от медиаконцепции выбранных каналов. Подчеркиваются искусственность и управляемый характер этого процесса.

Ключевые слова: социальная реальность, социальные представления, информационное общество, масс медиа, средства массовой коммуникации, общественное мнение, информационная сингулярность.

**REPRESENTATIONS OF SOCIAL REALITY:
COMMUNICATIVE ASPECTS OF THEIR CONSTRUCTION
UNDER THE INFORMATION SINGULARITY CONDITIONS***Roman A. Zakharkin, Anna O. Panfilova**Far Eastern Federal University*

The article analyzes the role of modern mass communication in the construction of social reality representations. Based on the phenomenological and postmodern approaches to social analysis, the authors draw a conclusion about the determining and specific influence of the mass media on the individual in the context of the information society. The modern socio-informational exchange is greatly complicated by the information redundancy factor and the impossibility to fully process the entire volume of information. Excess of information puts a person in a situation of choice: he needs to choose certain channels. Then the chosen ones become the main media providers of social reality representations. Consequently, those

representations in many respects are influenced by the content broadcasted through the selected channels. Theoretical and empirical data show that this plays a special role in the structure of individuals' everyday informational practices and affects the level of trust to information sources and the processes of self-identification and socialization in the current social reality. The authors draw a general conclusion that people's representations of social reality are, to a large extent, of an image nature. In many ways, this process also depends on the media concept of the selected channels. It is constructed and promoted by the communication efforts of the modern mass media. The authors emphasize the simulated and controllable nature of this process. The article presents data which may be useful in further sociological analysis of the modern mass communication process, in interpretation of its institutional characteristics, in determining their role in the construction of social reality representations.

Keywords: social reality, social representations, information society, mass media, public opinion, information singularity.

К определению социальной реальности

Представления о социальной реальности, их характер во многом определяют вектор развития личности человека. Они способны влиять на формирование ценностно-нормативного сознания, определять меру социальной активности, играть важнейшую роль в том, как человек воспринимает общественную ситуацию и социум, в целом. Они же служат мощным источником формирования и развития общественного мнения. По сути, процессы социальной адаптации, социализации, развития и познания человек реализует через осознание и осмысление фактов, конструкций и закономерностей социальной реальности. Проследим сущностные и функциональные стороны последней, опираясь в понятийном и методологическом отношении на феноменологический подход.

Так, А. Шюц, будучи одним из основных теоретиков феноменологической школы, понимал этот конструкт как «тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий. Это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором мы родились, несем свою ношу и с которым должны поладить» [Шюц А., 2004, с. 55].

Современность такого подхода показывают исследовательские данные, приводимые в соответствующих научных работах. Так, о социальной реальности можно говорить как об «объективированном результате субъективной деятельности людей. Социальная реальность возникает как результат взаимодействия различных соци-

альных сил, преследующих собственные интересы, и представляет собой непредвиденные последствия их преднамеренных действий» [Осипов Г.В. и др., 2014, с. 246]. Одновременно это и «все протекающие в обществе процессы, составляющие содержание его жизнедеятельности. Сюда включаются как постоянно функционирующие, самообновляющиеся и самовоспроизводящиеся циклы жизни отдельных людей (трудовая деятельность, семейные обязанности, забота о детях и родителях, учеба и отдых и т.д.), так и работа социальных институтов, организующих и управляющих действиями социальных субъектов в лице отдельных организаций, индивидов, социальных групп и общностей» [Пахарь Л.И., 2014, с. 135]. Особо отметим, что социальная реальность — феномен, границы которого определяются тем, что это, прежде всего, общество и люди, его составляющие. К этой реальности относят еще систему (совокупность) отношений, образующих общество из суммы составляющих его людей» [Пернацкий В., 2015, с. 187].

Приведенные определения позволяют сделать вывод, что объединяющая их идея — это константа взаимосвязи: человек (личность, индивид) — его взаимоотношения с обществом. Поэтому «социальная реальность — это объекты в социальном окружении человека, с которыми он непосредственно или опосредованно взаимодействует или воспринимает. То есть вся реальность, воспринимаемая человеком в процессе его взаимодействия с обществом, и может называться социальной реальностью» [Захаркин Р.А., 2017, с. 135].

Основываясь на этом, можно увидеть, что феномен существует и развивается вне процессов индивидуализации. Но вот восприятие и

переработка социальной информации осуществляется только с помощью субъективных механизмов человека. Иначе говоря, имея объективную природу, социальная реальность воспринимается индивидом через уже существующие в его сознании конструкты, имеющие субъективный характер (например, стереотипы или страхи). И здесь она теряет свою объективность, приобретая субъективные качества и свойства. «Это субъект-объектная реальность, на которую все более значительное влияние оказывает субъективный фактор — человеческое сознание и три вида его активности (память, когнитивная активность и моделирующие воображение)...» [Жульков М.В., 2013, с. 74]. «Социальная реальность не может рассматриваться вне участия социального субъекта, она всегда “проживается изнутри”, интерпретируется, осмысливается, оценивается, является объектом активной преобразовательной деятельности и т.д. Если реальность как таковая является одним из способов бытия наряду с бытием идеальным, то социальная реальность фактически сочетает в себе материальное (объективное) и идеальное (субъективное), поскольку включает в себя и конструкты материального характера, и феномены внутреннего мира человека» [Мусиец П.В., 2013, с. 128].

Получается, что «социальная реальность предстает межиндивидуальной реальностью, в которой существует сеть связей, зависимостей, обменов. Она является специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом» [Сергеева Э.А., 2011, с. 43]. Категорией, обеспечивающей ее восприятие, формирование и трансляцию образов и символов, социальную рефлексию, является взаимодействие между субъектами.

Здесь, на наш взгляд, стоит отметить двойственный характер ситуации. Так, социальная реальность может какое-то время не изменяться, быть статичной, но представление о ней может меняться. Иными словами, неизменная реальность способна становиться источником измененных о ней представлений. Соответственно, может быть и наоборот: происходят некие объективные изменения, а ситуацию представляют как что-то неизменное. Следовательно, в основе индивидуального конструирования реальности лежит субъективизм ее вос-

приятия, осмысливание ее объектов и процессов через индивидуальные личностные конструкты.

Одновременно с этим важное значение здесь приобретают механизмы и содержание социальной адаптации людей к изменяющимся социокультурным условиям. «Социальное конструирование реальности — это не просто управление и овладение сложными механизмами социального развития, но также и приспособление личности к ней» [Кармадонова Т.Н., 2015, с. 261]. Это, в свою очередь, во многом определяет вектор и характер развития вторичной социализации в плане представления о социуме и отношений с ним. Системное развитие данных процессов показывает, как «реализуется один из механизмов социально-экономического управления» [Панфилова А.О., 2015, с. 17], поскольку, как будет показано далее, исключительную инструментальную роль в вопросе формирования социальных представлений о реальности играют современные информационно-коммуникативные технологии, их тотальное «вплетение» в социальную практику.

Массмедиа в условиях «работы» с социальной реальностью

Современные массмедиа обрели возможность изменения качества социального пространства. «Новые информационно-коммуникативные технологии — от Интернета до блокчейна — по-новому структурируют социум. Горизонтальные и сетевые структуры увеличивают свое влияние на социальные процессы в сравнении с иерархическими. Квалификации современного общества как массового, информационного дополняются новыми характеристиками типа “проектно-сетевое социума” (Л. Болтански)» [Тихонов А.В., 2018, с. 108].

С одной стороны, это открывает огромные возможности для современного человека: от практически мгновенного общения в социальных сетях и до электронного взаимодействия с государством и его институтами. С другой — появляются неоднозначные эффекты такого состояния, например вопрос верификации информационного продукта, т.е. проверки его достоверности и соответствия действительности. «Средства массовой коммуникации — это окно в мир для большинства индивидов, возмож-

ность посмотреть со стороны на феномены, которые он не может охватить в силу ограниченности возможностей. И в этом случае человеку приходится верить СМК a priori, иначе необходимо просто отказываться от их информации, потому что, как уже указывалось, по большому счету проверить ее достоверность он не имеет возможности» [Захаркин Р.А., 2017, с. 137].

При проверке достоверности информации того или иного медийного источника неизбежно возникает проблема избыточного информационного разнообразия. Это — информационная сингулярность, следствие развития информационного общества, или такое «состояние общества, при котором количество и интенсивность обрушиваемых на человека сведений заведомо превосходит его временные и физические возможности критического восприятия» [Мараховский В., 2017]. Иными словами, в современных общественных реалиях интенсивность информационного потока не просто высока, а порой превышает перцептивные и интерпретативные возможности человека. Поэтому желание проверить некую информацию в информационном поле будет накрыто волной разнообразных мнений и суждений по одному и тому же вопросу, причем и каждого вида мнений будет огромное количество.

В этом случае пользователи выбирают модель поведения, которая помогает им не «утонуть» в таком объеме информации: они начинают пользоваться ограниченным количеством ресурсов, которые они определяют как заслуживающие доверия, либо авторитетные. Чаще всего выбор информационных ресурсов происходит в соответствии с логикой теории когнитивного диссонанса, предложенной Л. Фестингером [Фестингер Л., 2018]. Человек, как правило, старается избегать информации, которая не согласуется с уже имеющимися у него представлениями, оценками, установками и т.д., избегая тем самым и диссонанса. Соответственно, субъект также будет склонен делать информационный выбор, не противоречащий сложившейся личностной картине мира, фундаменту его сознания. «Оценка нашим современником информации основана в значительной степени не на каком-либо рассуждении, не на анализе. Это вопрос всего лишь “верю – не верю”. В свою очередь, базирующийся на “нравится – не

нравится”. Иными словами, на наших глазах уничтожается сама возможность сознательной работы человека с картиной мира. На первый план в создании собственного “актуального мировоззрения” выходят совершенно иррациональные факторы. Фактически это уже не “выдавание желаемого за действительное”, а “выбор желаемой действительности”. Причем можно быть уверенным: сведений, подтверждающих реальность выбранного, всегда окажется предостаточно» [Мараховский В., 2017].

Получается, что, участвуя в процессе массовой коммуникации в условиях выраженной информационной избыточности, индивид попадает в своеобразную ловушку: он выбирает согласно некоторым своим представлениям ресурсы для использования и естественным образом больше доверяет им и информации из них. Альтернативные же точки зрения он не склонен изучать, т.к., с одной стороны, сделал информационный выбор, с другой — старается избежать противоречий и диссонансов. Таким образом, сфера формирования и развития социальных представлений о реальности, с которой люди не соприкасаются непосредственно, находится в значительной мере под контролем средств массовой коммуникации.

Такую ситуацию в свое время предсказывали постмодернисты [Бодрийяр Ж., 2015; Деррида Ж., 2006; Лиотар Ж.-Ф., 1998], анализируя все более возрастающее влияние массмедиа на общественные процессы. Постмодернистский подход довел значение средств массовой коммуникации в сфере формирования общественного мнения и его элементов до определенного абсолюта. При этом отметим, что основным медиасредством в период активного развития постмодернистского мышления было телевидение. Сейчас же, когда все больше информационного пространства захватывается Интернетом, для развития идей постмодернистов было бы еще больше оснований, т.к. Всемирная сеть увеличивает степень интерактивности, вовлеченности, диалогичности коммуникации, дает качественно иные возможности участия в информационном обмене. Более того, Сеть и создает условия для этого обмена, и выстраивает его границы, и регулярно обновляет их, генерируя новые коммуникативные параметры. Соответственно, можно подходить к формирова-

нию социальных представлений с иных организационных и методических позиций и делать это значительно быстрее и незаметнее для пользователей. Этот этап развития массовой коммуникации явственно демонстрирует возможность развития всеобъемлющей виртуальной реальности, которую эпоха телевидения еще не давала.

В связи с этим особенно важны размышления Ж. Бодрийяра. Он отмечал, что эпоха постмодерна характеризуется двумя вещами: огромным влиянием средств массовой коммуникации на жизнь людей и доминированием идеологии общества потребления. Информация, в гигантских объемах генерируемая массмедиа, структурируется в виде симуляций — образов, которые маскируются под реальность, но зачастую могут никакого отношения к последней не иметь. Ж. Бодрийяр [Бодрийяр Ж., 2015] под симулякром понимал псевдообраз, имеющий символическую природу, которая, в свою очередь, не имеет отношения к реальности, но выдает себя за часть реального мира. Симулякры вытесняют объекты, находящиеся в реальном мире, маскируясь под объекты этой действительности, в результате чего стираются границы между имитируемой реальностью и настоящей реальностью.

Симулякры в своей сумме образуют гиперреальность. Гиперреальность — это реальность в сознании людей, полностью сформированная средствами массовой коммуникации. Для современного человека основное значение имеет не само событие или факт, а их медиаинтерпретации, поскольку с ними и будет иметь дело аудитория. Говоря утрированно, если событие не появилось в информационной ленте, то для пользователей его просто не происходило. Соответственно, можно говорить о том, что в информационном обществе влияние гиперреальности на индивида имеет едва ли не большее значение, чем влияние настоящей реальности. Гиперреальность в инструментальном отношении оказывается наиболее мощным агентом социального конструирования и мифотворчества.

Ж. Деррида, как и Ж. Бодрийяр [Деррида Ж., 2006; Бодрийяр Ж., 2015], основной причиной появления такого большого количества симулякров и внедрения их в сознание людей видел во все большем развитии медиа и, как след-

ствие, росте их влияния на жизнь общества. Например, относительно политических процессов он высказывал мнение, что в современном мире демократия и политическая сфера имеют номинальную природу, т.к. медиа формируют призрачную политику, где основную роль играют симулякры, а не настоящие политические фигуры. Так, для западного мира характерно состояние политической сферы как своеобразного перформанса, где политики прежде всего играют роли в рамках телевизионного вещания, а не занимаются решением важных проблем общественной жизни.

Если подвести идеи постмодернистов относительно социальной реальности под единый знаменатель, то можно увидеть в первую очередь ее сконструированную искусственную природу; значимая ее часть создается медийным способом, а потом ее существование медиа же и поддерживают. С другой стороны, стоит отметить, что такой подход к анализу достаточно радикален, и информационные и коммуникационные процессы даже в современном обществе еще не достигли точки, когда появляется полноценная гиперреальность. В данный момент мы можем говорить о значительной степени социальной выраженности и масштабности тенденций этого движения.

Информационная сингулярность в оценке повседневности: эмпирические данные

Авторский разведывательный социологический опрос-исследование был призван способствовать получению эмпирической информации по одному из ракурсов обозначенной темы, а именно: показать уровень целевого использования людьми информационных источников, а также определить уровень их доверия к последним. Опрос был реализован в форме анкетирования в Интернете как в наиболее активно развивающемся и охватывающем все большую аудиторию средстве массовой коммуникации. Выборка квотная, репрезентативная, по полу и месту проживания респондентов (город–село), $N = 384$ чел. Построение выборки обусловлено задачей исследователей сформировать стратифицированный отбор исследуемых единиц, репрезентирующий структуру генеральной совокупности. Уровень исследования — региональ-

ный, респонденты — жители г. Владивостока и Приморского края.

Гипотеза исследования. На сегодняшний день люди в основном предпочитают пользоваться информацией из относительно небольшого количества источников, в достаточной мере доверяя им. В то же время люди склонны не доверять источникам, не входящим в список своих основных привычных информационных ресурсов. Если таковые используются, получаемая из них информация чаще проверяется. Соответственно, цель исследования — показать влияние информационной сингулярности на повседневную жизнь людей, их информационные практики. Важный вопрос здесь — о том, можно ли говорить о сформированности субъ-

ективного списка доверенных медиа. Оценка результатов позволила сформулировать предварительные тенденции в структуре ответов.

Наличие определенного списка/перечня интернет-ресурсов (сайтов, социальных сетей, мессенджеров) подтвердили более половины респондентов. Затруднились обозначить таковые как регулярно используемый перечень 18 %, еще 6 % опрошенных отметили, что такого списка у них нет, а их присутствие в Сети имеет спонтанный характер. Достаточно высокая первая цифра позволила большинству респондентов перейти к следующим блокам вопросов, результаты ответов на которые представлены в табл. 1.

Таблица 1. Частота обращения к новым сетевым информационным ресурсам

Table 1. Frequency of appealing to new net information resources

Вопрос	Варианты ответов, %				
	Очень часто (несколько раз в месяц)	Достаточно часто (примерно 1–2 раза в месяц)	Иногда	Сравнительно редко	Затрудняюсь ответить
– новостные, информационные сайты?	10	15	27	34	14
– страницы, группы, паблики в социальных сетях	14	16	36	24	10

Можно увидеть, что изменения в списке новостных сайтов у респондентов происходят в основном «иногда» и «сравнительно редко». Соответственно, в случае с контентом социальных сетей изменения происходят чаще, но тем не менее перевес заметен в сторону тех же вариантов ответов.

Порядок выбора нового источника информации можно расценивать как меру того, насколько люди готовы отойти от привычного пути получения контента. Чтобы узнать, как респонденты «выходят» на новые интернет-ресурсы, им был задан вопрос: «Как Вы находите новые сайты или страницы, которыми потом регулярно или часто пользуетесь?». Частота ответов: «Обычно по совету друзей» — 24 %, «Когда узнаю, что ими пользуются знакомые или коллеги» — 18 %, «Рекомендация постоянно используемого сайта или страницы» — 8 %, «С помощью поисковика» — 26 %,

«Случайно» — 16 %, «Свой вариант» — 0 %, затруднились ответить — 8 %.

При подсчете, во-первых, отмечено, что почти половина респондентов ищет новые ресурсы практически в рамках «своего» круга, поскольку и у друзей, и в уже используемых ресурсах можно найти источники, которые уже субъективно верифицированы как с точки зрения контента, так и безопасности. Во-вторых, большое значение в нахождении новых источников информации играют поисковые системы: на них полагается больше половины респондентов. Чуть больше четверти опрошенных не имеет системы поиска новых источников информации в сети Интернет.

Ответы на последние два вопроса позволяют предварительно очертить уровень доверия по отношению к медиаконтенту и его источникам, обнаруженным респондентами. Данные сгруппированы в табл. 2.

¹ В качестве пояснения: продолжение вопроса в анкете: «...заходите на новые площадки, вносите их в “Избранное”, начинаете просматривать их регулярно?»

Таблица 2. Уровень медиадоверия, выказанный респондентами

Table 2. The level of respondents' trust to the media

Вопрос	Варианты ответов, %				
	В целом, доверяю	Отношусь с долей недоверия	Часто перепроверяю их информацию	Не доверяю	Свой вариант ответа
– сайтам, которыми постоянно пользуетесь?	56	22	12	6	4
– страницам в социальных сетях, которыми постоянно пользуетесь?	62	17	8	8	5

Таким образом, можно предварительно подтвердить мысль о преобладании «своего» доверительного информационного круга: более половины респондентов высказывают доверие информации с «проверенных» сайтов, менее трети испытывают лишь незначительные сомнения. Абсолютное большинство в обеих группах не склонны перепроверять прочитанное и просмотренное, в целом показав лояльное и, главное, доверительное отношение к информации из списка «своих» источников. Отметим также заметно чуть менее критичное отношение респондентов к информации в социальных сетях, нежели к контенту, размещаемому отдельными «несетевыми» сайтами.

Чуть больше половины респондентов практически не ищет в Интернете источники информации с новым контентом, если это не связано с какими-то утилитарными причинами (поиск ответа на конкретный вопрос и т.д.). То есть позиция людей здесь в большей степени пассивна: они прилагают мало усилий для поиска новой информации.

Полученные данные позволяют в разведывательном ключе подтвердить и положение о социальном выражении информационной сингулярности и выдвинутую гипотезу эмпирической работы. Конечно, нельзя говорить о всеобщности и универсальности этого процесса, но значительное количество пользователей уже действует в условиях сознательного сужения источников информации до относительно определенного списка. Большинство респондентов не стремятся к активной работе с информационными ресурсами, не склонны менять их привычный перечень. Скорее наоборот — их обращение к ним имеет вид сложившейся повседневной информационной практики. С другой стороны, следуя психологическому посту-

лату о том, что психика стремится защищать себя от обильной и нежелательной информации, это можно интерпретировать и как своего рода защитную реакцию, попытку уменьшить силу современных информационных потоков.

Проделанный анализ позволяет увидеть, что представления индивида о социальной реальности в значительной степени субъективны и далее они субъективируют повседневную жизнедеятельность. Конструируемые усилиями массово-информационных субъектов, они формируются через фактор доверия к потребляемому медиаконтенту и через привычные медиапрактики. Соответственно, субъективирование социальной реальности в современных общественных условиях становится фактором значительного влияния на общественные и социокультурные процессы (например, вторичную социализацию, потребительское поведение и т.п.). В общесоциальном плане, в контексте колоссальной масштабности и интенсивности массово-информационных процессов медиа вышли на тот уровень социального творчества, когда уже не просто конструируются элементы или фрагменты социальной реальности, а реализуется композиция современного социального поля. Происходит построение целостных социальных конструктов, социальных имиджей (ценностей, потребностей, проектов, фетишей и т.д.), образы которых имеют искусственный, гиперреальный характер. В более общем смысле формируется и продвигается сам имидж общества и его социальной реальности.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Деррида Ж.* Призраки Маркса. М.: Ессе homo, 2006. 256 с.

Жульков М.В. Социальная реальность в энергоинформационном мире // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–3(38). С. 70–75.

Захаркин Р.А. Влияние средств массовой коммуникации на отношение к социальной реальности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 134–139.

Кармадонова Т.Н. Влияние социальной адаптации личности на конструирование социальной реальности // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7, № 1–2. С. 260–265.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Мараховский В. Верю — не верю // Газета «Культура». 2017. 24 янв. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/obozrevatel/151462-veryu-ne-veryu/> (дата обращения: 08.12.2019).

Мусиц П.В. «Социальная реальность» в системе релевантных понятий // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1(63). С. 125–129.

Осипов Г.В., Кареева С.Г., Климовицкий С.В. Новая социальная реальность как объект социального конструирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 246–258.

Панфилова А.О. Массовое сознание и общественное мнение в деятельности современной массовой коммуникации // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2015. № 1(73). С. 14–19.

Пахарь Л.И. Социальная реальность: анализ механизма функционирования // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5(61). С. 135–143.

Пернацкий В. Феномен социальной реальности // Свободная мысль. 2015. № 3(1651). С. 173–188.

Сергеева Э.А. Социальное взаимодействие как основа построения социальной реальности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 40–43.

Тихонов А.В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 102–113. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0132162518020113>

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018. 256 с.

Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

Получено 16.12.2019

References

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ., 240 p.

Derrida, J. (2006). *Prizraki Marksa* [Specters of Marx]. Moscow: Ecce Homo Publ., 256 p.

Festinger, L. (2018). *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of cognitive dissonance]. Moscow: Eksmo Publ., 256 p.

Karmadonova, T.N. (2015). *Vliyanie sotsial'noy adaptatsii lichnosti na konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti* [Influence of social adaptation of the individual on the construction of social reality]. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues of Social Theory]. Vol. 7, no. 1–2, pp. 260–265.

Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. Saint-Petersburg: Alleteya Publ., 160 p.

Marakhovskiy, V. (2017). *Veryu — ne veryu* [I believe — I don't believe]. *Gazeta «Kul'tura»* [«Culture»: newspaper]. Jan. 24. Available at: <http://portal-kultura.ru/articles/obozrevatel/151462-veryu-ne-veryu/> (accessed 08.12.2019).

Musiets, P.V. (2013). «*Sotsial'naya real'nost'*» v sisteme relevantnykh ponyatiy [«Social Reality» in the system of relevant concepts]. *Vestnik VEGU*. No. 1(63), pp. 125–129.

Osipov, G.V., Karepova, S.G. and Klimovitskiy, S.V. (2014). *Novaya sotsial'naya real'nost' kak ob'ekt sotsial'nogo konstruirovaniya* [New social reality as an object of social construction]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 6, pp. 246–258.

Pakhar', L.I. (2014). *Sotsial'naya real'nost': analiz mekhanizma funktsionirovaniya*. *Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Social reality: the analysis of the mechanism of functioning]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences]. No. 5(61), pp. 135–143.

Panfilova, A.O. (2015). *Massovoe soznanie i obshchestvennoe mnenie v deyatel'nosti sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Mass consciousness and public opinion in modern mass communication activities]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management]. No. 1(73), pp. 14–19.

Pernatskiy, V. (2015). *Fenomen sotsial'noy real'nosti* [The phenomenon of social reality]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 3(1651), pp. 173–188.

Sergeyeva, A.A. (2011). *Sotsial'noe vzaimodeystvie kak osnova postroeniya sotsial'noy re-*

al'nosti: sotsial'no-filosofskiy analiz [Social interaction as a base for construction of social reality: socio-philosophical analysis]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 5, pp. 40–43.

Shyuts, A. (2004). *Izbrannoe: mir, svetyaschiysya smyslom* [Selected: a world shining with meaning]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1056 p.

Tikhonov, A.V. (2018). *Sotsiologiya upravleniya: vchera, segodnya, zavtra (materialy kruglogo stola)* [Sociology of governance and administration: yesterday, today, tomorrow (materials of a Roundtable)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 102–113. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0132162518020113>

Zakharkin, R.A. (2017). *Vliyanie sredstv massovoy kommunikatsii na otnoshenie k sotsial'noy re-*

al'nosti [Communication media influence on the view of social reality]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»]. Vol. 21, pp. 134–139.

Zhul'kov, M.V. (2013). *Sotsial'naya real'nost' v energoinformatsionnom mire* [Social reality in the energy-informational world]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 12–3(38), pp. 70–75.

Received 16.12.2019

Об авторах

Захаркин Роман Александрович

кандидат социологических наук,
доцент Департамента коммуникаций и медиа

Дальневосточный федеральный университет,
690091, Приморский край, Владивосток,
ул. Суханова, 8;
e-mail: zakharkin.ra@dvfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1467-2444>

Панфилова Анна Олеговна

кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук

Дальневосточный федеральный университет,
690091, Приморский край, Владивосток,
ул. Суханова, 8;
e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

About the authors

Roman A. Zakharkin

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Communications and Media

Far Eastern Federal University,
8, Sukhanov st., Vladivostok, Primorsky region,
690091, Russia;
e-mail: zakharkin.ra@dvfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1467-2444>

Anna O. Panfilova

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Social Sciences

Far Eastern Federal University,
8, Sukhanov st., Vladivostok, Primorsky region,
690091, Russia;
e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Захаркин Р.А., Панфилова А.О. Представления о социальной реальности: коммуникационные аспекты формирования в условиях информационной сингулярности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 130–138. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-130-138](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-130-138)

For citation:

Zakharkin R.A., Panfilova A.O. [Representations of social reality: communicative aspects of their construction under the information singularity conditions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 130–138 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-130-138](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-130-138)

УДК 316.485

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Юдина Татьяна Николаевна, Мазаев Юрий Николаевич,
Бормотова Татьяна Михайловна, Жуков Павел Сергеевич*

Российский государственный социальный университет

Протестные выступления населения являются важнейшим фактором трансформаций политических систем общества. Мониторинг протестных настроений рассматривается как индикатор легитимности власти, как неотъемлемая часть общественного мнения. Вместе с тем показатели протестной активности граждан нередко становятся заложниками политических технологий, манипулирования общественным сознанием. На материалах мониторинговых опросов ведущих социологических служб, информации СМИ и общественных организаций авторами предпринята попытка аналитического описания динамических потенциальных и актуальных показателей уличной протестной активности современного российского общества. Показано, что уличная протестная активность, как таковая, может указывать на глубокие социальные противоречия в российском обществе. Основным поводом для массовых протестов населения являются насущные проблемы, затрагивающие конкретные жизненные интересы простых людей. При этом граница между социально-экономическими и политическими требованиями становится все более размытой. Вместе с тем выявлено, что ее проявления в современном обществе носят ситуативный характер. Социальный ресурс митингов и демонстраций среди населения, относительно ограничен. Данные опросов свидетельствуют, что большинство граждан России не поддерживает участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни, в защиту своих прав и если таковые будут возникать, скорее всего, не будет принимать в них участие, одновременно придерживаясь мнения о маловероятности развития массового уличного протестного движения. Возможный сценарий развития протестной ситуации в обществе, по мнению авторов, будет зависеть от того, какие именно проблемные факторы, предопределяющие «пиковую» социальную напряженность и протестный потенциал, совпали, и насколько интенсивно они выражены.

Ключевые слова: социальная напряженность, протестная активность, протестный потенциал, уровень и качество жизни, социальные проблемы, экономическое неравенство.

STATE AND DYNAMICS OF PROTEST ACTIVITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

*Tatyana N. Yudina, Yuriy N. Mazaev,
Tatyana M. Bormotova, Pavel S. Zhukov*

Russian State Social University

Protest actions of the population are the most important factor in the transformation of the society's political systems. The authors consider protest moods monitoring to be an indicator of the government legitimacy and an integral part of public opinion. At the same time, indicators of citizens' protest activity often become hostages of political technologies and public consciousness manipulation. The paper attempts to give an analytical description of dynamic potential and actual indicators of street protest activity in modern Russian society, which is done based on the materials of monitoring surveys conducted by leading sociological agencies, as well as information from the media and non-government organizations. It is shown that street protest activity as such can indicate deep social contradictions in Russian society. The main

reason for mass protests of the population is essential problems that affect specific vital interests of ordinary people. In addition, the border between socioeconomic and political requirements is becoming increasingly blurred. At the same time, it is revealed that manifestations of street protest activity in modern society are situational. The social resource of rallies and demonstrations among the population is relatively limited. Survey data indicate that the majority of Russian citizens do not support participation in mass protests against decreasing living standards, in defense of their rights. In case of such protests they will most likely not take part in them, and, in general, they hold an opinion that mass street protest movement is unlikely to develop. According to the authors, the possible scenario for the protest situation development in society will depend on what problem factors determining the «peak» social tension and protest potential will coincide, as well as on the intensity of those factors.

Keywords: social tension, protest activity, protest potential, level and quality of life, social problems, economic inequality.

Введение

Эффективное взаимодействие населения и власти является неременным условием социальной стабильности и прогрессивного развития современного российского общества. Вместе с тем отсутствие должного внимания государства к насущным потребностям граждан приводит к социальной напряженности, трансформирующейся при определенных условиях в гражданскую протестную активность. На фоне углубляющегося социально-экономического неравенства все отчетливее проявляется антагонизм, негативизм в социальных отношениях. Лишь треть населения России высказывает мнение, «что государство сегодня выражает и защищает интересы всех граждан России в равной мере» [Левашов В.К. и др., 2018].

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение основных показателей состояния и факторов социальной протестной активности.

Методология и методы

В научном дискурсе протестная активность рассматривается как одна из альтернатив трансляции власти гражданами своих нереализованных потребностей и определяется степенью готовности населения принимать участие в массовых политических акциях [Хвыля-Олинтер Н.А., 2009]. Протест в этом смысле «гарантирует практически стопроцентную фокусировку ее внимания, так как является самой выразительной и зримой формой гражданской активности» [Нефедов С.А., 2009, с. 35].

В научных исследованиях протестная активность анализируется в психологическом и социальном аспектах. В теориях Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда, Г. Блумера она связывается с повы-

шенной эмоциональной напряженностью и иррациональностью [Дементьева И.Н., 2013]. В современных исследованиях подчеркивается роль межличностных отношений как ключевого фактора протестной активности [Wahlström M., Wennerhag M., 2014]. К социальным детерминантам протестной активности в первую очередь относятся удовлетворенность людей условиями своей жизнедеятельности и показатели социальной направленности государственной политики.

Содержание протестных акций, фокус общественного недовольства представляют собой «портреты социальных проблем» [Juska A., Woolfson C., 2012], острота которых детерминирует масштабы и уровень распространения протестных движений. В современных условиях в общественном сознании актуализированы не только экономические, но и политические, экологические потребности граждан. По мнению экспертов, именно экологический протест наиболее часто приобретает активную, а не пассивную форму [Галустов К.А., 2016; Bruns E. et al., 2012]. «Политический протест возникает как вызов современному содержанию политической власти, характеру и условиям доминирования отдельных социальных групп, существующим сферам влияния» [Волинчук А.Б., Соловченков С.А., 2013, с. 29]. Инициаторами факторами могут выступать дисфункции в деятельности органов власти, распространение коррупции, нарушение правового равенства, ограничение демократических свобод, подавление инакомыслия [Ratliff T.N., Hall L.L., 2014].

В последнее время в методологии исследования протестного поведения все большее значение приобретает институциональный подход [Armstrong E.A., Bernstein M., 2008], позволяющий рассмотреть влияние вновь формирующихся акторов на коллективное поведение, ос-

новой объединения которых становятся не традиционные нормы, а общие ценности и идеалы. Данные методологические основы исследования протестной активности позволяют авторам сформулировать следующие гипотетические утверждения:

– уровень протестной активности населения относительно стабилен в пространственно-временном континууме и ситуативно обуславливается как социально-экономическими, так и социально-психологическими факторами (условия жизни, ценности, установки, опасения);

– отсутствие горизонтальных связей, вызванное недоверием россиян друг к другу и к властным структурам, а также социальный пессимизм приводят к снижению потенциала протестной активности и гражданской вовлеченности населения в отстаивание своих законных интересов.

Эмпирическую базу для вторичного анализа социологической информации в настоящей статье составили результаты мониторинговых и отдельных проблемных исследований ряда ведущих российских социологических и информационно-аналитических служб¹.

Авторы анализируют данные социологических исследований, проведенных с использованием инструментария количественных репрезентативных опросов населения Российской Федерации по аналогичным методикам (процедура очного личного стандартизированного интервью по общенациональной территориальной многоступенчатой выборке с контролем выборочной совокупности по параметрам пола, возраста и образования респондентов).

В анализе социального протеста авторы оперируют двумя широко используемыми показателями: протестный потенциал и протестная активность населения.

Протестный потенциал населения — социальный индикатор, характеризующий готов-

ность личности и отдельных социальных групп к открытым протестным действиям (митингам, демонстрациям, пикетам, забастовкам и пр.). Его оценка осуществляется с использованием результатов социологических опросов. Причем показатель протестного потенциала может рассматриваться в качестве общественной и личной готовности населения к участию в протестных акциях. Показатель общественного протестного потенциала строится на основе оценки потенциальной возможности на момент опроса массовых выступлений на территории проживания респондента. Показатель личностного протестного потенциала отражает собственную готовность респондентов к участию в массовых акциях. Уровень личностного протестного потенциала в настоящей статье определяется как доля респондентов, готовых принять участие в различных акциях протеста, соотнесенная с общей численностью опрошенных [Тощенко Ж.Т., 2017].

Протестная активность населения — показатель деятельного проявления целенаправленного коллективного недовольства посредством открытых форм массового поведения. Для обозначения уровня протестной активности населения используется индекс, определяемый как отношение количества участников акций протеста к численности политически активного населения (на 100 тыс. избирателей) [Сведения о численности избирателей..., 2018].

Результаты

Уровень протестного потенциала населения

Массовые опросы населения России показывают, что круг потенциальных участников протестных акций относительно незначителен и устойчив на протяжении ряда лет. Более того, данные мониторинга ВЦИОМ наглядно демонстрируют, что показатели общественного и личностного протестного потенциала в целом имеют схожую динамику и изменяются незначительно (рис. 1) [Протестный потенциал, 2019].

Согласно данным ВЦИОМ индекс общественного протестного потенциала на протяжении 19 лет вырос незначительно. Большинство опрошенных придерживаются мнения о маловероятности появления протестных акций (в 2001 г. — 67 %, в 2010 г. — 67 %, в 2018 г. — 67 %, в 2019 г. — 62,0 %).

¹ Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Института социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС, Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), Комитета гражданских инициатив (КГИ), Центра социально-трудовых прав (ЦСТП), Агентства «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня», Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), АНО «Левада-Центр», Института социально-политических исследований АН России, РГСУ.

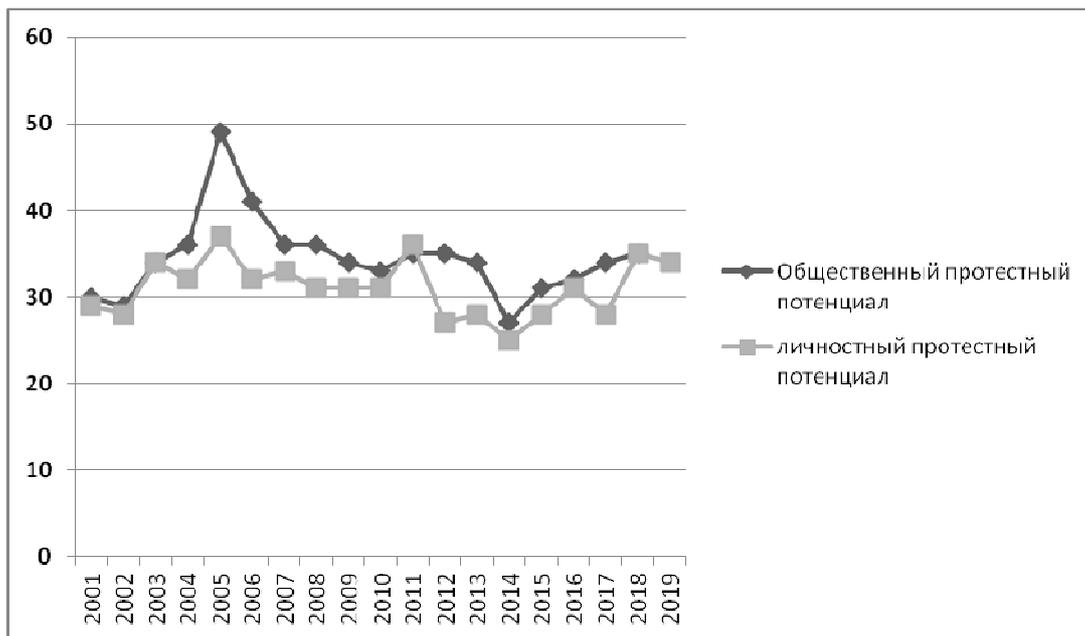

Рис. 1. Динамика показателей общественного и личного протестного потенциала населения России (в индексах от 10 до 90, где 10 — самый низкий показатель, 90 — самый высокий)

Fig. 1. Dynamics of indicators of public and personal protest potential of the Russian population (in indices from 10 to 90, where 10 is the lowest indicator, 90 is the highest)

Отдельные показатели пикового роста и падения индекса, на наш взгляд, связаны не с тенденцией повышения или снижения уровня политической активности населения, а с конкретными ситуативными обстоятельствами (жизненными ситуациями), продуцирующими эмоциональную напряженность в обществе [Yudina T. et al., 2018].

В связи с этим примечательно, что большинство граждан нашей страны, скорее всего, не примут участие в массовых выступлениях (если таковые произойдут) против падения уровня жизни и в защиту своих прав. На протяжении 19 лет большинство опрошиваемых (в 2001 г. 69 %, в 2010 г. — 68 %, в 2019 г. — 68 %) заявляют о своей неготовности участвовать в массовых акциях протеста.

Аналогичные результаты дают и данные других ведущих социологических центров. Сопоставительный анализ этих данных показывает, что уровень протестного потенциала россиян в долгосрочной динамике остается невысоким и достаточно устойчивым. Доля заявляющих, что они не собираются принимать участие ни в каких акциях протеста, составляет боль-

шинство (68–70 %), и лишь примерно каждый четвертый (22–27 %) выражает готовность участвовать в массовых выступлениях (табл. 1) [Левашов В.К. и др., 2019; Положение дел в стране, 2019; Протестные настроения..., 2019; Протестный потенциал, 2019].

Данные мониторинга Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН свидетельствуют о вариативности и сопряженности форм проявления протестной активности граждан (этим мы объясняем их некоторое отклонение от данных других центров). Если доля заявляющих, что они не собираются принимать участие в акциях протеста (71 %), примерно сопоставима с результатами аналогичных опросов, то среди граждан, выказывающих протестные настроения, 13 % респондентов в защиту своих интересов «подпишут обращение к властям», 12 % при необходимости «готовы выйти на митинг, демонстрацию», 9 % «будут участвовать в забастовках, акциях протеста», 8 % «если надо, возьмут в руки оружие» [Левашов В.К. и др., 2019].

Динамика показателя личного протестного потенциала в Российской Федерации

Dynamics of the indicator of personal protest potential in the Russian Federation

Исследовательские центры	Индекс личностного протестного потенциала*						
	2001 г.	2007 г.	2011 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ВЦИОМ	0,21	0,23	0,28	0,23	0,18	0,27	0,27
ФОМ	0,23		0,2	0,19	0,2	0,25	0,24
Левада-Центр***	–	–	0,15	0,1	0,08	0,22	0,27
ИСПИ РАН**	0,11	0,12	0,12	0,11	0,12	0,1	0,09

* Расчеты авторов: доля респондентов, ответивших, что они примут участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни и в защиту своих прав и законных интересов, соотнесенная с общим числом опрошенных.

** Усредненные показатели по проявлению форм протестной активности.

*** До августа 2009 г. вопрос о готовности принять участие в протестных акциях не поднимался.

* Authors' calculations: the percentage of respondents who answered that they would take part in mass protests against falling living standards, in defense of their rights and legitimate interests, compared to the total number of respondents.

** Average indicators for the manifestation of protest activity forms.

*** Until August 2009, the question of readiness to take part in protest actions was not asked.

На основе долгосрочных социологических наблюдений и мониторинга информации СМИ можно констатировать, что реально в протестных акциях участвуют от трети до половины лиц, ранее намеревавшихся это осуществить. Кроме того, респонденты чаще говорят об усилении протестной активности в России в целом, нежели в своем регионе. Необходимо также учитывать, что опрашиваемые выражают намерения присоединиться к акциям протеста, если они состоятся, а не актуальную решимость отстаивать в данной форме свои ущемленные права. Митинги и демонстрации воспринимаются россиянами скорее как проявление кризиса и как дестабилизирующие факторы, нежели как инструменты решения проблем [Долгорукова И.В. и др., 2017].

Одновременно с этим можно наблюдать и относительную стабильность показателей протестной активности в региональном разрезе. По неофициальным экспертным данным более 70 % регионов Российской Федерации можно отнести к территориям со средним и низким уровнем социального протестного потенциала с индексом до 0,2.

При рассмотрении протестной проблематики значимыми являются вопросы детерминант социальной напряженности, их влияния на уровень протестной активности. В настоящее время на фоне относительно позитивных соци-

ально-экономических показателей сохраняются и даже усиливаются диспропорции, осложняющие ситуацию исполнения политических обещаний и оправдания общественных ожиданий в будущем. Среди них:

– динамика промышленного производства в региональном разрезе остается крайне неравномерной. Пенсии сегодня составляют лишь 31 % от уровня зарплат (это минимальный показатель за все 2010-е гг.) [Петров Н. и др., 2018];

– доходы населения не позволяют сделать вывод о переходе к восстановительному росту благосостояния населения. Так, средняя зарплата в России в 2018–2019 гг. равнялась 36 тыс. руб. в месяц, но лишь 17 регионов характеризуются долей высокооплачиваемых работников выше среднероссийского значения [Уровень и распределение зарплат..., 2018];

– показатели неравенства доходов в России практически не меняются в лучшую сторону. Дифференциация населения России по уровню доходов в 2018 г. не претерпела изменений по сравнению с 2017 г. [Инфляция и социальное неравенство, 2018];

– высокая степень неоднородности уровня безработицы в регионах России (например, от 1,5 % — в Санкт-Петербурге, 1,2 % — в Москве, 3,1 % — в Воронежской области, до 26,3 % — в Республике Ингушетия, 13,5 % — в

Чеченской Республике) [Уровень безработицы населения..., 2019];

– *низкая эффективность принимаемых государством мер по борьбе с коррупцией, по выявлению и устранению причин и условий коррупционных проявлений в ЖКХ, здравоохранении, образовании, правоохранительной сфере;*

– *максимальные темпы прироста цен в рамках набора базовых потребительских потребностей сохраняются в отношении жилищно-коммунальных услуг: они стабильно превышают 4 % в годовом выражении.*

Очевидно, перечисленные условия и факторы в ближайшей перспективе могут при определенных условиях предопределять формирование, развитие и реализацию протестного потенциала в российском обществе.

Уровень и характер протестной активности в субъектах Российской Федерации

При всей очевидности преобладающего влияния различных аспектов экономической действительности имеющиеся эмпирические данные позволяют выделить и социально-политические факторы формирования протестной активности. Проведенный анализ свидетельствует, что большую склонность к участию в протестных мероприятиях демонстрируют россияне, обеспокоенные политическими и властными проблемами. Так, в 2017–2019 гг. наблюдалось ситуативное нарастание протестных акций, на которых выдвигались как социально-экономические, так и политические требования. Заметный рост активности протестов населения в 2018 г. произошел в связи с повышением пенсионного возраста. В 37 субъектах России прошло 35 митингов и 20 пикетов, в которых приняло участие 20,5 тыс. чел. [Анализ социально-трудовой обстановки..., 2018].

В 2019 г. существенный всплеск протестной активности был связан с выборами в Московскую городскую Думу. В протестных акциях приняли участие тысячи россиян.

Проанализировав данные мониторинга Центра экономических и политических реформ за период с 1 октября 2017 г. по 30 сентября 2018 г., можно сделать вывод, что три четверти протестных акций были связаны с различными социально-экономическими поводами [Протесты 2017–2018..., 2018].

По тематике протестов акции условно можно классифицировать следующим образом:

46,5 % — *протесты против пенсионной реформы;*

16,4 % — *политические* протестные акции, из них значительная часть была проведена сторонниками А. Навального прежде всего в рамках общероссийских мероприятий;

7,3 % — *протесты по экологическим проблемам*, из них около половины — так называемые мусорные протесты из-за недовольства населения мусорными полигонами и мусоросжигательными заводами;

7 % — *протесты обманутых дольщиков;*

0,5 % — *протесты вкладчиков;*

6,2 % — *акции, связанные с социально-экономическими проблемами* (оптимизация социальной сферы, рост тарифов ЖКХ и т.п.);

4,9 % — *трудовые протесты* (наиболее частый повод — невыплата зарплат);

1,2 % — *акции против роста цен на бензин,*

0,5 % — *протесты против системы «Платон»;*

9,5 % — *другие поводы* (защита животных, против нежелательной застройки, протесты предпринимателей, иные специфические проблемы).

Более половины зафиксированных протестных акций — это протесты с численностью участников до 100 чел. Более четверти всех акций составляли акции с численностью от 100 до 500 чел., около 12 % — крупные акции с численностью свыше 500 чел., а протестные акции свыше 1000 чел. — 6,1 %.

«Всплеск» протестных настроений в октябре 2018 г. в Республике Ингушетия (в период с 4 по 17 октября 2018 г. в протестных мероприятиях ежедневно принимали участие от 1 до 7 тыс. чел., обеспечив самый высокий индекс протестной активности в 2018 г.) объясняется не только иницированием руководством Чеченской Республики пересмотра административной чечено-ингушской границы, но и совокупностью социально-экономических факторов.

Отдельного внимания заслуживают проявления протестной активности против пенсионной реформы в социальных сетях. В июне 2018 г. под петицию профсоюзов за несколько дней подписало более 1 млн чел., на момент закрытия петиция собрала почти 3 млн подписей [Президенту РФ..., 2019]. Две аналогичные пе-

тии собрали необходимые 100 тыс. подписей на сайте Российской общественной инициативы [Против повышения пенсионного возраста..., 2019]. В социальных сетях, на персональных сайтах, в колонках для публичных комментариев к статьям в газетах резко выросло число антиреформенных публикаций граждан, стали формироваться интернет-каналы, освещающие и координирующие акции в рамках бессрочного протеста против пенсионной реформы. Во многочисленных комментариях к видеозаписи

телеобращения Президента России В.В. Путина к гражданам 29 августа 2018 г. пользователи социальных сетей выражали разочарование и утрату возлагаемой на Президента надежды на кардинальную корректировку планов власти в пенсионной сфере.

Распределение по субъектам-организаторам и активным участникам протестных акций (учитывались совместные акции) в 2017–2018 гг. представлено на рис. 2.

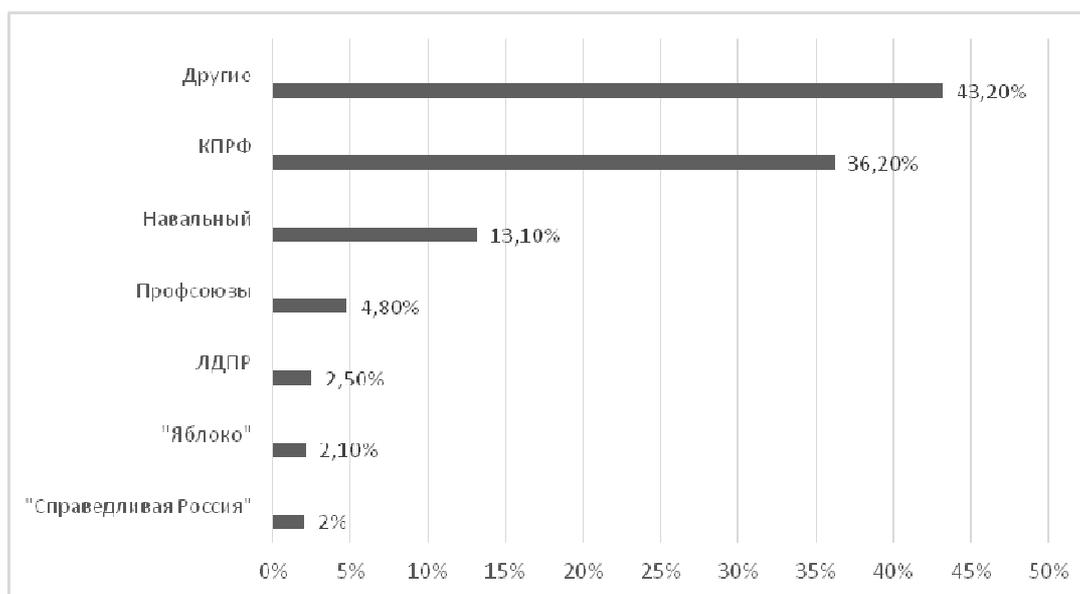

Рис. 2. Распределение акций протестов, прошедших в октябре 2017 г. – сентябре 2018 г., по субъектам-организаторам и активным участникам (в % от общего числа акций протеста)

Fig. 2. Distribution of protest actions that took place in October 2017 – September 2018 by subject-organizers and active participants (in % of the total number of protest actions)

В категорию «Другие» вошли политические партии «Парнас», «Партия Дела», «Революционная рабочая партия», общественные объединения «Левый фронт», «Суть времени», инициативные группы дольщиков, вкладчиков, экологов, местные жители и частные лица.

Обсуждение

Результаты анализа данных социологических мониторингов, а также монографических исследований [Петрова М.Б., 2014] подтверждают, что высокая интенсивность негативного эмоционального фона увеличивает протестный потенциал общества. Однако ухудшение условий жизни однозначно не приводит к повсеместному росту протестной активности, за ис-

ключением наиболее депривированных категорий населения, находящихся в наиболее уязвимом положении.

Значения индексов протестного потенциала позволяют утверждать, что показатель протестной активности у граждан РФ является низким, а гражданская позиция россиян на протяжении уже многих лет продолжает оставаться пассивной. Все это может свидетельствовать о том, что в нашей стране гражданское общество пока еще не сформировано, а традиции авторитарного прошлого достаточно сильны.

Данные опросов также свидетельствуют о низком уровне политической активности россиян. Около 70 % респондентов считают, что «большинство из нас (простых людей). — Прим.

авт.) не могут повлиять на политические процессы в стране» [Левашов В.К. и др., 2019; Wahlström M., Wennerhag M., 2014]. А средняя оценка гражданами России своего места в обществе по участию в политической жизни страны составляет 2,6 балла из 10² [Левашов В.К. и др., 2019, с. 37].

Возможно, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что, соотнося затраты на участие в политических (или протестных) акциях и ожидаемые результаты, экономически активное население не готово выражать протестную активность в условиях дефицита времени и финансовых ресурсов. Отсюда можно сделать вывод, что снижение уровня жизни населения обуславливает фокусирование внимания граждан на решении собственных насущных проблем и, соответственно, снижению их политической активности.

Отсутствие горизонтальных связей, распространение страхов, актуализирующих угрозы в массовом сознании (боязнь потерять работу, санкции со стороны государства), также снижает, на наш взгляд, протестную активность. Россия относится к «травмированным» обществам, т.к. в своем развитии, отринув социалистическое прошлое, она не достигла тех целей и глубоко разочаровалась в тех ценностях, во имя которых начинала свой путь [Тощенко Ж.Т., 2017, с. 70]. Можно полагать, что культивирование гражданской активности, ориентированной на права личности, развитие демократии при всей их значимости воспринимаются населением как необходимое, но не первостепенное условие позитивных социальных перемен [Волков Ю.Г., 2017].

Низкий уровень доверия к власти является амбивалентным фактором, инициирующим разновекторные процессы. С одной стороны, население, испытывая определенные опасения по поводу реакции власти, не готово участвовать в протестных акциях, считая, что любая активность вряд ли что-то изменит. С другой стороны, проблемы в правоохранительной, социальной и политической сферах выводят на улицу тех, кто обладает обостренным чувством

справедливости и полагает, что власть делает недостаточно для их разрешения.

Заключение

Анализ показателей протестной активности населения России, проведенный по результатам социологических опросов и данным средств массовой информации, позволяет сделать некоторые выводы.

Социальный ресурс участников митингов и демонстраций среди населения, относительно ограничен. Большинство граждан нашей страны, скорее всего, «не примут участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни, в защиту своих прав», одновременно придерживаясь мнения о маловероятности появления подобных акций.

Вместе с тем основным поводом для массовых протестов населения являются насущные проблемы, затрагивающие конкретные жизненные интересы простых людей. При этом граница между социально-экономическими и политическими требованиями становится все более размытой. Со всей очевидностью прослеживается связь между протестной активностью населения и рейтингами поддержки гражданами органов власти, о чем наглядно свидетельствует снижение рейтинга Президента России после принятия Государственной Думой законопроекта о пенсионной реформе.

Протестные акции, подобные выступлениям по поводу пенсионной реформы, способствуют консолидации различных социальных групп, сближению людей разными политическими взглядами и убеждениями, объединению общественных движений в крупных городах и на периферии. Однако сегодня затруднительно говорить о значительной протестной активности населения ввиду не только атмосферы масштабного социального пессимизма и гражданской пассивности, но и отсутствия лидера, способного организовать, аккумулировать и легализовать общественный протест. Существующая оппозиция — парламентская и внесистемная — в настоящее время, на наш взгляд, не имеет достаточного политического веса. Население не верит, что действующие политики смогут как-то повлиять на политические события в стране и что они обладают четкой программой действий для решения стоящих перед российским обществом проблем.

² 1 балл – низшая ступень в обществе, 10 баллов – высшая ступень в обществе.

Сценарий возможного развития протестной ситуации будет, предположительно, по-нашему мнению, зависеть от того, какие именно проблемные факторы, предопределяющие социальную напряженность и протестный потенциал, совпали и насколько интенсивно они выражены.

Список литературы

Анализ социально-трудовой обстановки и трудовые конфликты в Российской Федерации в первом полугодии 2018 года / Социально-трудовые конфликты. 2018. 18 июл. URL:

http://industrialconflicts.ru/lib/54/analiz_sotsialno-trudowoy_obstanowki_i_trudowye_konfl.html (дата обращения: 18.09.2019).

Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2(394). С. 41–48.

Вольничук А.Б., Соловченков С.А. Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1(19). С. 25–36.

Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда – Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2016.313>

Дементьева И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. № 4(66). С. 83–94.

Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2(394). С. 57–66.

Инфляция и социальное неравенство // Комментарий о государстве и бизнесе / Ин-т «Центр развития» НИУ ВШЭ. 2018. № 168. 6 нояб. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/227476855> (дата обращения: 20.09.2019).

Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженкина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLIX этап социологического мониторинга, июнь 2019 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 55 с. URL: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2019/07/ispiranJul2019.pdf> (дата обращения: 18.09.2019).

Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженкина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс информация. Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», май 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Эконом-информ, 2018. 107 с.

Нефедов С.А. Артикуляция интересов в экополитическом процессе // Власть. 2009. № 11. С. 34–36.

Петров Н., Кынев А., Тутков А. Мониторинг самочувствия регионов: ситуация на июль 2018 г. и ее развитие / Комитет гражданских инициатив. 2018. 19 нояб. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3946/> (дата обращения: 14.09.2019).

Петрова М.Б. Протестный потенциал России // XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ – 2014 (Москва, 16–19 июля 2014 г.) / Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. М., 2014. С. 6251–6260. URL: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/6251.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

Положение дел в стране / Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 19.09.2019).

Президенту РФ, Правительству, Федеральному Собранию: Не повышать пенсионный возраст! (петиция) / Change.org. URL: <https://www.change.org/p/не-повышать-пенсионный-возраст> (дата обращения: 18.09.2019).

Протестные настроения: уровень недовольства властями и готовность протестовать / Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/posts/11090> (дата обращения: 19.09.2019).

Протестный потенциал / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (дата обращения: 18.09.2019).

Протесты 2017–2018: рост протестной активности населения / Центр экономических и политических реформ. 2018. URL: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (дата обращения: 14.09.2019).

Против повышения пенсионного возраста для россиян / Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/42476/> (дата обращения: 18.09.2019).

Сведения о численности избирателей, зарегистрированных в пределах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2018 года / Центральная избирательная комиссия РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/20180101.php> (дата обращения: 14.09.2019).

Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.07>

Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm (дата обращения: 19.09.2019).

Уровень и распределение зарплат в регионах России – 2018 // РИА Рейтинг. 2018. 3 дек. URL: <https://riarating.ru/infografika/20181203/630113417.html> (дата обращения: 22.09.2019).

Хвьяля-Олинтер Н.А. Массовая протестная активность московской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. № 3. С. 193–195.

Armstrong E.A., Bernstein M. Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements // *Sociological Theory*. 2008. Vol. 26, iss. 1. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2008.00319.x>

Bruns E, Futterlieb M, Ohlhorst D, Wenzel B. Netze als Rückgrat der Energiewende. Hemmnisse für die Integration erneuerbarer Energien in Strom-, Gas- und Wärmenetze. Berlin: Universitätsverlag, 2012. 404 S.

Juska A., Woolfson C. Crime. Policing political protest in Lithuania // *Crime, Law and Social Change*. 2012. Vol. 57, iss. 4. P. 403–424. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-012-9363-4>

Ratliff T.N., Hall L.L. Practicing the Art of Dissent. Toward a Typology of Protest Activity in the United States // *Humanity & Society*. 2014. Vol. 38, iss. 3. P. 268–294. DOI: <https://doi.org/10.1177/0160597614537796>

Wahlström M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations // *International Sociology*. 2014. Vol. 29, iss. 6. P. 565–583. DOI: <https://doi.org/10.1177/0268580914554117>

Yudina T., Dolgorukova I., Kireev E, Bormotova T., Fomicheva T. Constructing Regional Social Inclusion: Foundations of Sociological Analysis // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 57: The Future of the Global Financial System: Dawnfall of Harmony. Cham, CH: Springer, 2018. P. 195–202. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-00102-5_20

Получено 13.01.2020

References

Analiz sotsial'no-trudovoy obstanovki i trudovye konflikty v Rossiyskoy Federatsii v pervom polugodii 2018 goda (2018) [Analysis of the social and labor situation and labor conflicts in the Russian Federation in the first half of 2018]. *Social and Labor Conflicts*. Jul. 18. Available at: http://industrialconflicts.ru/lib/54/analiz_sotsialno-trudovoy_obstanowki_i_trudovye_konfl.html (accessed 18.09.2019).

Armstrong, E.A. and Bernstein, M. (2008). Culture, power, and institutions: A multi-institutional politics approach to social movements. *Sociological Theory*. Vol. 26, iss1. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2008.00319.x>

Bruns, E., Futterlieb, M., Ohlhorst, D. and Wenzel, B. (2012). *Netze als Rückgrat der Energiewende* [Energy grids as backbone of the energy transition]. *Hemmnisse für die Integration erneuerbarer Energien in Strom-, Gas- und Wärmenetze* [Impediments for the integration of renewable energy into electricity networks, gas distribution systems and district heating]. Berlin: Universitätsverlag Publ., 404 p.

Dement'eva, I.N. (2013). *Izuchenie protestnoy aktivnosti naseleniya v zarubezhnoy i otechestvennoy nauke* [Research of protest activity of the population in foreign and domestic science]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. No. 4(66), pp. 83–94.

Dolgorukova, I.V., Kirilina, T.Yu., Mazaev, Yu.N. and Yudina, T.N. (2017). *Sotsial'naya trevozhnost' i sotsial'nye opaseniya naseleniya Rossii: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social anxiety and social fears of the Russian's population: sociological dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2(394), pp. 57–66.

Galustov, K.A. (2016). *Prostranstvenno-vremennye modeli vliyaniya ekologicheskogo i ekokul'turnogo protesta na ispol'zovanie gorodskogo prostranstva na primere Leningrada – Sankt-Peterburga* [Spatiotemporal models of influence of the environmental and eco-cultural protest on the use of urban space at the example of Leningrad – St. Petersburg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences]. No. 3, pp. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2016.313>

Inflyatsiya i sotsial'noe neravenstvo (2018) [Inflation and social inequality]. *Kommentariy o gosudarstve i biznese* [Commentary on State and Business]. HSE Centre of Development Institute, no. 168, Nov. 6. Available at: <https://dcenter.hse.ru/>

mirror/pubs/share/direct/227476855 (accessed 20.09.2019).

Juska, A. and Woolfson, C. (2012). Policing political protest in Lithuania. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 57, iss. 4, pp. 403–424. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-012-9363-4>

Khvylya-Olinter, N.A. (2009). *Massovaya protestnaya aktivnost' moskovskoy molodezhi* [Mass protest activity of Moscow youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 3, pp. 193–195.

Levashov, V.K., Afanas'ev, V.A., Novozhenina, O.P. and Shushpanova, I.S. (2018). *Ekspress-informatsiya. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLVII etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh' Rossiya?»*, may 2018 goda [Express information. The state of civil society in Russia. «How do you live in Russia?» 37th stage of sociological monitoring, May, 2018]. Moscow: Ekonom-Inform Publ., 117 p.

Levashov, V.K., Afanas'ev, V.A., Novozhenina, O.P. and Shushpanova, I.S. (2019). *Ekspress-informatsiya. Kak zhivesh', Rossiya? XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun' 2019 goda* [Express information. «How do you live, Russia?» 39th stage of sociological monitoring, June, 2019]. Moscow: Perspektiva Publ., 55 p. Available at: <https://испи.рф/wp-content/uploads/2019/07/ispiranJul2019.pdf> (accessed 18.09.2019).

Petrov, N., Kynev, A. and Titkov, A. (2018). *Monitoring samochuvstviya regionov: situatsiya na iyul' 2018 g. i ee razvitiye* [Monitoring the state of health of the regions: the situation for July 2018 and its development]. Committee of Civil Initiatives. Nov. 19. Available at: <https://komitetgi.ru/analytics/3946/> (accessed 14.09.2019).

Nefedov, S.A. (2009). *Artikulyatsiya interesov v ekopoliticheskom protsesse* [Articulation of interests in the ecopolitical process]. *Vlast'* [The Authority]. No. 11, pp. 34–36.

Polozhenie del v strane (2019) [State of the country]. Levada-Center. Available at: <https://www.levada.ru/indikatoriy/polozhenie-del-v-strane/> (accessed 19.09.2019).

Prezidentu RF, Pravitel'stvu, Federal'nomu Sobraniyu: Ne povyshat' pensionnyy vozrast! (petitciya) [To the President of the Russian Federation, the Government, and the Federal Assembly: Do not raise the retirement age! (petition)]. Change.org. Available at:

<https://www.change.org/p/не-повышать-пенсионный-возраст> (accessed 18.09.2019).

Protestnye nastroyeniya: uroven' nedovol'stva vlastyami i gotovnost' protestovat' (2019) [Protest moods: level of discontent with the authorities and readiness to protest]. The Public Opinion Foundation. Available at: <https://fom.ru/posts/11090> (accessed 19.09.2019).

Protestnyy potentsial (2019) [Protest potential]. Russian Public Opinion Research Center. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (accessed 18.09.2019).

Petrova, M.B. (2014). *Protestnyy potentsial Rossii* [Russia's protest potential]. *XII Vserossiyskoye soveshchaniye po problemam upravleniya VSPU – 2014 (Moskva, 16–19 iyulya 2014 g.)* [12th All-Russian Meeting on Management Problems of VSPU – 2014 (Moscow, July 16–19, 2014)]. Moscow: Institute of Control Sciences Publ., pp. 6251–6260. Available at: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/6251.pdf> (accessed 13.09.2019).

Protesty 2017–2019: rost protestnoy aktivnosti naseleniya (2018) [Protests 2017–2019: growth of protest activity of the population]. Centre for Economic and Political Reforms. Available at: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (accessed 14.09.2019).

Protiv povysheniya pensionnogo vozrasta dlya rossiyan [Against raising the retirement age for Russians]. Russian Public Initiative. Available at: <https://www.roi.ru/42476/> (accessed 18.09.2019).

Ratliff, T.N. and Hall, L.L. (2014). Practicing the art of dissent. Toward a typology of protest activity in the United States. *Humanity & Society*. Vol. 38, iss. 3, pp. 268–294. DOI: <https://doi.org/10.1177/0160597614537796>

Svedeniya o chislennosti izbirateley, zaregistrirovannykh v predelakh Rossiyskoy Federatsii po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2018 goda (2018) [Information on the number of voters registered within the Russian Federation as of January 1, 2018]. Central Election Commission of the Russian Federation. Available at: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/20180101.php> (accessed 14.09.2019).

Toschenko, Zh.T. (2017). *Travma obshchestva: mezhdru evolyutsiy i revolyutsiy (priglasenie k diskussii)* [Trauma society: between evolution and revolution (The invitation to debate)]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1, pp. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.07>

Uroven' bezrabortitsy naseleniya po sub'yektam Rossiyskoy Federatsii [The unemployment rate of the population of the regions of the Russian Federation]. Federal State Statistics Service. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm (accessed 19.09.2019).

Uroven' i raspredelenie zarplat v regionakh Rossii – 2018 (2018) [The level and distribution of wages in the regions of Russia – 2018]. *RIA Rejting* [RIA Rating]. Dec. 3. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20181203/630113417.html> (accessed 22.09.2019).

Volkov, Yu.G. (2017) *Solidarnaya aktivnost' v rossiyskom obschestve: kreativnye praktiki* [Solidary activity in Russian society: creative practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2(394), pp. 41–48.

Volynchuk, A.B. and Solovchenkov, S.A. (2013). *Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noy bezopasnosti* [Social unrest and protest activity in the context of

the analysis of social security]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok state university of economics and service]. No. (19), pp. 25–36.

Wahlström, M. and Wennerhag, M. (2014). Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations. *International Sociology*. Vol. 29, iss. 6, pp. 565–583. DOI: <https://doi.org/10.1177/0268580914554117>

Yudina, T., Dolgorukova, I., Kireev, E. et al. (2018). Constructing regional social inclusion: foundations of sociological analysis. *Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 57: The Future of the Global Financial System: Dawnfall of Harmony*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 195–202. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-00102-5_20

Received 13.01.2020

Об авторах

Юдина Татьяна Николаевна

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: judinaTN@rgsu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Мазаев Юрий Николаевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: yu.mazaev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3751-2141>

Бормотова Татьяна Михайловна

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: tbormotova.68@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5739-7369>

About the authors

Tatyana N. Yudina

Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of Sociology

Russian State Social University,
4, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: judinaTN@rgsu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Yuriy N. Mazaev

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Russian State Social University,
4, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: yu.mazaev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3751-2141>

Tatyana M. Bormotova

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Sociology

Russian State Social University,
4, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: tbormotova.68@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5739-7369>

Жуков Павел Сергеевич

аспирант кафедры социологии

Российский государственный социальный университет,

129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;

e-mail: zhukovpaulzibert@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9739-1452>

Pavel S. Zhukov

Ph.D. Student of the Department of Sociology

Russian State Social University,

4, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;

e-mail: zhukovpaulzibert@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9739-1452>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Жуков П.С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 139–151. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151

For citation:

Yudina T.N., Mazaev Yu.N., Bormotova T.M., Zhukov P.S. [State and dynamics of protest activity in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 139–151 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-152-161

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКТОРА, КАК ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: КОНВЕРГЕНТНЫЙ ПОДХОД

Шумкин Евгений Михайлович

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В России проблематика управленческой деятельности в социологии управления исследуется недавно. По этой причине используются различные подходы для ее изучения, что приводит к плюрализму научных мнений и теорий. В качестве акцентированных объектов представлены различные социальные процессы и элементы социальной сферы, определяющие управленческую деятельность. Происходит теоретическое осмысление индивидуального и корпоративного акторов, совокупность их интересов через призму управленческой деятельности, их связывающую, а также потенциала конфликта интересов как точки социального роста для акторов, учитывая их субъективную и объективную поведенческую деятельность. При оценке рациональности поведенческой деятельности индивидуального актора и самостоятельно выбранной экономической деятельности затрагивается роль человеческого капитала в управленческой деятельности как явления. Человек является номинальной частью социального управления и, даже не отождествляясь с конкретной управленческой деятельностью, является ее процессообразующим элементом. Применяется конвергентный подход как подход, включающий совокупность знаний, практик, теорий, отдельных аспектов, как актуальный междисциплинарный и транснаучный подход для построения адекватной внешним агрессивным условиям среды (рынка, политической системы, профессионального сообщества) и имманентным ресурсным (нематериальным в первую очередь) проблемам модели управленческой деятельности. Это требуется для правильного построения социальной организации, релевантности установленным правилам поведения, достижения эффективности самой управленческой деятельности и тех видов деятельности, на которые она оказывает воздействие. Укреплению всей социальной структуры способствует развитие всех ее социальных элементов. Таким образом, управленческая и финансово-хозяйственная деятельность корпоративных акторов оказывается наиболее важной для экономики, при этом поведенческая деятельность отдельных индивидов, сталкиваясь с такими стресс-факторами, как неопределенность и большие объемы информации, должна быть направлена на принятие продуктивных управленческих решений.

Ключевые слова: корпоративный актор, управленческая деятельность, управленческие решения, конфликт интересов.

AN ACTOR'S MANAGEMENT ACTIVITY AS A POTENTIAL FOR THE CONFLICT OF INTERESTS: THE CONVERGENT APPROACH

Evgeniy M. Shumkin

Novosibirsk State University of Economics and Management

Being a relatively young academic field in Russia, sociology of management started to study the problems of managerial activity not long ago. There exist different approaches to studying it, which leads to pluralism of scientific opinions and theories. Various social processes and elements of the social sphere that determine management activities are presented as accentuated objects. The article provides theoretical understanding of individual and corporate actors and the totality of their interests through the prism of

management activities linking them. Moreover, the potential for conflict of interest, as a point of social growth for the actors is conceptualized taking into account their subjective and objective behavioral activity. Assessing the rationality of an individual actor's behavioral activity and self-selected economic activity, the author touches upon the role of human capital in management as a phenomenon. The person is a nominal part of social management and the process-forming element of a concrete administrative activity even if not being identified with it. The convergent approach as an approach of total knowledge, practices, theories, individual aspects and as an actual interdisciplinary and TRANS-scientific approach is applied to build a certain management model. This model is adequate to external aggressive environment conditions (market, political system, professional community) and immanent resource (intangible, first of all) problems. This is required for the correct construction of the social organization, relevance to the established rules of behavior and for achieving the effectiveness of the management activity itself and the activities it has an impact on. The strengthening of the entire social structure is facilitated by the development of all its social elements. Thus, management activity of corporate actors, as well as financial and economic activity of those are at the forefront of the economy. Consequently, behavioral activities of individuals faced with such stress factors as uncertainty and large amounts of information should be aimed at making productive management decisions.

Keywords: corporate actor, management activity, management decisions, conflict of interest.

Введение

Индивид свободен в выборе модели поведения, даже если оно иррационально по отношению к социально приемлемому поведению, с точки зрения рискогенности принимаемого решения и своей роли в экономике. Деятельность другого актора, корпоративного, требует использования нескольких походов для исследования такого феномена или их совокупности. Предлагаемый нами подход к теоретическому исследованию управленческой деятельности такого актора является конвергентным, т.е. объединяющим и сближающим различные позиции и теории для выработки единого понимания и объяснения проблемы.

Управленческая деятельность представляет собой один из наиболее важных процессов жизнедеятельности, связанных с социальными технологиями. Рассматриваемый нами предмет исследования заключается в объяснении закономерностей взаимодействия акторов, конкретизации их ценностей и интересов. Главным аспектом работы является обзор взаимосвязей физического и юридического лиц как акторов, формирующих общую социальную деятельность, возможность соблюдения баланса их интересов для оптимизации управленческой деятельности. Актуальность данной проблемы требует изучения качества общественных отношений между индивидом и корпоративным актором, социальной, персонализированной и корпоративной ориентированности на рацио-

нальность (легитимной эффективности их совместной деятельности).

Основное содержание

Любая деятельность людей является непреложной детерминантой их жизни. Такая деятельность может носить максимально автономно-персонализированный характер, но при этом быть однозначно интегрированной в организационно-организационные сферы деятельности социальной действительности. Говоря об организованной стороне сфер деятельности, мы имеем в виду формальные признаки, призванные обеспечить отсутствие социальных волнений в обществе, политическую и государственную устойчивость. Такая формализация достигается путем инкорпорирования социальных практик и норм в объективные и легитимные источники права. Организационные процессы, такие как выбор разрешенного вида деятельности, необходимой организационно-правовой формы, соблюдение предустановленного баланса интересов с государством в контексте выбора налогового режима, в деятельности людей (общности людей), призваны повышать ее рациональность.

Правовой ландшафт любого государства представляет собой ансамбль императивных (властных и неизменных для адресата) и диспозитивных правил поведения, предполагающих определенную свободу выбора поведенческой деятельности как в социальном мире, так и в мире юридической действительности.

Очевидно, первой целью любой практической и рациональной деятельности индивида является получение блага для себя и релевантных ему индивидов по набору субъективных признаков: общности экономических интересов, прибыли, *pro bono*¹ и т.д. Для целей раскрытия темы настоящей работы необходимо показать содержательные границы термина *благо*, где это все то, что удовлетворяет любые (идеальные и материальные) интересы актора. Совершенно очевиден тот факт, что человек черпает ресурсность для удовлетворения собственных потребностей их той архитектуры знаний, способностей, профессиональных и надпрофессиональных навыков² из накопленного своего и общественного опыта, который, в свою очередь, является элементом человеческого капитала. Американский ученый, экономист Дж. Минсер в середине XX в. исследовал человеческий капитал³ как каузальную причину непосредственного влияния на экономическую поведенческую деятельность человека [Blaug M., 1998, с. 103]. Г. Беккер, подхватывая тему человеческого капитала, основывал свои рассуждения на идее инвестиций в человека для поднятия его профессиональной эффективности. Смысловые и содержательные границы данного понятия со временем были весьма расширены и включали в себя детерминанты развития не только индивида, но и общества как системы, содержащей все вышеперечисленные ресурсы (знания, управленческий труд, предпринимательская деятельность), обуславливающие продуктивное функционирование общества и государства [Жукова О.В., 2015, с. 412].

Человеческий капитал

В постмодернистский период развития общества, по нашему мнению, человеческий капитал вбирает в себя персонализированный капитал, капитал корпоративного актора, общественный (континентальный) капитал и трансконтинен-

тальный капитал. Именно такой ансамбль является доминирующим фактором развития национальной экономики, индустрии знаний, правовой, предпринимательской и управленческой культуры [Becker G.S., 1964, p. 17].

Совместная деятельность индивидов может быть более производительной и более эффективной, в этом нет никакого сомнения: человечество уже много тысяч лет объединяет собственные ресурсы, потенциалы и капиталы для получения ожидаемых результатов от выбранного вида предпринимательской деятельности. Такая деятельность является организованной и имеет определенные детерминирующие признаки [Полушкина Т.М. и др., 2017, с. 26]. С точки зрения социологии социальная структура общества полностью состоит из различных организованных, т.е. совместных, видов деятельности, требующих определенной модели поведения, имманентной иерархичности, внутреннего координирования и внешнего регулирования, имеющих объективные (ввиду того, что их можно наблюдать и дифференцировать) и бесспорные (ввиду своей обязательности) признаки [Пригожин А.И., 2003, с. 21].

Таким образом, действительная социальная структура общества невозможна без социальной организации людей, их видов деятельности и результатов этой деятельности. Безусловно, глобальный интерес для социологии представляет ролевой функционал индивидов, формирующих корпоративный актор общностью своих идеальных и материальных интересов. Задачей настоящей работы является рассмотрение управленческих процессов и явлений корпоративного актора с различных позиций. Базовую позицию занимает социология управления, косвенную позицию — корпоративное право. Общий позиционный подход — конвергентный.

Представим себе любое современное хозяйственное общество. Его структура идентична структуре государства и включает название и цели, обязательные, внешние и локальные документы, социальные роли, индивидуальная система общественных отношений в каждом виде деятельности и для каждого индивида (субъекта права или субъекта предпринимательской деятельности). Наличествуют принцип единоначалия, гарант соблюдения баланса интересов (Президент и единоличный исполнительный орган), законотворческие и судебные механизмы (общее

¹ Pro bono (от лат. Pro bono publico – «ради общественного блага») — быть полезным на безмонетарной основе.

² Hard skills – жесткие навыки, неразрывно связанные с профессиональной деятельностью и ожидаемые ею, и soft skills – «мягкие», надпрофессиональные и субъективные навыки, не ожидаемые деятельностью, но повышающие конкурентоспособность.

³ Человеческий капитал (англ. Human capital) – термин, введенный в научный оборот Дж. Минсером в 1958 г.

собрание участников или акционеров), совет директоров, выполняющий функции контроля и управления. Управление как процесс и как явление обеспечивает необходимую скорость динамики развития, эффективности и взаимного влияния всех частей как хозяйственного общества, так и общества социального и государства [Удальцова М.В., 1998, с. 5].

Управленческие решения

Дадим определение управленческого решения в рамках настоящей работы и выделим его элементы.

Управленческие решения представляют собой архитектуру процесса и явления, направленного на достижение оптимального результата, выраженного в соблюдении баланса интересов всех участников управленческой предпринимательской деятельности и государства:

1. Рискогенный процесс воздействия на деятельность организации с целью удовлетворения потребностей (интересов) индивидуальных акторов.

2. Явление, отражающее характер общественных отношений внутри социальной организации и степень эффективности взаимодействия с другими социальными системами.

Отдельно необходимо сказать об управленческих решениях корпоративного актора и выделить их детерминирующие признаки:

1. Особенностью процесса принятия управленческих решений (как отдельного вида деятельности) является их зависимость от интересов индивидов, организующих корпоративного актора.

2. У корпоративного актора наличествует потенциал конфликта интересов ввиду каузальности интересов индивидуальных акторов между собой. То есть у конфликта интересов всегда «человеческое лицо».

Ретроперспективный подход

Отдельной теоретической областью настоящей работы является ретроперспективный подход к деятельности корпоративного актора, механизм принятия управленческих решений и способы нивелирования конфликта интересов.

Здесь следует обратиться к теориям двух великих представителей европейских школ права

XIX в. Среди них — теория фикции юридического лица Карла Фридриха фон Савиньи⁴, раскрывающая тему наличия права только у субъекта — человека. Человек как объективно существующая реальность может быть субъектом права, и больше никто, кроме него, быть этим субъектом не может. Концепцию юридического лица, известную еще в римском праве⁵, Карл фон Савиньи принимал как объективный инструмент понимания поведенческой деятельности индивидов, организованной предпринимательской деятельности как договоренности субъектов права о своих интересах: целях, сроках достижения, прибыли, механизме распределения ее ответственности [Танимов О.В., 2014, с. 8]. Немецкий историк был убежден, что корпорация как объединение лиц и их капиталов представляет собой некую фикцию субъекта права, не обладающего реальной свободой выражения своей воли (как внутренней, так и внешней), и потому является фикцией тот факт, что подобная социальная организация должна отвечать требованиям юридической действительности, реальными же субъектами права являются люди, создающие такого корпоративного актора в своих идеальных и (или) меркантильных интересах [Покровский И.А., 1917, с. 231].

Таким образом, корпоративный актор, будучи реальным в юридической действительности, наделяется людьми правом осуществлять выбор предпринимательской и поведенческой деятельности, внутренним и внешним волеизъявлением для того, чтобы сделать его действия (в том числе для организованной общности интересов) реальными и в социальной действительности.

Иными словами, по мнению автора теории фикции юридического лица, только человек может обладать внутренней волей (субъективным желанием) к совершению какого-то действия и пока оно не детерминируется объек-

⁴ Теория фикции юридического лица (англ. Theory of Fiction of Juridical Person).

Фридрих Карл фон Савиньи (нем. Friedrich Carl von Savigny; 21 февраля 1779, Франкфурт-на-Майне — 25 октября 1861, г. Берлин) — историк и правовед (Германия).

⁵ Система права Германии (как и России, впрочем) относится к романо-германской (иначе, континентальной) правовой группе (семье). Основные положения, безусловно, подверглись рецепции и сформировали правовое поле большинства европейских стран.

тивными признаками (т.е. законодателем не дается негативная правовая оценка действию), это не меняет юридическую реальность, и только он, будучи обладателем реальных прав (ввиду рождения, социального или профессионального положения) может сделать выбор в пользу рационального или нерационального⁶ поведения, которое общество и общественные институты могут отследить, охарактеризовать и к которому могут выразить свое отношение.

Анализируя учение глоссаторов и позицию Савиньи, другой немецкий ученый, профессор истории права Отто фон Гирке выдвинул иную теорию возникновения юридического лица и назвал ее теорией реальности юридического лица. Научное обоснование О. Гирке наличия права у организации и право им распоряжаться⁷ выражалось в признании корпорации реальным субъектом права, т.к. она является признанным государством, союзом личностей. Признавалась именно легитимная деятельность людей, чья организация воспринималась как единое целое. Такая организация, по мнению автора теории, являлась социальной и независимой от государства: осуществляла волевою поведенческую деятельность и была необходимой составляющей для государственного функционирования. Воля юридического лица рассматривалась Гирке как выражение совокупной воли и общих интересов всех людей, организующих его деятельность.

Обе эти теории внесли огромный вклад в доктрину различных наук (права, социологии, экономики), и их совокупное представление дает нам возможность наблюдать картину объективной действительности, наполненной единством интересов и его балансом при их разграничении как между отдельными социальными акторами, так и между ними и корпоративным актором [Васильев Е.А. и др., 1983].

⁶ Позитивную оценку рациональному поведению законодатель нашей страны не дает. Он демонстрирует негативную реакцию на отклоняющееся от нормы поведение индивида или корпоративного актора и применяет несколько видов юридической ответственности или их комбинации. В США, например, для корпораций предусмотрена и уголовная ответственность.

⁷ Теория реальности юридического лица (англ. Theory of Reality of Juridical Person).

Социальная организация

В выбранном нами контексте мы рассуждаем о корпоративном акторе как о социальной организации, поэтому выделим ее базисное социальное свойство как социальной единицы, формирующей и затем поддерживающей нормативный социальный порядок. Это свойство заключается в целевом альянсе индивидов для достижения единого результата. Результатом этого объединения является удовлетворение ценностей и интересов, что является благом для их носителей [Смелзер Н., 1994, с. 189].

Необходимо выделить детерминирующие особенности интересующего нас вида социальной организации:

1. Рациональная модель поведения актора как осознанная индивидами совокупность социальных действий⁸.

2. Индифферентность к личностным особенностям индивидов, сформировавших организацию. Ее целью является построение заданных общественных отношений.

3. Очерченный выбранным видом деятельности функционализм и механизм саморегулирования⁹.

4. Структура управления, отвечающая за удержание организации в фарватере рационализма, отсутствие зависимости от личностных особенностей «построивших» ее субъектов и приверженности нормативному виду деятельности.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что фундаментальными элементами социальной организации являются человек и создаваемые им общественные отношения, представляющие такую организацию социальной системы, где управление, являясь и процессом и явлением, становится аподиктическим элементом [Калашников К.Н., 2017, с. 53].

Позиция корпоративного актора

Рассмотрим теперь позицию корпоративного актора как субъекта социального действия, объединяющего в себе индивидов (или их группы), а также комбинации отношений нескольких корпоративных акторов (участвующих в созда-

⁸ Автору настоящей работы принципиально близка точка зрения М. Вебера, считающего, что социальное действие может считаться таковым, если оно осознанно.

⁹ Например, корпоративная культура.

нии другого юридического лица). Актер стремится к достижению предусмотренных целей в рамках выбранного вида деятельности.

Если абстрагироваться от теорий и определений, рассмотренных выше, не составит труда представить себе действительность, в которой у каждого индивидуального актора есть свой *background*¹⁰, свое «правильное» представление о том, какой выбор делать, какие решения эффективнее принимать. Представление каждого человека об объективной (совокупности социальной и юридической) действительности субъективно.

Для создания корпоративного актора как социальной организации необходимо объединиться с другими акторами, видящими поставленные цели и способы их достижения через призму совпадения интересов всех акторов, желающих зафиксировать союз. В первую очередь поиск таких акторов — будущих партнеров происходит по идеалам и ценностям: пониманию эффективности объединения человеческих капиталов, наличию желания зарабатывать и материального интереса — прибыли. При этом единственным существующим способом минимизировать риск возникновения конфликта интересов является договор.

Потенциал конфликта интересов

Принципиально рассматривать проблематику конфликта интересов человека и корпоративного актора начал Дж. Коулман в 80-х гг. прошлого века [Coleman J.S., 1982, p. 26]. Лейтмотивом его исследования стало столкновение двух дефинитивных единиц, представляющих собой общество и... общество. Только в первом случае это общность людей как общество в традиционном понимании, во втором — новое общество, модернистское [Тённис Ф., 2002, с. 9]. Традиционное общество состоит из аффективности, приобретенного и накопленного опыта и эмоций. Архитектоникой модернистского общества является совокупность административного ресурса государства, социального контроля общества и запрашиваемой ими рациональности. Многополярность, точнее, двуполярность современного социального мира,

названная Дж. Коулманом асимметрией, выражена в присутствии сразу двух акторов: доминанты традиционного общества — физического лица и доминанты современного общества — юридического лица, т.е. корпоративного актора. Модели поведенческой деятельности указанных акторов могут быть отличными друг от друга. Так, индивид может действовать дискретно по отношению к своим интересам, т.е. он обладает правом ориентироваться на себя в ходе реализации своих действий. Уже формируя корпоративный актор, индивид утрачивает исключительное право на совершение действий только в своих интересах, т.к. его интерес обязан быть релевантным интересам других индивидов и в первую очередь интересам корпоративного актора. Интересы последнего отличаются от интересов физического лица своей конкретикой и узостью. Так, например, российский законодатель предусмотрел в качестве основного только один вид экономической деятельности. По общему замыслу, этот подход отвечает принципу рациональности. Следует обратить внимание на то, что подавляющее количество интересов физических лиц агрегированы в интересах корпоративных акторов, которые мы можем условно разделить на две группы: интерес производства и интерес потребления. Проблема конфликта интересов рассматриваемых акторов заключается в том, что от корпоративного актора требуются решения, основанные на рациональности и продуктивности, легальности и легитимности. Физическое лицо по своей природе пассионарно, поэтому процесс принятия им управленческих решений может быть иррациональным и нерелевантным по отношению к социальному действию¹¹.

Действительность корпоративных акторов как социальных организаций значима ввиду обновления и регулирования социальной реальности. Корпоративные акторы уже являются полноправными членами современного общества, т.к. являются открытыми выразителями интересов индивидуальных акторов. Что же происходит в такой общности людей, называемой корпоративным актором, где индивидуальные акторы принимают непосредственное уча-

¹⁰ В контексте настоящей статьи это приобретенный в прошлом опыт, предопределивший его настоящие навыки, убеждения и мировоззрение в будущем.

¹¹ М. Вебер считал, что не всякое социальное действие является таковым, а только сознательное.

стие в экономической деятельности организации? А происходит то, что физические лица, несмотря на наличие предустановленного порядка рационального поведения, принятие которого всеми акторами презюмируется, могут вовсе не придерживаться такого порядка. Напротив, писал М. Вебер, такой предписанный порядок может демотивировать людей, единственное объяснение подчинения универсальной модели поведения, по его мнению, — это восприятие порядка как закономерности жизни [Вебер М., 2018, с. 19–20]. Ученый связывал это с неотъемлемой субъективностью характера действий индивидуального актора.

Деятельность корпоративного актора, напротив, по нашему мнению, всегда объективна, потому что правовой порядок, формирующий социальную среду их деятельности, тоже объективен. А значит, только поведенческая деятельность индивидуального актора с его восприятием действительности, норм права, социальных норм, иерархией собственных ценностей обладает потенциалом конфликта интересов. В рассматриваемом контексте конфликт является наиболее радикальным способом разрешения указанной проблемы. Интересно отметить, что, например, немецкий социолог Р. Иеринг вообще считал, что у юридического лица не может быть своего самостоятельного интереса [Стукалова Ю.В., 2007. с. 11].

Сутью управленческих (корпоративных) конфликтов является стремление к иерархии персонализированных ценностей, как деятельность, связанная с преодолением ценностей других акторов, желанием отождествить свои интересы с интересом актора для их публично-правового признания. Предметом конфликта могут быть ресурсы компании, лидирующие роли на управленческих позициях, социальный статус, связанный с лидерством в организации. Важно отметить, что законодатель предусмотрел механизм нивелирования такого рода конфликтов. Отличительной особенностью корпоративной формы организации от юридического лица (каждая корпорация является юридическим лицом и не каждое юридическое лицо является корпорацией) является обмен доли участия в уставном капитале организации на право управления им. То есть тем, чем владеет организация, не владеют участники этой организа-

ции. Право владения можно вернуть, лишь утратив право управления.

Таким образом, нормативность правил поведения предусматривает разведение этих прав, монетизацию своего интереса и возможность реализовывать его, управляя им. Одновременность недопустима и законодателем исключена. Однако добровольное поражение себя в социальных правах, к сожалению, не является легальной универсалией и является актом подчинения административному аппарату принуждения государства [Вебер М., 2018, с. 39]. У конфликта есть антиподы: переговоры и договоры. Это означает, что для перманентного принятия правильных управленческих решений, лишенных потенциала конфликта, корпоративному актору необходимо быть включенным в процесс подготовки принятия таких решений легально и превентивно. Превентивность означает отслеживание соблюдения баланса интересов индивидуальных акторов, корреляцию с корпоративным актором, качество человеческого капитала внутри актора и социального капитала самого актора. Легальность заключается в отсутствии риска (или его максимальной минимизации) при принятии управленческих решений в рамках выбранного правового поля. В современной действительности это получило название *compliance*¹². Верификация отсутствия риска представляет собой элемент управленческой деятельности, обусловленный соответствием тем правилам поведения, которые регулируют выбранную корпоративным актором предпринимательскую деятельность, и управлением конфликтом интересов, а также демонстрирует наивысшую степень ответственности перед всеми акторами, максимально оптимизируя их ценности. Латентная коллизия интересов двух полярных акторов может привести к дисфункции корпоративного актора, а это, в свою очередь, приведет его к выходу за пределы нормативности финансово-хозяйственной деятельности государства, т.е., к ликвидации.

¹² Комплаенс (англ. Compliance — «согласие, соответствие», происходит от глагола to comply — «исполнять») — инструмент, частично (с точки зрения отдельных видов экономической деятельности) рецептированный из западных предпринимательских практик.

Управленческие решения в новом мире

Важно отметить, что процесс принятия управленческих решений сегодня обусловлен фактором неопределенности, которая является средой для принятия таких решений [Акерлоф Дж., Шиллер Р., 2010, с. 201].

Начиная с конца 80-х гг. на смену ушедшему SPOD-миру пришел новый — VUCA-мир¹³. Этот новый мир характеризуется волатильностью, неустойчивостью и неопределенностью. Именно в таких условиях современной действительности акторы должны принимать управленческие решения: прежние социальные (стабильная занятость), экономические (ресурсное «проклятие») ориентиры стали объективной иллюзией [Гуриев С. и др., 2011]. Характер используемых обстоятельств, необходимых для принятия решений, стал очень вероятностным. Огромное количество данных, непроверенных фактов, противоречивых исследований лишают возможности соотнести получаемый информационный код с рациональным результатом, который мы хотим получить в потенциале. Для получения релевантного ответа на управленческий запрос сегодня только предпринимательский авангард использует заимствованный в США инструмент по сбору и всесторонней оценке информации по интересующей деятельности, на основе объективности и использует его для принятия «правильного» управленческого решения. Речь идет о Due Diligence¹⁴ [Рид С., Лажу А., 2011, с. 335–370]. Процедура DueD, в настоящее время в нашей стране не имеет внешнего регулирования, поэтому объем сбора и исследования получаемой информации зависит от локальных игроков рынка (в самом широком понимании). Интерес к данной процедуре в первую очередь проявляют лица, управляющие компаниями. Деятельный процесс принятия управленческих решений является социальной технологией, т.к. призван постоянно воздействовать на все

остальные виды деятельности в организации, решать организационные и бизнес-задачи.

Заключение

Подводя итог, следует сказать о целесообразности сближения различных концепций, научных и практических аспектов для решения проблем управленческой деятельности. «Узкоколеечного» подхода в доктрине и практической деятельности уже недостаточно. Требуются комбинации подходов и их вариативность. Проблема управленческих решений является парадигмальной, потому как Т. Кун считал одним из признаков парадигмы область всех научных достижений по проблеме: ее признание и последующее решение [Кун Т., 1977, с. 11]. Адекватное решение поставленной проблемы управленческой деятельности должно быть обусловлено обязательным наличием теоретических изъяснений для начального доктринального толкования. Конвергентный подход дает возможность минимизировать возможные противоречия имеющихся позиций и выработать единообразное толкование проблемы — объяснение действительной картины мира корпоративного актора, как того требует социология управления. Требуемая от управленческих решений рациональность должна отвечать критериям ресурсности корпоративного актора. Не каждая организация обладает необходимыми мощностями для получения описываемых инструментов и принятия эффективных решений. Ограниченность ресурсов останется насущной проблемой, которая будет решаться за счет использования человеческого капитала. Адекватность социальным и легитимным нормам вкупе с использованием ограниченного инструментария будет определять эффективность процесса управленческой деятельности. Управленческая деятельность как явление будет находиться в эволюционной зависимости от остальных социальных институтов, правил поведения, действительной конъюнктуры экономики страны.

Список литературы

Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animals*, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 273 с.

Васильев Е.А., Зайцева В.В., Нарышкина Р.Л., Свядосц Ю.И. *Гражданское и торговое право ка-*

¹³ SPOD-мир представляет собой steady (устойчивый), predictable (предсказуемый), ordinary (простой), definite (определенный) мир; VUCA-мир – это акроним английских слов volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность).

¹⁴ Дью-дилидженс (англ. Due Diligence – «должная добросовестность»).

питалистических государств. Ч. 1 / отв. ред. Р.Л. Нарышкина. М.: Междунар. отношения, 1983. 288 с.

Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. Т. III: Право. 331 с.

Гуриев С., Качинс С., Ослунд А. Россия после кризиса: сб. статей. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 394 с.

Жукова О.В. Человеческий капитал как объект социальных ипотечных инновационных продуктов // Молодой ученый. 2015. № 7(87). С. 412–416. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16514/> (дата обращения: 08.12.2019).

Калашников К.Н. Качество государственного управления: критерии оценок в сравнительно-территориальных фреймах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 5. С. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.4>

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Покровский И.А. История римского права (рус.). 3-е изд, испр. и доп. Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1917. 447 с.

Полушкина Т.М., Коваленко Е.Г., Якимова О.Ю. Социология управления: учеб. и практикум / под ред. Т.М. Полушкиной. М.: Юрайт, 2017. 264 с.

Пригожин А.И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. 864 с.

Рид С.Ф., Лажу А.Р. Искусство слияний и поглощений. М.: Альпина, 2011. 958 с.

Смелзер Н. Социология / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов. М.: Феникс, 1994. 688 с.

Стукалова Ю.В. Юридические лица как субъекты предпринимательской деятельности в России XIX – начала XX века: историко-правовое развитие и теоретическое осмысление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 25 с.

Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–18.

Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.

Удальцова М.В. Социология управления: учеб. пособие. М.: Новосибирск: ИНФРА-М: Изд-во НГАЭиУ, 1998. 142 с.

Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964. 402 p.

Blaug M. Great Economists since Keynes: An Introduction to the Lives and Works of One Hundred

Modern Economists. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 1998. 328 p.

Coleman J.S. The Asymmetric Society. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1982. 202 p.

Получено 09.12.2019

References

Akerlof, J. and Schiller, R. (2010). *Spiritus Animals, ili kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyaet ekonomikoy i pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma* [Spiritus animals, or how human psychology manages the economy and why it is important for world capitalism]. Moscow: Yunayted Press Publ., 273 p.

Becker, G.S. (1964). *Human capital*. New York: Columbia University Press, 402 p.

Blaug, M. (1998). *Great economists since Keynes: An introduction to the lives and works of one hundred modern economists*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publ., 328 p.

Coleman, J.S. (1982). *The asymmetric society*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 202 p.

Guriev, S., Kachins, S. and Oslund, A. (2011). *Rossiya posle krizisa* [Russia after the crisis]. Moscow: Yunayted Press Publ., 394 p.

Kalashnikov, K.N. (2017). *Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: kriterii otsenok v sravnitel'no-territorial'nykh freymakh* [Quality of public administration: evaluation criteria in comparative territorial frames]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 10, no. 5, pp. 51–65. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.4>

Kuhn, T. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress Publ., 300 p.

Pokrovskiy, I.A. (1917). *Istoriya rimskogo prava*. [History of Roman law.]. 3rd ed. Petrograd: Yuridicheskiy Knizhniy Sklad «Pravo» Publ., 447 p.

Polushkina, T.M., Kovalenko, E.G. and Yakimova, O.Yu. (2017). *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management]. Moscow: Yurayt Publ., 264 p.

Prigozhin, A.I. (2003). *Metody razvitiya organizatsii* [Methods of organization development]. Moscow: MTsFER Publ., 864 p.

Reed, S. and Lajoux, A. (2011). *Iskusstvo sliyanii i pogloscheniy* [The art of mergers and acquisitions]. Moscow: Al'pina Publ., 958 p.

Smelzer, N. (1994). *Sotsiologiya. Per. s angl.* [Sociology. Trans. from Eng.]. Moscow: Feniks Publ., 688 p.

Stukalova, Yu.V. (2007). *Yuridicheskie litsa kak sub'ekty predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossii XIX – nachala XX veka: istoriko-pravovoe razvitiye i teoreticheskoe osmyslenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal entities as Subjects of entrepreneurial activity in Russia of the 19th – early 20th century: historical and legal development and theoretical understanding: Abstract of Ph.D. dissertation]. Voronezh, 25 p.

Tanimov, O.V. (2014). *Razvitiye yuridicheskikh fiktsiy v epokhu Novogo vremeni* [Development of legal fiction in modern age]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. No. 4, pp. 4–18.

Tennis, F. (2002). *Obschnost' i obschestvo* [Community and society]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 452 p.

Udal'tsova, M.V. (1998). *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management]. Novosibirsk: INFRA-M Publ., NSUEM Publ., 142 p.

Vasil'ev, E.A., Zaytseva, V.V., Naryshkina, R.L. and Svyadosts, Yu.I. (1983). *Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv. Ch. 1* [Civil and commercial law of capitalist States. Pt. 1]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 288 p.

Weber, M. (2018). *Khozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. III: Pravo* [Economy and society; an outline of interpretive sociology. Vol. 3: Law]. Moscow: HSE Publ., 331 p.

Zhukova, O.V. (2015). *Chelovecheskiy kapital kak ob'ekt sotsial'nykh ipoteknykh innovatsionnykh produktov* [Human capital as an object of social mortgage innovative products]. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*. No. 7(87), pp. 412–416. Available at: <https://moluch.ru/archive/87/16514/> (accessed 08.12.2019).

Received 09.12.2019

Об авторе

Шумкин Евгений Михайлович

старший преподаватель
кафедры административного, финансового
и корпоративного права

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

About the author

Evgeniy M. Shumkin

Senior Lecturer of the Department of Administrative,
Financial and Corporate Law

Novosibirsk State University of Economics
and Management,
56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia;
e-mail: 9100020@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3575-6161>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумкин Е.М. Управленческая деятельность актора, как потенциал конфликта интересов: конвергентный подход // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 152–161. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-152-161

For citation:

Shumkin E.M. [An actor's management activity as a potential for the conflict of interests: the convergent approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 152–161 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-152-161

УДК 316.47

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-162-168

ВЛИЯНИЕ БРАКА НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ: ОБЗОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гордеева Светлана Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Обоснована важность социологического анализа факторов психического здоровья в современных условиях на примере супружеских пар. Раскрывается роль социологических концепций (теории стресса, структуралистского подхода, теории стигматизации), при изучении психического здоровья и факторов, его обуславливающих. Установлено, что теория стресса определяет текущее состояние жизни индивида, негативные жизненные события в качестве факторов, детерминирующих психическое здоровье, а также указывает на высокие риски психических заболеваний в группах с низким социально-экономическим статусом. Представители структуралистского подхода в качестве значимых факторов снижения психического здоровья, наряду с неблагоприятной организацией социального пространства, называют плохую социальную поддержку окружающих и низкий уровень контроля индивида над жизненными обстоятельствами. Отмечено, что, по мнению представителей теории стигматизации, психически нездоровые люди становятся жертвами стигматизации по мере того, как окружающие определяют их в качестве девиантов, ожидая от них соответствующего поведения. На основании анализа ряда исследований делается вывод о влиянии брака на показатели психического здоровья независимо от гендерной принадлежности человека. Выявлено, что одни исследователи указывают на улучшение психического здоровья в краткосрочной перспективе, другие вообще не обнаруживают такой закономерности. Отмечена ключевая роль «качества брака», удовлетворенности браком супругами в формировании и укреплении их психического здоровья.

Ключевые слова: психическое здоровье, психические отклонения, брачное состояние.

INFLUENCE OF MARRIAGE ON MENTAL HEALTH: SOCIOLOGICAL STUDIES REVIEW

Svetlana S. Gordeeva

Perm State University

The author substantiates the importance of sociological analysis of mental health factors in modern conditions through the example of married couples. The paper reveals the essence of sociological concepts (theory of stress, structural strain theory, stigma theory) in the study of mental health and factors that determine it. It is established that the theory of stress considers an individual's current state of life and negative life events to be factors determining mental health. It also indicates high risks of mental illness in groups with a low socioeconomic status. The representatives of the structural strain theory qualify weak social support for others and weak individual control over life circumstances, along with unfavorable organization of social space, as significant factors in the deterioration of mental health. It is noted that, according to the stigma theory, mentally unhealthy people become victims of stigma since others identify them as deviants, expecting corresponding behavior. Based on the analysis of a number of studies, a conclusion is drawn about the effect of marriage on mental health indicators, regardless of gender. It is revealed that some researchers point to improvement in mental health in a short term, while others do not show such dependence at all. The key role of «quality of marriage» and spouses' satisfaction with marriage in the formation and strengthening of their mental health is noted.

Keywords: mental health, mental disorders, marital status.

Среди проблем формирования и сохранения здоровья различных групп населения одной из приоритетных в социологии является проблема психического здоровья в условиях наличия или отсутствия брачных отношений между мужчинами и женщинами. Психическое здоровье — ключевой компонент здоровья нации, обеспечивающий возможность ее социального, экономического, культурного и духовного развития. Показатели распространенности ментальных расстройств различного генеза являются индикаторами социально-экономического благополучия страны, а сохранение и поддержание психического здоровья нации оказывается одной из приоритетных задач социальной политики и здравоохранения. Так, по данным ВОЗ, за период с 1990 по 2013 гг. почти на 50 % (с 416 млн до 615 млн) возросло число людей, страдающих от депрессии и/или от тревожных расстройств [Инвестиции в лечение депрессии..., 2016].

В Комплексном плане действий в области психического здоровья на 2013–2020 гг. Всемирной организации здравоохранения термин «психические расстройства» определяется как совокупность психических и поведенческих расстройств, к которым относятся расстройства, создающие значительное бремя заболеваний, таких как депрессия, биполярное аффективное расстройство, шизофрения, тревожные расстройства, деменция, расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ, интеллектуальная недееспособность, а также расстройства развития и поведения, которые обычно проявляются в детском или подростковом возрасте, включая аутизм [Комплексный план действий..., 2013].

Социологический подход к пониманию природы психических отклонений заключается в анализе внешних причин заболеваний, описании и объяснении социальных факторов психического нездоровья. Остановимся на трех ключевых социологических концепциях, раскрывающих факторную обусловленность психического здоровья: теории стресса, структуралистском подходе и теории стигматизации.

Ключевая идея теории стресса заключается в том, что накопленные индивидом стрессы, продиктованные социальной средой, ведут к ухудшению психического здоровья. Интерес иссле-

дователей лежит в плоскости изучения связи между стрессом и механизмами его преодоления, а также неравного доступа населения к ресурсам, способным помочь снизить стресс. Доказано, что вероятность быть подверженным стрессу выше у людей с более низким социальным статусом [Thoits P.A., 2010].

С.Л. Коопер пришел к выводу, что значительное количество событий в жизни человека повышает риск получения им психической травмы, наступления болезни или даже смерти [Handbook of stress medicine..., 2005]. Результаты его интервью, взятых в окр. Камберуэлл (Великобритания) у 460 женщин, показали, что те из них, которые столкнулись с серьезными негативными событиями в своей жизни за последний год, на момент исследования находились в состоянии депрессии. К числу основных негативных событий были отнесены неблагоприятные жилищные условия, семейные конфликты, материальные трудности при покупке продуктов питания, одежды и медикаментов. Однако, L.I. Pearlin обращает внимание на существование людей, сталкивающихся с серьезными стрессовыми ситуациями в жизни и не имеющих негативных последствий, отразившихся на состоянии их психического здоровья [Pearlin L.I., 1989]. По мнению исследователя, это объясняется тем, что данная группа людей использует эффективные стратегии преодоления трудностей, выхода из стрессовых ситуаций, прибегая к эмоциональной, информационной и практической помощи «значимых других» (членов семьи или группы друзей). При социальной адаптации имеют значение и индивидуальные свойства личности. Так, люди, имеющие высокую самооценку и уверенные, что контролируют свою жизнь, с большей вероятностью будут проявлять активное участие в преодолении жизненных трудностей [Taylor S.E., 2007].

Таким образом, теория стресса фокусирует свое внимание на изучении текущей ситуации в жизни человека (негативных жизненных событий), а также указывает на высокие риски психических расстройств в группах с более низким социально-экономическим статусом (среди женщин, пожилых людей, молодых людей).

Структуралистский подход описывает макросоциологические детерминанты психическо-

го здоровья. В этом ключе показательно исследование R.E.L. Faris, H.W. Dunham, в ходе которого авторы выделили характеристики пациентов, поступивших в больницу г. Чикаго с диагнозами «шизофрения», «психоз» в середине 1930-х гг. Исследователи установили, что пациенты с диагнозом «шизофрения» проживали в бедных районах города, на территории с интенсивным перемещением населения, с большой долей мигрантов. Основные причины психических отклонений сводились к социальной дезорганизации и длительной социальной изоляции, поскольку психически больные люди проживали на территории с низким числом устойчивых межличностных контактов [Faris R.E.L., Dunham H.W., 1939]. S.E. Stockdale, K.B. Wells и др. указывают на особенности организации социального пространства, обуславливающего психические отклонения: проживание в районах низким уровнем социально-экономического развития, высоким уровнем безработицы, высоким уровнем преступности и физического насилия [Stockdale S.E. et al., 2007]. Выделенные характеристики организации социального пространства создают проблемы в жизни индивида и в совокупности со слабой социальной поддержкой со стороны окружающих и слабым контролем над жизненными обстоятельствами со стороны индивида оказывают негативное воздействие на состояние психического здоровья человека. Следовательно, социальное пространство в рамках структуралистского подхода — это контекст, создающий хроническое напряжение индивида, умножающий его жизненные трудности, а значит, повышающий риск развития психических заболеваний.

В рамках теории стигматизации (теории социальной реакции) причины психических заболеваний рассматриваются по-особому. Основная идея данного подхода заключается в том, что поведение людей определяется окружающими как девиантное, благодаря чему индивид получает ярлык девианта. По сравнению с психическими отклонениями сами симптомы психического расстройства девиантной направленности являются нормативными нарушениями в поведении. В этих случаях симптомы психических заболеваний противоречат устоявшимся в обществе представлениям о том, как люди должны мыслить, что чувствовать и как дей-

ствовать [Thoits P.A., 2010]. Обращаясь за профессиональной врачебной помощью, люди с психическими отклонениями маркируются (стигматизируются) публично, официально. Окружающие стереотипно считают их поведение непредсказуемым, опасным для других, а навыки их самообслуживания — неразвитыми. Находясь на лечении, психически нездоровые люди ограничены в своих действиях (они не могут покинуть территорию без разрешения, пользоваться бритвой, голосовать, видеть семью по своему желанию). Одним из последствий особого отношения к психически больным является их ограниченный доступ к обычной жизни. В больницах пациенты окружены другими психически больными людьми, что ведет к формированию особой субкультуры больных, усвоению их специфических, «нездоровых» норм и ценностей. Индивид отождествляет себя с ролью больного, проявляя симптомы, признаки психически больных людей, что, в свою очередь, ведет к вторичной девиации. Как следствие, люди получают ярлык девиантов, рассматриваются как девианты, становятся девиантами. Девиант — это тот, на кого был успешно наклеен ярлык [Becker H.S., 1973]. Следовательно, психически больные люди являются жертвами стигматизации.

Социологический подход к анализу психического здоровья фокусирует свое внимание на изучении социальных факторов, детерминирующих изменения в состоянии психического здоровья индивида, к числу которых относится наличие или отсутствие брачного союза. Брак рассматривается как особый культурный феномен, обеспечивающий легитимность союза мужчины и женщины.

Проблема изменения психического здоровья индивида при вступлении в брак не является предметом интереса отечественных социологов в связи со спецификой проблемы и критериями оценки показателей этого здоровья. Однако косвенным подтверждением связи психического здоровья и брачного состояния могут выступать показатели «удовлетворенность жизнью» и «ощущение счастья», выявляемые посредством использования социологических методов исследования.

Так, по данным исследования ВЦИОМ, лидирующее место среди причин, по которым респонденты считают себя счастливыми, занима-

ет наличие семьи (29 %) [Индекс счастья..., 2019]. Кроме того, больше отрицательных сторон в жизни неженатых мужчин, в отличие от состоящих в браке, фиксирует подавляющая часть респондентов опроса ФОМ (63 %) [О холостяках и незамужних..., 2014]. Существует разница между определением преимуществ холостой жизни мужчин среди тех, кто женат/замужем и не состоящими в браке. Доля респондентов, не состоящих в браке и утверждающих, что жизнь холостых мужчин имеет больше положительных сторон, несущественно, но больше доли тех, кто отмечает положительные стороны холостячества и сам состоит в браке (21 % против 11 %). Таким образом, преимущества одинокого образа жизни чаще других отмечают те, кто сам не состоит в браке. Подобные данные получены и при ответе на вопрос о наличии отрицательных сторон в жизни незамужней женщины. Одновременно можно предположить, что определенную часть населения устраивает их положение холостых/незамужних людей или, что, возможно, альтернативное брачное состояние (холост/незамужем) респонденты оценивают выше собственного (состою в браке).

Зарубежные исследователи уделяют этой проблеме более пристальное внимание по сравнению с отечественными социологами. Результаты исследования L.J. Waite, M. Gallagher показали, что для людей, состоящих в браке, характерен более низкий уровень депрессии, психических расстройств и более высокий уровень удовлетворенности жизнью, чем для лиц, не состоящих в браке [Waite L.J., Gallagher M., 2001]. Ряд зарубежных исследователей указывает на повышение психологического благополучия и снижение психологического стресса в случае вступления людей в брак [Frech A., Williams K., 2007; Kim H.K., McKenry P.C., 2002].

Согласно другим представлениям, благоприятные сдвиги в сфере психического здоровья, связанные со вступлением в брак, могут носить временный характер на фоне эффекта «медового месяца». Так, R.E. Lucas, A.E. Clark и др. пришли к выводу, что удовлетворенность жизнью возрастает на начальном этапе после вступления в брак и снижается в течение пяти лет супружеской жизни [Lucas R.E. et al., 2003]. Более того, в некоторых исследованиях и краткосрочное повышение уровня психического благополучия

супружеских пар ставится под сомнение. Z. Wu, R. Hart не выявили улучшения состояния психического здоровья молодых людей при вступлении в брак [Wu Z., Hart R., 2002].

Согласно нашим представлениям, выявленная противоречивость результатов может быть обусловлена различиями в методологии исследования и выборе критериев оценки психического здоровья. Кроме того, вступление в брак может оказать влияние на состояние психического здоровья вследствие изменения (увеличения или снижения) уровня материально-экономического благосостояния супругов. Следовательно, для объективной оценки влияния брака на психическое здоровье человека требуется более глубокое понимание процессов и факторов, детерминирующих данную зависимость [Thoits P.A., 2010]. В целом теоретические положения по вопросу взаимосвязи психического здоровья и брачного состояния сводятся к признанию положительной роли брака в состоянии психического здоровья, поскольку брак расширяет возможности для супругов к использованию материально-экономических и психосоциальных ресурсов. В то же время данные ряда эмпирических исследований, как мы видим, не во всех случаях совпадают с теоретическими представлениями.

Для социологов представляют интерес результаты исследований, раскрывающих особенности показателей психического здоровья у супругов с учетом гендерной принадлежности.

W.R. Gove, J.F. Tudor доказали, что брак оказывает менее благоприятное воздействие на состояние психического здоровья женщин по сравнению с влиянием на мужчин [Gove W.R., Tudor J.F., 1973]. Это, по мнению авторов, связано отчасти с тем, что выполнение супружеской роли женщиной сопряжено с большей ее включенностью и самопожертвованием. Однако исследования M.D.R. Evans, J. Kelley ставят под сомнение эти выводы; при этом они утверждают, что брак оказывает одинаковое воздействие на психическое здоровье мужчин и женщин [Evans M.D.R., Kelley J., 2004]. Согласно данным K. Marcussen, брак оказывает более оздоровительное воздействие на мужчину с точки зрения уменьшения потребления алкоголя, но это преимущество компенсируется снижением депрессивных настроений у женщин [Marcussen K., 2005].

Однозначные выводы социологических исследований состоят в том, что ведущей детерминантой психического здоровья индивида выступает качество брачного союза. Низкое качество брака, несчастливые супружеские отношения напрямую обуславливают снижение уровня психического здоровья [Frech A., Williams K., 2007], увеличивая риски возникновения тревоги, депрессии, злоупотребления алкоголем и психоактивными веществами [Overbeek G. et al., 2006].

Подводя итог обзору публикаций по проблеме исследования, следует заключить, что брачный союз оказывает определенное воздействие на психоэмоциональное состояние и мужчин и женщин — важнейший индикатор благополучия их психической сферы. Результаты социологических опросов семейных пар убедительно показывают, что брак расширяет возможности укрепления психического здоровья как для мужчин, так и для женщин. Наиболее отчетливо показатели психического благополучия людей, вступивших в брак, улучшаются в краткосрочной перспективе. Материально-экономические и психосоциальные ресурсы брака во многих случаях позволяют улучшить показатели психического здоровья. Однако определяющим фактором в укреплении этого здоровья супругов выступает так называемое качество брачного союза, основанное на характере взаимоотношений между ними.

Список литературы

Инвестиции в лечение депрессии и тревожных расстройств окупаются в четырехкратном размере / Всемирная организация здравоохранения. 2016. 13 апр. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/13-04-2016-investing-in-treatment-for-depression-and-anxiety-leads-to-fourfold-return> (дата обращения: 13.01.2020).

Индекс счастья на фоне «осенней хандры» / ВЦИОМ. 2019. 20 нояб. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10012> (дата обращения: 13.01.2020).

Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2020 гг. / Всемирная организация здравоохранения. 2013. URL: <http://www.who.int/iris/handle/10665/151502> (дата обращения: 12.01.2020).

О холостяках и незамужних / Фонд Общественное Мнение. 2014. 25 фев. URL:

<https://fom.ru/Obraz-zhizni/11367> (дата обращения: 10.01.2020).

Becker H.S. Outsiders: studies in the sociology of deviance. N.Y.: The Free Press, 1973. 215 p.

Evans M.D.R., Kelley J. Effect of family structure on life satisfaction: Australian evidence // Social Indicators Research. 2004. Vol. 69, iss. 3. P. 303–349. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-004-5578-9>

Faris R.E.L., Dunham H.W. Mental disorders in urban areas: An ecological study of schizophrenia and other psychoses. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1939. 264 p.

Frech A., Williams K. Depression and the psychological benefits of entering marriage // Journal of Health and Social Behavior. 2007. Vol. 48, iss. 2. P. 149–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/002214650704800204>

Gove W.R., Tudor J.F. Adult sex roles and mental illness // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, no. 4. P. 813–835. DOI: <https://doi.org/10.1086/225404>

Handbook of stress medicine and health / ed. by C.L. Cooper. L., UK: CRC Press, 2005. 440 p. <https://doi.org/10.1201/9781420039702>

Kim H.K., McKenry P.C. The relationship between marriage and psychological wellbeing: A longitudinal analysis // Journal of Family Issues. 2002. Vol. 23, iss. 8. P. 885–911. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251302237296>

Lucas R.E., Clark A.E., Georgellis Y., Diener E. Reexamining adaptation and the setpoint model of happiness: Reactions to changes in marital status // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 84, iss. 3. P. 527–539. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.3.527>

Marcussen K. Explaining differences in mental health between married and cohabiting individuals // Social Psychology Quarterly. 2005. Vol. 68, iss. 3. P. 239–257. DOI: <https://doi.org/10.1177/019027250506800304>

Overbeek G., Vollbergh W., de Graaf R., Scholte R., de Kemp R., Engels R. Longitudinal associations of marital quality and marital dissolution with the incidence of DSM-III-R disorders // Journal of Family Psychology. 2006. Vol. 20, iss. 2. P. 284–291. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.20.2.284>

Pearlin L.I. The sociological study of stress // Journal of Health and Social Behavior. 1989. Vol. 30, no. 3. P. 261–268. DOI: <https://doi.org/10.2307/2136956>

Thoits P.A. Sociological Approaches to Mental Illness // A handbook for the study of mental health:

social contexts, theories, and systems / ed. by T.L. Scheid, T.N. Brown. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 106–124.

Stockdale S.E., Wells K.B., Tang L., Belin T.R., Zhang L., Sherbourne C.D. The importance of social context: Neighborhood stressors, stress-buffering mechanisms and alcohol, drug and mental health disorders // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65, iss. 9. P. 1867–1881. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.05.045>

Taylor S.E. Coping resources, coping processes, and mental health // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2007. Vol. 3. P. 377–401. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091520>

Waite L.J., Gallagher M. The case for marriage: why married people are happier, healthier and better off financially. N.Y.: Broadway Books, 2001. 272 p.

Wu Z., Hart R. The effects of marital and no marital union transition on health // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64, iss. 2. P. 420–432. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00420.x>

Получено 09.12.2019

References

Becker, H.S. (1973). *Outsiders: studies in the sociology of deviance*. New York: The Free Press, 215 p.

Cooper, C.L. (ed.) (2005). *Handbook of stress medicine and health*. London: CRC Press, 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1201/9781420039702>

Evans, M.D.R. and Kelley, J. (2004). Effect of family structure on life satisfaction: Australian evidence. *Social Indicators Research*. Vol. 69, iss. 3. pp. 303–349. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-004-5578-9>

Faris, R.E.L. and Dunham, H.W. (1939). *Mental disorders in urban areas: An ecological study of schizophrenia and other psychoses*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 264 p.

Frech, A. and Williams, K. (2007). Depression and the psychological benefits of entering marriage. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 48, iss. 2, pp. 149–163. DOI: <https://doi.org/10.1177/002214650704800204>

Gove, W.R. and Tudor, J.F. (1973). Adult sex roles and mental illness. *American Journal of Sociology*. Vol. 78, no. 4, pp. 813–835. DOI: <https://doi.org/10.1086/225404>

Индекс счастья на фоне «осенней хандры» (2019) [Happiness index on the background of «autumn blues»]. Russian Public Opinion Research Cen-

ter (VCIOM). Nov. 20. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10012> (accessed 13.01.2020).

Investitsii v lechenie depressii i trevozhnykh rasstroystv okupayutsya v chetyrekhkratnom razmere (2016) [Investing in treatment for depression and anxiety leads to fourfold return]. World Health Organization. Apr. 13. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/13-04-2016-investing-in-treatment-for-depression-and-anxiety-leads-to-fourfold-return> (accessed 13.01.2020).

Kim, H.K. and McKenry, P.C. (2002). The relationship between marriage and psychological wellbeing: A longitudinal analysis. *Journal of Family Issues*. Vol. 23, iss. 8, pp. 885–911. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251302237296>

Kompleksnyy plan deystviy v oblasti psikhicheskogo zdorov'ya na 2013–2020 gg. (2013) [Comprehensive mental health action plan 2013–2020]. World Health Organization. Available at: <http://www.who.int/iris/handle/10665/151502> (accessed 12.01.2020).

Lucas, R.E., Clark, A.E., Georgellis, Y. and Diener, E. (2003). Reexamining adaptation and the setpoint model of happiness: Reactions to changes in marital status. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 84, iss. 3, pp. 527–539. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.3.527>

Marcussen, K. (2005). Explaining differences in mental health between married and cohabiting individuals. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 68, iss. 3, pp. 239–257. DOI: <https://doi.org/10.1177/019027250506800304>

O kholostyakakh i nezamuzhnikh (2014) [About bachelors and unmarried]. Public Opinion Foundation. Feb. 25. Available at: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11367> (accessed 10.01.2020).

Overbeek, G., Vollbergh, W., de Graaf, R. et al. (2006). Longitudinal associations of marital quality and marital dissolution with the incidence of DSM-III-R disorders. *Journal of Family Psychology*. Vol. 20, iss. 2, pp. 284–291. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.20.2.284>

Pearlin, L.I. (1989). The sociological study of stress. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 30, no. 3, pp. 261–268. DOI: <https://doi.org/10.2307/2136956>

Thoits, P.A. (2010). Sociological Approaches to Mental Illness. *A handbook for the study of mental health: social contexts, theories, and systems*, ed. by T.L. Scheid, T.N. Brown. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 106–124.

Stockdale, S.E., Wells, K.B., Tang, L. et al. (2007). The importance of social context: Neighborhood stressors, stress-buffering mechanisms and alcohol, drug and mental health disorders. *Social Science & Medicine*. Vol. 65, iss. 9, pp. 1867–1881. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2007.05.045>

Taylor, S.E. (2007). Coping resources, coping processes, and mental health. *Annual Review of Clinical Psychology*. Vol. 3, pp. 377–401. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091520>

Waite, L.J. and Gallagher, M. (2001). *The case for marriage: why married people are happier, healthier and better off financially*. New York: Broadway Books Publ., 272 p.

Wu, Z. and Hart, R. (2002). The effects of marital and no marital union transition on health. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 64, iss. 2, pp. 420–432. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00420.x>

Received 09.12.2019

Об авторе

Гордеева Светлана Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>

About the author

Svetlana S. Gordeeva
Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гордеева С.С. Влияние брака на психическое здоровье: обзор социологических исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 162–168.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-162-168](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-162-168)

For citation:

Gordeeva S.S. [Influence of marriage on mental health: sociological studies review]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 162–168 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-1-162-168](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-162-168)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и I (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 *в алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, но ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное изображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2020 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2020 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	27 марта
в № 2 — до 01 мая	26 июня
в № 3 — до 01 августа	25 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2020.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 27
No 2 May 1	June 26
No 3 August 1	September 25
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2020

Выпуск 1

Редактор *В.А. Филимонова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 24.03.2020
Дата выхода в свет 27.03.2020
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,46
Тираж 500 экз. Заказ 824/2020

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке